Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре
Свидетельство ПИ № ФС77-60424

ТиПЛ

Журнал входит в РИНЦ
Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1

Выпуск 3, № 1, 2017

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета
675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна	д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)
Морозова Ольга Николаевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)
Бай Лань	доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)
Баррет Екатерина Викторовна	канд. филол. наук (США)
Бурыкин Алексей Алексеевич	д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
Гусева Светлана Ивановна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)
Ермакова Людмила Витальевна	канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)
Лаврилье Александра	д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)
Манёрова Кристина Валерьевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)
Наумов Владимир Викторович	д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет)
Пирогова Марина Андреевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)
Поржучек Анджей	д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)
Селютина Ираида Яковлевна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)
Скрелин Павел Анатольевич	д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)
Становая Лидия Анатольевна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)
Старыгина Галина Михайловна	канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)
Тьен Дэвид	доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)
Чой Мун-Джеонг	доцент (Южная Корея)
Чугаева Татьяна Николаевна	д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)
Шамина Елена Анатольевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)
Шевченко Татьяна Ивановна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)
Шуйская Татьяна Викторовна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru
Адрес редакционной коллегии:
675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher
Amur State University (AmSU)

ThAL

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies
Certificate ПИ № ФС77-60424
RSCI
Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1

Volume 3, Issue 1, 2017

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press
Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region,
Russian Federation, Zip Code 675027

General Editor

Svetlana V. Androsova — Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach — PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova — PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova — PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan — PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett — PhD (the US)

Alexis A. Burykin — Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva — Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Ludmila V. Ermakova — PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier — PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova — PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov — Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation)

Marina A. Pirogova — Associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek — PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland).

Iraida Ya. Selyutina — Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin — Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya — Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina — PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien — PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi — PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva — Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina — PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko — Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya — PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Publisher Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81'42
UDC 81'42

Гань Хайцюань
Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, КНР
Gan Haiguan
Heihe University, Heihe, China
e-mail: ghd8289072@163.com

СМЫСЛ СОВРЕМЕННЫХ МИФОВ О ПЕТЕРБУРГЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА* THE IMPLICATIONS OF THE MODERN MYTHS OF PETERSBURG IN THE 19TH CENTURY RUSSIAN LITERATURE

Аннотация
Мифотворчество является неотъемлемым элементом деятельности человеческого сознания. Из-за уникальной роли Петербурга в процессе модернизации России и его культурного наследия, сформированного в этом процессе, почти все образы Петербурга имели тенденцию в народной литературе становиться мифами. Своеобразное мифологическое мышление и сознание, сформированные на основе петербургской народной литературы, и особый путь модернизации России позволили русским писателям, сочетая историзм и мистицизм, создать современную петербургскую мифологию, которая имеет общие объекты описания, характеризуется высочайшими идеологическим единством и целостностью. Современные мифы Петербурга в русской литературе 19-го века уходят корнями в российскую историю и социальную реальность и правдиво отражают многочисленные противоречия, возникшие в процессе модернизации российского общества. Мифы интерпретируют различные проблемы современной цивилизации, вскрывают борьбу таких противоположностей в эмпирическом мире, как неизменность и историческое развитие.

Abstract
Myth creation is an integral element of human consciousness. All the images related to Petersburg, due to its unique role in the process of Russian modernization and forming cultural heritage, have been mythologized in the folk literature. Based on the folk literature of Petersburg and the special situation of Russian modernization and with the combination of historism and mythicism, Russian writers, with their unique mythological thinking and awareness, created the modern myths of Petersburg, that have the same images and consistent thinking. The modern myths of Petersburg in the 19th-century Russian literature are rooted in Russian history and social reality and truly reflect all kinds of conflicts in the development of modernization of the Russian society. The myths interpret the problems of modern civilization and unfold the unchanging factors in the empirical world and historical development.

* Данное исследование является частью научной художественной программы провинции Хэйлунцзян 2016 г. «Исследование о поэтике петербургской современной мифологии в русской литературе». Номер программы: 2016 D 045.

Ключевые слова: Петербург, петербургская народная литература, современная мифология, антитеза.

Keywords: Petersburg, folk literature of Petersburg, modern myths, antithesis.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_5_15

1. Введение

Говоря о Петербурге, люди всегда невольно вспоминают о данных ему различных названиях: «парадиз», «северная Венеция»; «окно в Европу»… Этот список славных названий Петербурга можно продолжить. Однако из уже приведённых метафор обнаруживается, что Петербург занимает важное место в гуманистической культуре, является и её своеобразным признаком, и причиной, по которой люди уделяют ему особое внимание. В течение двух веков российской истории Петербург как столица Российской Империи был свидетелем важного периода исторического развития страны; в нём слились история и реальность, старые традиции и современность, происходили новые диалоги и вскрывались старые противоречия. Петербург – это город, который обладает богатым содержанием, и любой вопрос о нём может вызвать у людей множество бесконечных ассоциаций. В истории русской литературы традиция литературного Петербурга, созданная Пушкиным и Гоголем, заложила основу образа Петербурга для целых поколений. Писатели создали немало произведений на тему Петербурга, которые не только имеют общий объект описания и высокие идеологические единство и целостность. Большинство этих произведений обладают одним общим поэтическим свойством, которое придаёт им определённый характер мифологии и содержит смысл современной мифологии.

2. Происхождение современных мифов о Петербурге

Во-первых, присущие городу гуманистическая культура и реальная жизнь придают петербургской литературе характер мифологии. Петербург – самый северный из крупных городов мира с населением более миллиона человек. «Его географическое положение и климатические условия определяют некоторые уникальные характеристики гуманистической культуры этого города» [Цзинь, 2009, с. 27]. От того, что он расположен в устье Невы и около Балтийского моря, здесь повсюду болота и во все времена темно и сыро, нередки наводнения.

Более того, Петербург был полон тумана и дыма, и жившие в такой атмосфере люди вскоре переставали видеть грань между правдой и ложью, реальностью и нереальностью. «Граница этого света и того света исчезла, разницы между людьми, богом и призраком не существовало» [Цзинь, 2009, с. 27]. Люди остро ощущали, что нигде не было так тяжело жить, как в Петербурге. Он стал навязчивым городом, люди проклинали его, бежали из него. Петербург стал центром греха и зла, бездонной пропастью. Петербург

стал одновременно и раем, и антропогенным адом на земле. В. Н. Топоров отмечал: «Восстав из «топи блат», Петербург расколол русское общество на две непримиримые части: для одной это был «парадиз», окно в Европу, в которое Петербург старался втащить всю Россию; для другой он был бездной, предвещанием эсхатологической гибели» [Топоров, 2003, с. 1]. Для самих русских Петербург имеет великое значение трагедии, и «внутренний смысл Петербурга, самая глубочайшая идея его лежит именно в этой не сводимой к единству антитетичности и антиномичности – категорий, которые самое смерть кладут в основу новой жизни, понимаемой как ответ смерти и как её искупление, как достижение более высокого уровня духовности» [Топоров, 2003, с. 1]. Он получил высокий уровень духовности в борьбе между новым и старым, смертью и спасением.

Во-вторых, петербургская современная мифология и фольклор русской литературы имеют прямые связи. Под влиянием народной литературы творчество писателей исходит из петербургской народной литературы, славянской народной литературы, фольклора других наций, также же из христианской и политеистической мифологии, поэтому их произведения содержат коннотацию современной мифологии.

Русским присуще развитое мифологическое мышление, полное мистических образов. Народные мифы и легенды различных религий оказали влияние на писателей. В то же время, западная политеистическая мифология привлекла писателей, поэтому они очень легко впитали разные признаки и видения, присущие народной литературе, что способствовало мифологизации их сознания.

И, наконец, «творение мифов является неделимым, универсальным и всеобъемлющим элементом деятельности сознания» [Найдыш, 2002, с. 22]. Другими словами, каждая эпоха характеризуется мифами, имеющими собственные своевременные культурные особенности, поэтому создание мифологии является особой деятельностью человеческого духа и неотъемлемым фактором существования человеческой культуры. Возникновение и развитие мифологии глубоко коренятся в основных отношениях человеческой жизнедеятельности и во всеобщей связи между людьми и миром.

3. Современный петербургский миф в русской литературе

3.1. Идея современного мифа

Представление о мифологии не только проявляется в принятии формы и структуры мифа, но и отражается в понимании содержания и духа мифа. В начале XIX века с укреплением и развитием христианской мифологии некоторые пытались использовать её вместо греческой и римской мифологии. Одновременно с этим создаётся романтическая поэтика дьявола и чувство противоречия Богу становится всё более популярным. Однако мы должны отметить, что отрицательный образ падшего ангела, который сопротивлялся Богу в легенде, переместили в литературу, а это уже является подлинным созданием новых мифов.

С академической точки зрения современная мифология возникла в конце XIX века – начале XX века, но основывалась на новой мифологии, которую создал романтизм. Современная мифология берёт начало от новых легенд романтизма и является наследником и продолжателем новых романтических мифов. Авторитетные критики и исследователи назвали создание мифов в современной литературе новой мифологией, имея в виду все мифы, созданные писателями нетрадиционного направления. Из этого мы узнали, что в широком смысле современная мифология может относиться к новой мифологии, которую создавали представители мировой литературы. Она отличается от древней мифологии, включает и романтические новые мифы, и мифы современной литературы XX века. Уникальная характеристика современного мифа, исследуемая в данной статье, состоит в том, что по концепции – это современная интерпретация древних мифов, а по методу создания – это использование современных методов, хотя метод мышления заимствовали из древней мифологии, но содержание этих новых мифов уже было далеко от традиционных мифов. В настоящей статье мы моделируем содержание мифов, практически используем метод создания мифов, чтобы исследовать проблемы современной цивилизации, к тому же, сознательно, глубоко и нетрадиционно используем мифологические темы, сюжеты или образы для придания современной мифологии независимого характера и Поэтики мифологии.

Русская литература XIX века включает ранний романтизм и поздний реализм, в том числе мифотворчество, и содержит не только новые романтические мифы, но и многие из современных мифов XX века. Русская литература XIX века, с одной стороны, содержит поэтические характеристики романтической литературы, а с другой – обладает свойствами модернистской литературы. Все эти особенности наиболее ярко проявляются в произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского и других мастеров пера. Одна из таких особенностей заключается в том, что появилось большое количество новых мифов с характеристиками современной мифологии. В структуре образов, возникших в новых мифах, наряду с новыми чертами, присутствуют и традиционные средства, изображающие самые основные элементы человеческого бытия. Реалистическая литература в целом изо всех сил пытается избавиться от последствий мифологии, но это не означает отказа от мифического символа – она по-прежнему видит мифы как литературную технику, однако «проблема мифологии, содержащей реалистическую литературу, становится особенно сложной» [Мелетинский, 2006, с. 303]. Эти новые мифы уже выходят за рамки романтической литературы, и, к тому же, они обладают чертами, характеризующими современную мифологию.

3.2. Современные легенды о Петре I и о других разных персонажах

3.2.1. Современные легенды у А. С Пушкина

На основе оценки петербургской народной литературы об исторических лицах и событиях русские писатели XIX века создали разные совре-

менные легенды, прототипами которых являются различные истории и персонажи. Они не только обогатили петербургскую народную литературу, но и оказали существенное влияние на дальнейшее её развитие.

Легенды о Петре I занимают важное место в современных петербургских легендах. В петербургской мифологии Пётр I является и создателем чудес, равным Богу, и одновременно выступает чёртом и врагом Христианства в рассказах об эсхатологии. На фоне самобытной истории России Пушкин создал легенду о Петре, с прототипами петербургских народных рассказов – правдивых, трогательных и испуганных. В этой легенде открывается борьба между двумя силами – светом и тьмой. «Они являются фонами друг друга, противостоят друг другу, как упорство и слабость, ум и глупость, добро и зло в сказках» [Иванов, 1909]. Пушкин рассказал, что Пётр I «прорубил» окно в Европу, то есть показал выдающиеся подвиги и образ цветущего Петербурга. На фоне истории и реальности поэт с точки зрения легенды думал о процессе возникновения и развития Петербурга, то есть о движении от тьмы к свету и от беспорядка к порядку, признавая модернизацию, начатую Петром I. По мнению Пушкина, всё, что сделал Пётр I, могло сравниться с подвигами, совершёнными святыми в мифах. «Медный всадник, стоящий на Сенатской площади, кажется, уже стал центром петербургских современных легенд» [Лю, 2012, с. 135]. «На основе влияния веры в политеизм и язычество русских поэт придал медному всаднику символичность религии и легенды» [Цзинь, 1999, с. 86]. Он создал из Петра I образ творца чудес, который победил тьму и беспорядок, дал миру порядок и свет, а также громовержца, который защитил город. Хотя поэт глубоко сочувствовал маленьким людям, их трагической судьбе, прошедшей в исторических конфликтах, он больше размышлял о русском историческом положении через «Медного всадника» и выразил точное понимание русского пути модернизации, проложенного Петром I, и сути исторической трагедии человечества.

Символика Петербурга в творчестве А. С. Пушкина занимает значимое место. Поэт в полной мере «впитал» в себя мир предшествующих культурных эпох.

Эксцентрический город расположен «на краю» культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. «Здесь актуализируется не антитеза «земля / небо», а оппозиция «естественное – искусственное» [Лотман, 1992, с. 10]. Это город, созданный вопреки природе и находящийся в борьбе с нею. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели; идея обречённости и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии. Как правило, это потоп, погружение на дно моря. Этот вариант эсхатологической легенды устойчиво вошёл в мифологию Петербурга.

В поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» вечная борьба стихии и культуры, заложенная в идее обречённого города, реализуется как антитеза воды и камня. Причём заметим, что петербургский камень у А. С. Пушкина – не «природный», «дикий» камень, а очеловеченный, окультуренный;

он является артефактом, а не феноменом природы. Эта антитеза «естественное – искусственное» прямо прослеживается в тексте:

Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен... [Пушкин,1986, с. 173].

Уже в самом начале поэмы автор показывает вольные, ничем не стесненные воды, которые человек постепенно «облагородил» в соответствии со своими представлениями о том, как должна выглядеть река в культурном городе. Противопоставление свободной стихии и камня («… в гранит оделася Нева…» [Пушкин, 1986, с. 173]), в который «одел» человек волны, намеченное в начале поэмы, далее разовьется в мотив бурного сопротивления воды оковам, созданным людьми:

Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной [Пушкин,1986, с. 175].

Камень Петербурга – камень на воде, на болоте, это камень без опоры, положенный человеком. И, конечно же, воплощением идеи очеловеченного камня в поэме, в первую очередь, является вознесшийся «над огражденною скалою» [Пушкин, 1986, с. 182] памятник Петру, повелением которого и был создан этот гибельный в сознании русского человека город. Следует сразу оговорить возникшее противоречие: несмотря на то, что сам памятник сделан из меди, он, тем не менее, воплощает собой камень-артефакт, потому что памятник Петру (напомним, что имя «Пётр» в переводе с греческого означает «камень») – не что иное, как монолит, созданный из обработанного человеком природного материала.

Возвращаясь к ранее сказанному, надо отметить следующее: в силу того, что камень – не природный феномен, а артефакт (то есть искусственно созданный), он в художественном пространстве А. С. Пушкина обладает не привычными признаками устойчивости, неподвижности, а противоестественным признаком перемещаемости:

…За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне… [Пушкин,1986, с. 183].

В художественной картине поэмы вода и камень меняются местами: вода вечна, она была до камня и в итоге победит его; камень же наделён

временностью и призрачностью, вода его разрушает. Поэтому архитектурные сооружения у А. С. Пушкина, будучи частными проявлениями идеи обработанного человеком камня, подвергаются «нападению» и разрушению со стороны стихии, в очередной раз подчёркивая «призрачность» Петербурга. Обратившись к ранее обозначенной антитезе «естественное – искусственное», смело можем сказать, что живым героем поэмы выступает водная стихия, способная на борьбу, стремящаяся вырваться из подчинения городу и, в свою очередь, подчинить его себе.

Ряд использованных автором сравнений и метафор однозначно направлен на то, чтобы подчеркнуть живую природу, естественность стихии, крайнюю степень «бурности» её проявления:

… Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась... [Пушкин,1986, с. 177].

В образе Петербурга у А. С. Пушкина, мы можем выявить антитезу «стихия – окультуренность».

Табель о рангах, распространённый Петром I в процессе поиска пути в модернизацию, воодушевлял людей стремиться к большему богатству путём создания благоприятных условий и своего старания. У многих стремление к материальной культуре и личной счастливой жизни значительно превысило стремление к духовной жизни. Отсутствие веры и нравственное падение с каждым днём становились главными проблемами общества. Пушкин в «Пиковой даме» описал образ из реальной жизни и невидимую сверхъестественную силу, действующую в рассказе, посредством описания фантазии и сна, чем выразил свою точку зрения о правосудии. Для поэта прообразом Пиковой дамы стала княгиня Н. П. Голицина. В петербургской литературе среди многих женских образов мифический образ княгини Н. П. Голициной занимает одно из важнейших мест. В народе говорится, что она – внучка Петра, известная в высшем свете высокомерием и властолюбием.

3.2.2. Современные легенды у других писателей

Легенды о религии занимают важное место в русской литературе XIX века. Всем известно, что «творение Гоголя углубило тему поиска духа и морали в русской литературе» [Цзинь, 2009, с. 182]. После него многие писатели обратили внимание на религиозный поиск. Они «соединили понимание духовного тяжёлого положения человечества и мистицизм Православия» [Цзинь et al., 2003, с. 8], выразили познание религионной морали через легенды.

В современных петербургских легендах присутствует немало сюжетов с образом дьявола. Как известно, Христианство является монотеизмом. С точки зрения Христианства, все другие религии являются иноверием, поэтому бог, которому поклоняются иноверцы, – это дьявол. Однако

Россия долгое время находилась в состоянии борьбы политеизма и Христианства, поскольку многие принимали православие по принуждению. Поэтому принятие Христианства не означало отсутствие влияния язычества. Возможно, люди по принуждению забыли о языческих богах, но «... евангелие и многие точки зрения древнего политеизма идентичны до сих пор. В некоторых местах люди не только сохраняют церемонии политеизма, но и хранят дух политеизма. Иными словами, русское народное Христианство является Христианством со стилем какого-то политеизма, воплощение политеизма – обряд поминовения, а воплощение Христианства – вера» [Цзинь et al., 2003, с. 17].

В русской литературе XIX века имеются черты как народной религии, так и Христианства. Как у Гоголя, так и у Достоевского, много образов дьявола, взятых из Христианства. Источники религиозных легенд Гоголя очень богаты и включают не только украинские народные легенды, но и мистические верования самого автора. Гоголь соединил своё творчество с личным пониманием религии и святой миссии, поставил искусственное наблюдение в конситуацию религиозных легенд, на фоне Петербурга воспроизвёл социальные реалии России. В рамках Христианства писатель выразил тему дьявола, вскрыл многочисленные болезнные вопросы в различных областях общественной жизни и духовного мира человека. На взгляд Гоголя, если бог представляет доброту и справедливость, то дьявол представляет собой символ зла и соблазнения. Ковалев, Чартков и Башмачкин – это образы дьявола, созданные Гоголем. Из-за того, что у них в сердцах нет истинного, доброго и прекрасного, они поддаются соблазну или непосредственно выражают порочный характер дьявола.

Достоевский, погрузившись в глубину души человека, также отметил иррациональное наличие дьявольской сущности в человеческой душе. Он считал, что вера человека и его жизнь тесно связаны. В работах писателя многие герои – интерпретаторы духа евангелия. Одновременно они ещё и живые люди, однако под внешним спокойствием они скрывают психологические аномалии и преступные желания. Писатель, используя приём двойника-дьявола, изложил противоречие между верой главного героя в бога и искушением его дьяволом, например, через образ Голядкина. В рамках серии образов, которые имеют двойную личность, Достоевский проявил мифологический характер дьявола и конфликтов духа Евангелия, например, такие образы персонажей, как Раскольников, обладающий характеристиками и спасителя, и дьявола; Версилов, бродящий между богом и дьяволом; Мышкин-Христос как Дон Кихот и дьявол-Рогожин.

Толстой часто рассматривал и существование, и смерть, и любовь, и веру, связывая идеи народной религии в кругозоре Христианства. Он знал наизусть «Евангелие», внимательно исследовал литературу, посвящённую биографии святых, а также разные народные легенды о святых. Писатель изложил перестроенные сюжеты и образы в своём творчестве. Современные легенды в его творчестве имеют тесные связи с вероисповеданием и мистикой. В романе «Анна Каренина», заимствуя народную традиционную идею о

дьяволе, посредством раскрытия характера таких персонажей как Анна, Вронский, Каренин, а также всего высшего общества, Толстой описал классическую религиозную легенду «Мне отмщение, и Аз воздам», разъяснил идею христианских легенд о возмездии бога. С одной стороны, Толстой признал традиционную религиозную идею о прощении и любви бога, с другой – одобрил народный закон о справедливом суде. Поэтому изложение Толстым классического религиозного мифа о возмездии Бога в Библии имеет характер антиномии. Толстой считал, что страсть и разные желания происходят от дьявола. Чтобы самосовершенствоваться, человеку необходимо бороться с этим. Так что тема дьявола в его дальнейшем творчестве приобретала всё большее значение, в том числе в «Исповеди», «Крейцеровой сонате», «Воскресенье» и так далее.

4. Выводы

Фрай отметил, что «обычно легенда относится к особенной серьёзной категории: дело в том, что люди верят, что легенда – это либо действительная, настоящая история, либо она имеет особое значение в объяснении некоторых составляющих в жизни человека, таких как религиозные обряды» [Frye, 1997, с. 131]. Петербургские современные легенды в русской литературе XIX века имеют глубокие культурные корни. Они возникли под влиянием разных политических идей и культурных традиций, особенным образом балансировали между тяжёлыми противоречиями в реальной жизни, смягчали напряжение и беспокойство в сердце, отражали знание о жизненном пространстве и жизненной обстановке и психологические требования петербуржцев. Это новый тип легенд.

Петербургская современная мифология в русской литературе XIX века является общественно-исторической мифологией. Она укоренилась в русской истории и общественной реальности, отразила различные противоречия и конфликты российского общества в процессе развития и модернизации. В ней выразилось понимание русской истории и реальной жизни, были даны ответы на вопросы о Петербурге. Люди на фоне тогдашней культуры особым образом «выразили непонятие, выразили непонятное понятным, легкоразрешимым нелегкоразрешимое» [Мелетинский, 2009, с. 180]. Здесь имеются повествования об исторических событиях, догадки о неизвестных событиях, сообщения о тайных вещах, изложение несуществовавших событий. Петербургская современная мифология расшифровывала историю сказочным приёмом, изложила гуманистический культурный дух Петербурга, критиковала реальные злоупотребления в обществе, искала ответы на такие вопросы, как что есть жизнь и смерть, добро и зло, выразила заботу о судьбе человечества, а также надежду и стремление к прекрасной жизни и мечте. Эти современные легенды являются выражением народных мифов у русских писателей и образа мышления мистицизма, соединяющего с историей. С одной стороны, они как сила, гармонирующая с социокультурным противоречием, перестроили мерило стоимости в разных слоях общества. С другой стороны, их роль

диахронична и может выходить далеко за пределы данной эпохи и данного общества и служить высшей духовной цели. Мы не можем не признать культурную и социальную основу, на которой построены петербургские современные легенды, и не можем оставить без внимания то, что мир, созданный легендой, является продуктом человеческой души, результатом воображения и фантазии.

Список литературы

1. 金亚娜：并非不可解读的神秘 — 果戈理灵魂的复合性与磨砺历程 // 俄罗斯文艺 [J]，2009 年第 3 期，26-28页。 [Цзинь, Я. Тайна не без разъяснения – Комплексность и путь закалки души Гоголя [Текст] / Я. Цзинь // Русская литература. – 2009. – № 3. – С. 26–28].
2. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды [Текст] / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусство, 2003. – 614 с.
3. Найдыш, В. М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма [Текст] / В. М. Найдыш. – М. : Гардарики, 2002. – 554 с.
4. Мелетинский, Е. М. . Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М. : Восточная литература, 2006. – 408 с.
5. Иванов, В. И. По звездам. Статьи и афоризмы. – СПб. : Изд-во «Оры», 1909. – 448 с.
6. 刘锟：梅列日科夫斯基创作中的彼得堡现代神话意蕴 // 外语学刊 [J]，2012 年第 6 期，130-142页。 [Лю, К. Смысл Петебургской современной мифологии в творчестве Мережковского [Текст] / К. Лю // Научная пресса иностранных языков. – 2012. – № 6. – 130–142].
7. 金亚娜：《青铜骑士》的象征和象征主义意蕴 // 求是学刊 [J]，1999 年第 1 期，85-89页。 [Цзинь, Я. Символ «Медный всадник» и смысл символизма [Текст] / Я. Цзинь // Научная пресса. Поиски правды. – 1999. – № 1. – С. 85–89].
8. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города [Текст] / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. В 3-х т. – Т. 2. – Таллин : Александра, 1992. – С. 9–21.
9. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в 3-х томах [Текст] / А. С. Пушкин. – Т. 2. – М. : Художественная литература, 1986. – 528 с.
10. 金亚娜：果戈理的 “别样现实主义 ” 及成因 // 外语学刊 [J]，2009 年第 6 期，178-185页。 [Цзинь, Я. Другой реализм и причина происхождения [Текст] / Я. Цзинь // Научная пресса иностранных языков. – 2009. –№ 6. – С. 178–185].
11. 金亚娜、刘锟、张鹤：充盈的虚无 —俄罗斯文学中的宗教意识 [M]，人民文学出版社，2003，17页。 [Цзинь, Я. Полнота пустоты – сознание религии в русской литературе [Текст] / Я. Цзинь, К. Лю, Х. Чжан. – Пекин : Народная литуратура, 2003. – 17 с.].
12. [加] 诺 斯 罗 普 • 弗 莱：诺 斯 罗 普 • 弗 莱 文 论 选集 [M]，吴诗哲主编，中国社会科学出版社，1997，131页。 [Избранные сочинения Нортопа Фрая [Текст] / [под ред. Ву Чиже]. – Пекин : Книжный дом китайских общественных наук, 1997. – 131 с.].

References

1. 金亚娜：并非不可解读的神秘 — 果戈理灵魂的复合性与磨砺历程 // 俄罗斯文艺 [J]，2009 年第 3 期，26-28页。 [Jin, Y. (2009). It is not an Interpretation of Mystery: Complex and Sharpening Process of Gogol's Soul. *Russian Literature and Art*, 3, 26–28].
2. Toporov, V. N. (2003). Peterburgskij tekst russkoi literatury. *Izbrannyje trudy* [Russian Literature in Petersburg. Selected works]. St Petersburg : Art.
3. Naidysh, V. M. (2002). *Filosofia mifologii. Ot antichnosti do epohi romantizma* [Myth Philosophy: From Ancient Greek Culture to Romantic Period]. Moscow : Gardariki Press.
4. Meilitinskij, E. M. (2006). *Poetika mifa* [The poetry of myth]. Moscow : Oriental Literature Press.
5. Ivanov, V. Y. (1909). *Po zvezdam. Statji i aforizmy* [On stars. Articles and aphorisms]. St Petersburg : Ori Press.
6. 刘锟：梅列日科夫斯基创作中的彼得堡现代神话意蕴 // 外语学刊 [J]，2012 年第 6 期，130-142页。 [Liu, K. (2012). Petersburg Modern Myth connotation in Merezhkovski's Works. *Journal of Foreign Languages*, 6, 130–142].
7. 金亚娜：《青铜骑士》的象征和象征主义意蕴 // 求是学刊 [J]，1999 年第 1 期，85-89页。 [Jin, Y. (1999). Symbol and symbolic meaning in «The Bronze Horseman». *Scientific Press. Seeking the Truth*, 1, 85–89].
8. Lothman, Yu. M. (1992). Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The Symbols of Peterburg and urban Semiotics]. *Izbrannyje statji v 3 tomah* [Selected articles in 3 volumes] (Vol. 2, pp. 9–21). Tallinn.
9. Pushkin, A. S. (1986). *Sobranie sochinenij v 3-h tomah* [Collection of works in 3 volumes] (Vol. 2). Moscow : Fiction Press.
10. 金亚娜：果戈理的 "别样现实主义 " 及成因 // 外语学刊 [J]，2009 年第 6 期，178-185页。 [Jin, Y. (2009). Gogol's «Unusual Realism» and its origin. *Journal of Foreign Languages*, 6, 178–185].
11. 金亚娜、刘锟、张鹤：充盈的虚无 —俄罗斯文学中的宗教意识 [M]，人民文学出版社，2003，17页。 [Jin, Y., Liu, K., Zhang, H. (2003). *Filling the Void – Religious Consciousness in Russian Literature*]. Beijing : People's Literature Publishing House].
12. [加] 诺斯罗普·弗莱：诺斯罗普·弗莱文论选集 [M]，吴诗哲主编，中国社会科学出版社，1997，131页。 [Selected critical essays of Northrop Frye. (1997). Ed. by Wu Chizhe. Beijing : China Social Sciences Publishing House].

УДК 81'34
UDC 81'34

Кочеткова Ульяна Евгеньевна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Ulyana E. Kochetkova
St Petersburg State University
St Petersburg, Russian Federation
e-mail: ukochetkova@phonetics.pu.ru

ВЛИЯНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА НА РЕАЛИЗАЦИЮ СОГЛАСНОГО /r/ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕВЧЕСКОЙ РЕЧИ
PHONETIC ENVIRONMENT EFFECT ON /r/ ARTICULATION IN FRENCH SUNG SPEECH

Аннотация
В данном исследовании проводится анализ частоты реализации увулярного и альвеолярного /r/ во французской певческой речи на материале романсов французских композиторов конца 19 в. – начала 20 в. На первом этапе исследования сравнивается частота появления увулярного сонанта в пении исполнителей разных поколений, устанавливается характерная для них модель артикуляции. Затем анализируются замены альвеолярного согласного на увулярный в различных фонетических контекстах. Полученные результаты позволяют сделать вывод о наиболее частом сохранении альвеолярного [r] после паузы и перед полугласным сонантом, а также свидетельствуют о существовании увулярной артикуляции в данном музыкальном жанре у певцов, принадлежащих к различным поколениям.

Abstract
This study analyses occurrence of the uvular and alveolar /r/ in French sung speech; its material includes Art Songs written by French composers of the late 19th – early 20th century. At the first stage of this study the uvular consonant occurrence in different age groups of singers is compared, the main /r/ articulation model is considered for every singer. Then deviations from the alveolar articulation model, i. e. changes to the uvular /r/, are analyzed in various phonetic environment. The current study's results enable to conclude that (i) most of the alveolar [r] are maintained after the breath pause and before the semivowels, (ii) the uvular articulation exists in the Art Songs interpretation by French operatic singers representing different age groups.

Ключевые слова: певческая речь, французский язык, фонетический контекст, артикуляция согласных.

Keywords: sung speech, French language, phonetic environment, rhotic consonants, articulation.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_16_27

1. Введение

В настоящее время реализация французского сонанта /r/ в вокальной речи является одним из наиболее дискуссионных вопросов и представляет особый интерес как для фонетического анализа, так и для вокальной педагогики. Этот факт объясняется, с одной стороны, вариативностью данной фонемы в современном французском языке [Гордина, 1997], с другой – отсутствием единого мнения относительно артикуляции французского /r/ в академическом вокале [Miller, 2004 ; Nedecky, 2015 ; Grubb, 1979 ; Vennard, 1967]. В то же время высокие требования, предъявляемые к современным исполнителям, предполагают наличие у них не только высокого уровня владения вокальной техникой, но и навыков правильного фонетического оформления текста, исполняемого на языке оригинала. При этом большинство оперных певцов, для которых французский язык не является родным, неизбежно сталкиваются с определёнными трудностями при исполнении арий и / или романсов французских композиторов. Несмотря на наличие отдельных указаний относительно артикуляции французского /r/ в работах по вокальной педагогике и вокальной фонетике [Vennard, 1969 ; Grubb, 1979 ; Yarbrough, 1993 ; Miller, 1996 ; Miller, 2004 ; Montgomery, 2015 ; Nedecky, 2015], а также по истории вокального исполнительского искусства [Girod, 2015], приведённые сведения, как правило, являются фрагментарными или носят рекомендательный характер. Исследования, в которых проводится фонетический анализ французской вокальной речи, не дают детального описания артикуляции согласного /r/ в данном фоностиле [Di Carlo, 2007 ; Martin, 2011]. Таким образом настоящая работа должна дополнить картину функционирования французских согласных в певческой речи.

2. Фонема /r/ в современном французском языке

Современная произносительная норма французского языка определяет согласный /r/ как увулярный щелевой сонант [ʁ], при котором увула сближается с задней частью спинки языка [Гордина, 1997, с. 102 ; Walter, 1983 ; Léon, 1996]. Возможна и фарингальная артикуляция, при этом щелевой согласный рассматривается как факультативный вариант фонемы /r/ [Гордина, 1997]; по мнению французских авторов, фарингальный щелевой аллофон фонемы /r/ относится к региональным вариантам французского языка или к его социолектам [Léon, 1996]. Увулярный дрожащий многоударный сонант [R], встречающийся в пении французских шансонье (напр., у Э. Пиаф и Ж. Бреля) и зачастую ошибочно принимаемый иностранцами за основной аллофон /r/, в настоящее время наблюдается лишь в определённых областях Франции и не включается во французскую произносительную норму [Walter, 1983].

Отдельного рассмотрения заслуживает апикально-альвеолярный [r]. Данный аллофон встречается, как правило, в юго-восточных региональных вариантах французского языка, а также в некоторых национальных его вариантах (напр., в Квебеке, Монреале, в некоторых областях Бельгии)

[Walter, 1983 ; Léon, 1996]. Особый интерес представлет роль [r] в становлении и развитии системы французского консонантизма [Delattre, 1946 ; Gutmans, 1969 ; Martinet, 1969 ; Cohen, 1970], так как именно апикально-альвеолярный согласный был унаследован из латыни, тогда как увулярный [R] появился в речи городского населения Франции лишь в 17 веке, а в речи других групп населения – в 18 веке[1] [Bourciez, 1958, p. 174].

Апикально-альвеолярная артикуляция [r] традиционно описывается лингвистами как фоностилистическая черта вокальной речи оперных исполнителей и, как правило, объясняется влиянием итальянского стиля bel canto[2] [Léon, 1996]. При этом вопрос о фонологическом статусе апикально-альвеолярного одноударного и многоударного вибрантов в пении, по-видимому, остается открытым и предполагает две возможные трактовки: с одной стороны, можно рассматривать их как аллофоны наравне с аллофонами, представленными в региональных и национальных вариантах французского языка; с другой стороны, влияние итальянской певческой традиции на развитие академического вокала во Франции позволяет предположить существование итальянского апикально-альвеолярного согласного во французской певческой речи в качестве заимствованной согласной фонемы.

3. Традиция интерпретации /r/ в академическом вокальном искусстве

Уже в одном из первых французских трактатов, посвященных вокальному искусству, подробно описывается артикуляция согласного /r/ в различных положениях в слове [Bacilly, 1679, p. 291–297]. Автором данной работы является французский певец, композитор, педагог и учёный 17 века Бертран де Басийи (Басили). В эпоху, когда увулярная артикуляция ещё окончательно не закрепилась во французской произносительной норме, авторы обращали особое внимание не только и не столько на неуместность увулярного согласного в пении, сколько на необходимость «правильного» употребления разных вариантов переднеязычного /r/. Так, по мнению Басийи, в начале слова лучше всего использовать «сильный» согласный (по-видимому, имеется в виду переднеязычный многоударный вибрант), тогда как в середине слова скорее уместен «слабый» /r/ (вероятно, речь идёт об одноударном согласном) [Bacilly, 1679, p. 291–297].

Позже, в 19 веке, во Франции возникает целый ряд работ, в которых уделяется большое внимание артикуляция в пении [Garcia, 1851 ; Duval, 1878 ; Lavoix, Lemaire, 1881]. При этом во всех трудах описывается только один возможный для французского вокала вариант: альвеолярный [r].

---

[1] Возникновение увулярной артикуляции [R] во французском языке на данном этапе его развития некоторые исследователи объясняют необходимостью сохранения оппозиции /r/ и /rr/ [Martinet, 1969].

[2] Понимание бельканто как определённого стиля, сложилось ретроспективно в 19 веке и было обусловлено необходимостью сохранить старинную итальянскую технику плавного голосоведения, возникшую ещё в конце 17 века.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что данные описания касаются, в первую очередь, оперного жанра. Представления о вокале в целом и о певческой артикуляции в частности, изложенные в работах середины – второй половины 19 века, во многом определят дальнейшее развитие вокальной педагогики во Франции (а часто и за её пределами[3]).

В 20 веке большинство специалистов продолжает настаивать на апикально-альвеолярной артикуляции [r] как единственно правильной и возможной во французском академическом пении, причём даннное правило расспространяется уже не только на оперу, но и на камерную вокальную музыку [Grubb, 1979 ; Yarbrough, 1993 ; Miller, 1996]. Такая точка зрения присутствует и в работах последних двух десятилетий [Miller, 2004 ; Nedecky, 2015 ; Montgomery, 2015]. При этом некоторые авторы связывают выбор альвеолярного [r] с необходимостью следования так называемому высокому стилю (style soutenu) французской лирической декламации [Nedecky, 2015]. Увулярный дрожащий согласный [R] считается уместным лишь в эстрадном жанре и в жанре кабаре [Vennard, 1969 ; Grubb, 1979 ; Nedecky, 2015], появление его в опере и оперетте возможно только во вставных разговорных диалогах либо при создании определённого колорита (напр., для придания репликам какого-либо персонажа оттенка «вульгарности») [Nedecky, 2015, p. 13]. Несмотря на резкую критику использования увулярной артикуляции, авторами отмечается всё более частое появление увулярного согласного в пении молодого поколения французских исполнителей [там же].

У некоторых авторов теоретических работ встречается и более лояльное отношение к реализации французского увулярного /r/, который считается не только допустимым, но иногда даже придающим оттенок «аутентичности» академическому исполнению [Vennard, 1967, p. 632]. Однако подобное замечание относится чаще к вокалистам-носителям языка и реже к иностранным исполнителям, так как считается, что увулярная артикуляция (по сравнению с альвеолярной) требует гораздо большего мастерства от тех, кто изучает французский язык как иностранный. В связи с этим, вслед за известным французским баритоном Пьером Бернаком (Pierre Bernac)[4], считавшим, что увулярный согласный нарушает звучание соседних гласных и уместен лишь в популярном жанре, В. Веннард советует вокалистам использовать апикально-альвеолярный сонант [r] в оперном и камерном жанрах [Vennard, 1967, p. 632].

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы установить, как часто и в каких фонетических контекстах исполнители различных поколений следуют этому совету, а в каких – отклоняются от него.

---

[3] Это замечание относится, в первую очередь, к системе Мануэля Гарсии-младшего [Garcia, 1851], певца и учёного, создателя ларингоскопа, одного из крупнейших вокальных педагогов 19 века, методические принципы которого отразились на развитии вокального исполнительского искусства во Франции и в других странах, в том числе в России.

[4] Записи данного исполнителя входят в материал исследования.

4. Индивидуальный исполнительский подход к артикуляции /r/

Можно предположить, что выбор того или иного варианта реализации фонемы /r/ на протяжении всего произведения осуществляется вокалистом сознательно во время работы над музыкальным отрывком и может быть обусловлен целым рядом факторов экстралингвистического характера: технической сложностью музыкального текста, традицией интерпретации данного произведения в мировой исполнительской практике, подходом к артикуляции согласных в рамках определённой вокальной школы, концепцией режиссера оперной постановки, и так далее. Однако, несмотря на высокий уровень подготовки репертуара, состояние сценического волнения в некоторых случаях может приводить к вынужденному изменению схемы поведения даже у опытных музыкантов. В связи с данной особенностью исполнительской деятельности особый интерес представляет не только и не столько анализ индивидуального подхода к артикуляции /r/ в том или ином произведении, сколько рассмотрение случаев отклонения от характерного для вокалиста варианта артикуляции, то есть замены альвеолярного сонанта на увулярный и наоборот.

5. Реализация /r/ певцами различных поколений

5.1. Материал и методика

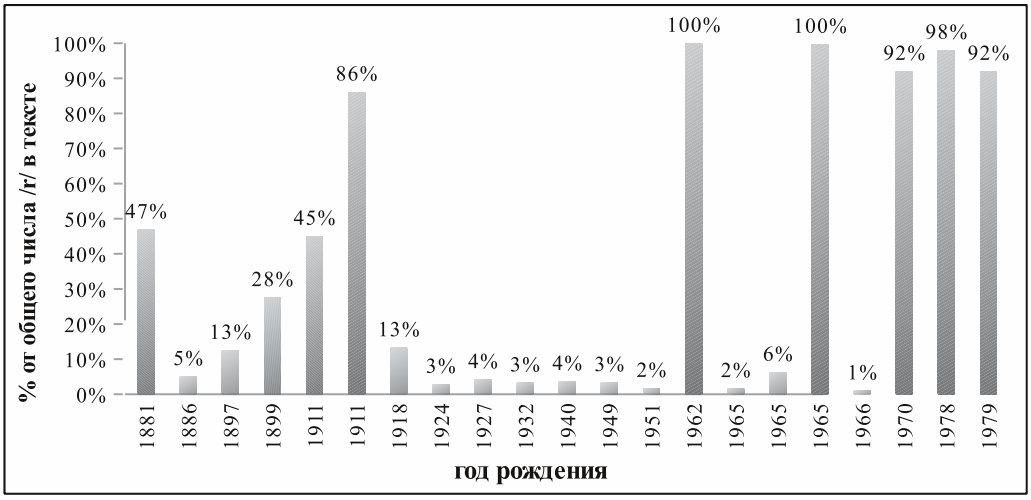
Материал исследования составили аудиозаписи 20 французских вокалистов, принадлежащих к различным поколениям, а также одного бельгийского оперного певца, воспитанного в традициях французской вокальной школы и прожившего много лет во Франции[5]. При этом в материале представлены как мужские, так и женские голоса (соответственно 8 и 13 человек). Во избежание дополнительного влияния таких факторов, как музыкальный стиль и жанр, материал исследования был ограничен 87 романсами французских композиторов конца 19 в. – начала 20 в.: Г. Форе, Р. Ана, К. Дебюсси, А. Дюпарка, Э. Шоссона, К. Сен-Санса, Г. Берлиоза, В. д'Энди, Ж. Массне, П. Дюка, А. Капле, Г. Дюпона, А. Башле, Л. Делиба, М. Равеля, С. Франка. Однако каждый отдельный романс был представлен не более, чем в 10 интерпретациях в силу целого ряда причин объективного характера: неудовлетворительное качество записи; ограничения репертуара, связанные с типом голоса и тому подобных. Место артикуляции /r/ определялось с помощью слухового и, при необходимости, спектрального анализа. Далее был проведён анализ частоты реализации увулярного и альвеолярного вариантов в вокальной речи каждого из исполнителей по отношению к общему количеству /r/ в тексте конкретного романса.

---

[5] Произношение всех вокалистов было оценено экспертом – носителем французского языка – как нормативное (le français standard) и лишённое регионального акцента.

5.3. Результаты

Если обратиться к рисунку 1, можно заметить, что средняя частота реализации увулярного [ʁ][6] только у двух вокалистов близка к 50% (47% – у диктора 1881 г. рождения; 45% – у диктора 1911 г. рождения), тогда как остальные 19 исполнителей более чем в 70% случаев реализуют один из вариантов. Полученные данные позволяют предположить существование характерной для певца артикуляции /r/ в рамках конкретного стиля и жанра. Кроме того, результаты анализа дают представление об изменении индивидуального подхода к выбору /r/ в разные периоды времени (см. рис. 1). Они не только подтверждают мнение, согласно которому современная тенденция состоит в более частой реализации увулярного французского [ʁ] или [R] в пении [Nedecky, 2015], но и свидетельствуют о более сложном характере наблюдаемых различий. Можно заметить, что у исполнителей первой половины 20 века увулярный согласный появляется с различной частотой (от 3% до 86%), тогда как представители более поздних поколений четко разделяются на две группы: на тех, у кого более чем в 92% случаев реализуется родной увулярный согласный, и тех, кто крайне редко допускает отклонения от характерной для них альвеолярной артикуляции.

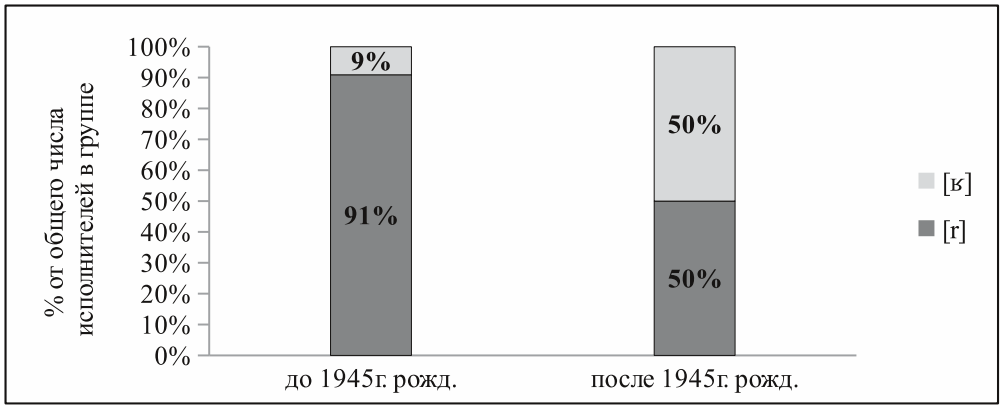


Р и с у н о к 1. **Частота реализации увулярного /r/ в пении у представителей различных поколений**

Характерная для исполнителя артикуляция – для её обозначения в дальнейшем используется рабочий термин «модель» – определялась в зависимости от того, какой из вариантов согласного /r/ встречался с частотой, превышающей 50%. Для большей наглядности на рисунке 2 отражён выбор

[6] Использование знаков международного фонетического алфавита носит схематический характер, так как варианты /r/ сравнивались только по месту артикуляции; анализ вариантов, различающихся способом образования преграды, не входил в цели и задачи настоящего исследования.

исполнителями различных поколений той или иной модели артикуляции /r/. Деление выборки на две части в зависимости от года рождения хорошо иллюстрирует описанную выше тенденцию к сосуществованию двух моделей артикуляции /r/ в современной вокальной речи. Можно заметить (см. рис. 1 и рис. 2), что только у одного из 11 исполнителей, родившихся до 1945 года, встречается увулярная модель артикуляции. При этом половина исполнителей (5 из 10), родившихся после 1945 года, предпочитает увулярную модель артикуляции, а половина – традиционную альвеолярную.



Р и с у н о к 2. **Соотношение индивидуальных моделей артикуляции /r/ в двух группах исполнителей (рождённых до и после 1945 года)**

6. Реализация /r/ в различных фонетических контекстах

6.1. Материал и методика

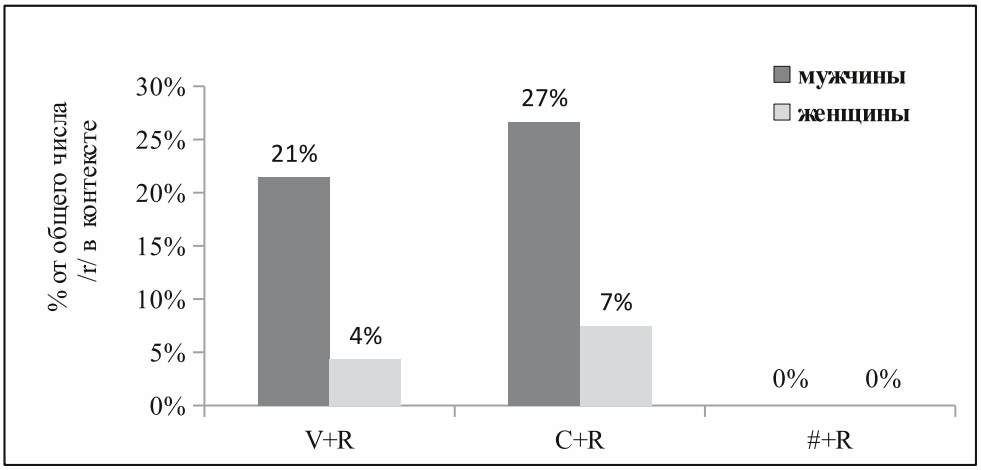
Как было сказано выше, с точки зрения лингвистического анализа наибольший интерес представляют случаи отклонения от характерной для конкретного певца артикуляции на протяжении того или иного произведения. Для исследования подобных явлений из 87 романсов, перечисленных выше, были отобраны 59 романсов, в которых наблюдалось хотя бы одно отклонение от выбранной певцом модели. В связи с этим произведения Р. Ана, Ж. Массне и П. Дюка были исключены из дальнейшего анализа. Необходимо отметить, что в материале данного исследования случаи использования двух различных моделей артикуляции /r/ одним и тем же исполнителем не наблюдались. Этот факт позволил разделить исполнителей на две группы в зависимости от выбранной ими модели. В данной работе исследуется частота отклонений от альвеолярной модели артикуляции, поскольку объём материала для группы исполнителей с увулярной моделью оказался недостаточным для получения статистически обоснованных выводов.

6.2. Отклонения от альвеолярной модели артикуляции /r/ в различных фонетических контекстах

В исследованном материале альвеолярная модель артикуляции /r/ присутствовала у 15 вокалистов (7 мужчин и 8 женщин). Всего в певческой речи данных исполнителей было отмечено 3195 случаев реализации фоне-

мы /r/ в различном фонетическом окружении. В ходе анализа рассмотренных романсов первоначально были выделены 15 вариантов фонетических контекстов (примеры даны в скобках, сокращение S обозначает полугласный сонант, C – согласный, V – гласный, # – паузу): # RV (reviens), # RSV (roi), # CRV (cri), # CRSV (trois), VR # (Lahor), VRCV (courtes), VCRV (sabre), VRSV (en ruines), VRRV (mer reflète), VCCRV (il crie), VRCC(V) (lorsque), VRCSV (courtois), VCRSV (adroit), VCCRSV (il croit), VRCRV (arbre). Однако столь подробная классификация, учитывающая самые разнообразные варианты фонетического окружения согласного /r/, не позволяет получить статистически достоверные данные в рамках настоящего исследования.

В связи с этим были выделены 3 варианта сочетаний с левым контекстом (рис. 3): положение после паузы (# + R), после согласного (C + R) и после гласного (V + R). Сочетания согласного /r/ с правым контекстом (рис. 4) включали: положение перед паузой (R + #), перед гласным (R + V), перед полугласными сонантами (R + S) и перед остальными согласными (R + C). При этом лишь непосредственное соседство /r/ с тем или иным звуком и паузой принималось во внимание. Для каждого исполнителя вычислялась частота реализации увулярного согласного в том или ином контексте, затем были определены средние значения для каждой из групп вокалистов в отдельности (мужчин и женщин).

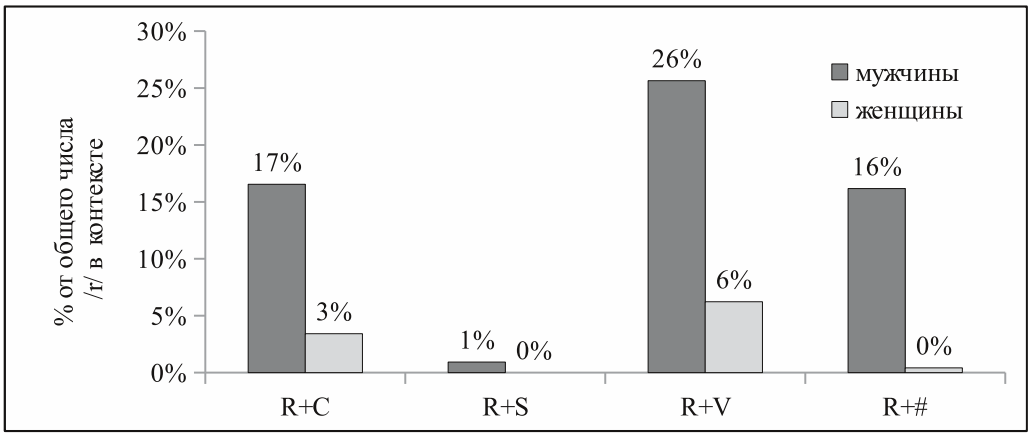


Р и с у н о к 3. **Средняя частота реализации увулярного /r/ после различных вариантов левого контекста в двух группах исполнителей**

Как видно из рисунка 3, максимальная частота реализации увулярного [ʁ] или [R] наблюдалась после согласного (27% – у мужчин; 7% – у женщин), чуть реже замены на увулярный согласный были отмечены после гласного (21% и 4% соответственно), при этом разница между частотой отклонений после согласного и после гласного не так велика (6% – у мужчин; 3% – у женщин). В положении после паузы замены на увулярный согласный отсутствовали вовсе. Сохранение альвеолярного согласного в

начале дыхательной группы, вероятно, связано с б*о*льшим удобством альвеолярной артикуляции в данной позиции с точки зрения вокальной техники[7]. Кроме того, можно предположить, что после паузы, которая совпадает с певческим вдохом, а часто и с началом музыкальной фразы[8], исполнитель лучше контролирует артикуляцию.

Также хорошо заметно, что отклонения от альвеолярной модели артикуляции у мужчин (в среднем, в 16% случаев) чаще присутствуют в пении, чем у женщин (в среднем, в 3,6% случаев). Однако детальное рассмотрение данного аспекта требует проведения отдельного исследования.



Р и с у н о к 4. **Средняя частота реализаци увулярного /r/ перед различными вариантами правого контекста в двух группах исполнителей**

В результате анализа различных типов правого контекста оказалось (рис. 4), что чаще всего увулярный согласный [ʁ] или [R] был реализован перед гласным и у мужчин (26%), и у женщин (6%). Как указывалось выше, в исследованном материале у женщин в целом наблюдалось менее частое появление увулярного согласного в пении, чем у мужчин. В связи с этим разница между частотой замен альвеолярного согласного на увулярный в различных контекстах у певиц достаточно мала и не превышает 6%. При этом в обеих группах информантов увулярный [ʁ] или [R] перед согласным и перед паузой возникает реже, чем перед гласным. У мужчин частота отклонений от альвеолярной модели в данных контекстах примерно одинакова: 17% – перед согласным, 16% – перед паузой. Для женщин характерна более низкая, чем перед гласным, частота реализации увулярного [ʁ] или [R] перед согласным (3%) и близкая к нулю – перед паузой (0,4%).

---

[7] Ср. мнение Басийи по поводу использование переднеязычного вибранта в начальной позиции в слове [Bacilly, 1679, p. 632].

[8] В исследованном материале для большинства романсов было характерно такое совпадение, однако подробное описание музыкального синтаксиса и его соотношения с фонетическими характеристиками не входило в цели и задачи настоящей работы.

Реже всего замены на увулярный согласный производились перед полугласными сонантами /j/, /w/, /ɥ/ у мужчин (1%), у женщин же подобные замены не наблюдались (0%). Сохранение альвеолярного согласного [r] в данной позиции, по-видимому, облегчает вокалисту переход к полугласным сонантам, которые близки по артикуляторному укладу закрытым гласным /i/, /y/, /u/. Известно, что после увулярного согласного закрытые гласные переднего ряда могут характеризоваться менее передней и менее закрытой артикуляцией [Гордина, 1997, с. 102–103], что говорит об определённом «неудобстве» такого сочетания. По всей видимости, это отражается и на сочетании соответствующих полугласных сонантов с согласным /r/ в вокальной речи.

7. Выводы

Большой объём исследованного материала, включающий вокальную речь большинства известных французских оперных певцов последнего столетия, позволил получить новые данные, а также уточнить, а иногда и опровергнуть существующие представления о реализации /r/ в вокальной речи. Как оказалось, реализация увулярного согласного в романсах встречается не только у современных певцов, но и у всех певцов первой половины – середины 20 века. Причём даже те вокалисты, которые порицали появление увулярного согласного не только в опере, но и в камерной вокальной музыке [Vennard, 1967], в исследованном материале допускали отклонения от альвеолярной модели артикуляции.

Оказалось также, что современный подход к артикуляции /r/ в пении не отличается единообразием. Для него характерно не только и не столько частое появление увулярного согласного, сколько разделение певцов на две группы: тех, кто почти в 100% случаев артикулируют увулярный согласный, и тех, кто крайне редко отклоняется от альвеолярной модели артикуляции. Интересно отметить, что в исследованном материале близкая к 100% частота артикуляции увулярного согласного появляется лишь у вокалистов, родившихся после 1960 г.; начало их творческой карьеры, следовательно, приходится на девяностые годы 20 века. Таким образом увулярную модель артикуляции в пении, по всей видимости, можно считать явлением, характерным лишь для последних двух десятилетий.

Результаты, полученные в ходе анализа отклонений от альвеолярной модели артикуляции /r/ в вокальной речи французских исполнителей, позволили также выделить те фонетические контексты, в которых увулярный согласный появляется крайне редко (положение перед полугласными сонантами /j/, /w/, /ɥ/) или вовсе отсутствует (положение после паузы). По-видимому, артикуляция увулярного согласного в данных позициях наименее удобна при пении. Можно также предположить, что начало дыхательной группы в певческой речи требует большего контроля (в том числе и артикуляторного) со стороны исполнителя, чем середина или конец группы: об этом свидетельствует наличие в последних двух позициях замен на увулярный согласный как у мужчин, так и у женщин. Наиболее

частое появление увулярного [ʁ] или [R] было отмечено в положении перед гласным, однако отличие данного контекста от остальных по частоте отклонений не так велико и не позволяет сделать окончательный вывод о его влиянии на реализацию увулярной артикуляции в пении.

Таким образом результаты настоящего исследования позволяют с новой точки зрения рассмотреть реализацию согласного /r/ в вокальной речи французских оперных певцов на протяжении последних ста лет. Полученные данные могут быть использованы в курсах практической и теоретической фонетики французского языка, фоностилистики, а также в вокальной педагогике и работах по истории вокального исполнительского искусства.

Список литературы [References]

1. Гордина, М. В. Фонетика французского языка [Текст] / М. В. Гордина. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – 300 с. [Gordina, M. V. (1997). *French Phonetics*. St Petersburg : St Petersburg University Press].
2. Bacilly, B. (de). (1679). *L'art de bien chanter de M.de Bacilly*. Paris: Bacilly.
3. Bourciez, E. (1958). *Précis de phonétique française*. Paris : Klincksieck.
4. Cohen, M. (1970). Vous pouvez le rouler ou le racler. *Toujours des regards sur la langue française* (pp. 64–69). Paris : Editions sociales.
5. Delattre, P. (1996). A contribution to the history of "r grasseyé". *Studies in French and comparative phonetics* (pp. 206–207). Londres –la Haye – Paris : Mouton.
6. Di Carlo, N. S. (2007). Language and diction: Effect of multifactorial constraints on intelligibility of opera singing (I). *Journal of singing: the official journal of the national association of teachers of singing*, 63 (4), 443–455.
7. Duval, G. (1878). *Artistes et cabotins*. Paris : Ollendorf.
8. Garcia, M. (1851). *Ecole de Garcia: traité complet de l'art du chant*. Paris : Mayence.
9. Girod, P. (2015). *Les mutations du ténor romantique. Contribution à une histoire du chant français à l'époque de Gilbert Duprez (1837–1871)*. Thèse; Université Rennes 2. Rennes.
10. Grubb, Th. (1979). *Singing in french: a manual of french diction and french vocal repertoire*. Belmont : Schirmer Books.
11. Gutmans, T. (1969). R roulé ou r grasseyé? *Vie et langage*, 213, 685–688.
12. Lavoix, H., Lemaire, Th. (1881). *Le chant. Ses principes et son histoire*. Paris : Heugel et fils.
13. Léon, P. (1996). *Phonétisme et prononciations du français*. Paris : Editions Nathan Press.
14. Martinet, A. (1969). R du latin au français d'aujourd'hui. *Le français sans fard* (pp. 132–143). Paris : PUF.
15. Miller, R. (1996). *On the art of singing*. Oxford : Oxford University Press.
16. Miller, R. (2004). *Solutions for singers: tools for performers and teachers*. Oxford : Oxford University Press.
17. Montgomery, J. (2015). *The advanced french lyric diction workbook*. Nashviller, TN : S. T. M. Publications.
18. Nedecky, J. (2015). *French diction for singers. A handbook of pronunciation for french opera and melodie*. Toronto : Book POD, 2015.

19. Néron, M. (2011). Coarticulation: aspects and effects on american english, german, and french diction. *Journal of singing: the official journal of the national association of teachers of singing*, 67 (3), 313–325.
20. Vennard, W. (1967). *Singing. The mechanism and the technic*. New York : Karl Fischer.
21. Walter, H. (1983). La phonologie du français d'aujourd'hui. *Langue française. Phonologie des usages du français*, 60, 3–5.
22. Yarbrough, J. (1991). *Modern languages for musicians*. Stuyvesan : Pendragon Press.

УДК 81'33
UDC 81'33

Ляксо Елена Евгеньевна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Elena E. Lyakso
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: lyakso@gmail.com

Фролова Ольга Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Olga V. Frolova
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation
e-mail: olchel@yandex.ru

Григорьев Алексей Сергеевич
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Aleksey S. Grigorev
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation
e-mail: a.s.grigoriev89@gmail.com

Остроухов Александр Викторович
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Aleksandr V. Ostrouxov
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation
sasha_schoen@mail.ru

КОРПУСА ДЕТСКОЙ РЕЧИ «INFANT.RU», «INFANT.MAVS», «CHILD.RU», «EmoChildRu» НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РЕЧЕВОГО ОНТОГЕНЕЗА

«INFANT.RU», «INFANT.MAVS», «CHILD.RU», «EmoChildRu» – RUSSIAN CHILDREN SPEECH CORPORA AND THEIR APPLICATION IN RESEARCH OF ONTOGENESIS OF SPEECH

Аннотация
Группой по изучению детской речи СПбГУ созданы корпуса вокализаций и речи детей первых трёх лет жизни «INFANT.RU» и «INFANT.MAVS», спонтанной и читаемой речи детей 4–7 лет жизни «CHILD.RU», эмоциональной речи детей 4–7 лет «EmoChildRu». Представляемые уникальные корпуса являются первыми на материале русского языка. Речевой материал, содержащийся в корпусах детской речи, используется при проведении междисциплинарных исследований по изучению различных аспектов становления речи и их связи с когнитивным и эмоциональным развитием ребёнка.

Abstract
«INFANT.RU», «INFANT.MAVS» – 1–3 years old children vocalizations and speech corpora, spontaneous and read speech of 4–7 years old children speech corpora «CHILD.RU», and emotional speech of 4–7 years old children speech corpora «EmoChildRu» were developed by Child's speech research group of Saint Petersburg state university. These original corpora are the first on Russian language material. The speech material contained in the child's speech corpora is the basis for multidisciplinary researches: different aspects of speech formation, their correlation with child's cognitive and emotional development.

Ключевые слова: корпус детской речи, база данных, спектрографический анализ.

Keywords: child speech corpora , database, spectrographic analysis.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_28_58

1. Введение

Исследования в области детской речи на современном этапе предполагают наличие достаточной выборки информантов и информации о них, стандартизации условий набора материала, использование объективных инструментальных методов оценки динамики формирования речевой функции. Для реализации перечисленных задач необходимо создание специализированных речевых баз данных и сопутствующего корпуса видеоматериалов; применение комплексного мультидисциплинарного подхода, включающего методы анкетирования, анализа макро и микро элементов поведения, методы перцептивного, инструментального и фонетического анализа звуковой и / или речевой продукции детей и их родителей. Всё перечисленное подразумевает применение комплексного системного подхода к изучению речевого онтогенеза.

В настоящее время на материале различных языков создаются базы данных, которые могут быть использованы для исследований в области детской речи. База «CHILDES» является одной из первых и наиболее известной базой детской речи на материале разных языков, используемой в лингвистических исследованиях (см., напр., [Slobin, 2002]). «EmoWisconsin» – корпус эмоциональной речи 28 детей 7–13 лет, родным языком которых является мексиканский испанский [Perez-Espinosa et al., 2011]. «FAU Aibo Emotion Corpus» – корпус, содержащий эмоциональную речь 51 немецкого ребёнка в возрасте 10–13 лет [Batliner, Steidl, Noth, 2008]. Для 350 французских детей

5–9 лет создана база данных, содержащая слова, произносимые детьми в различных эмоциональных состояниях – положительном, отрицательном и нейтральном [Syssau, Monnier, 2009]. Корпус «PF_STAR» включает записи спонтанной, вызванной (повторяемой за взрослым) и читаемой речи детей [The PF_Star. …, 2005]. Объём речевого материала составляет более 60 часов. В данном корпусе содержатся записи чтения на английском языке, как иностранном, детей, родной язык для которых немецкий (57 детей 10–15), шведский (40 детей 10–11 лет), итальянский (78 детей 10 лет, из которых 53 ребёнка повторяли вслед за читающим взрослым, 25 детей читали). В исследованиях по автоматическому распознаванию детской речи (см., напр., [Gerosa et al., 2007]) используются корпуса читаемой речи итальянских «ChildIt» (171 ребёнок 7–13 лет) и американских англоговорящих детей «CID» (записи 436 детей 5–18 лет), спонтанной речи итальянских детей «SpontIt» (21 ребёнок 8–12 лет). Для венгерских детей в возрасте 5–10 лет создан корпус читаемой и повторяемой речи [Csatari et al., 1999]. При создании речевых корпусов учитывают тип речевого материала: читаемая речь, спонтанная речь; тип канала связи; условия записи; формат файла, его расширение. Речевые корпуса, соответствующие международным требованиям на материале русского языка, представлены нашими разработками.

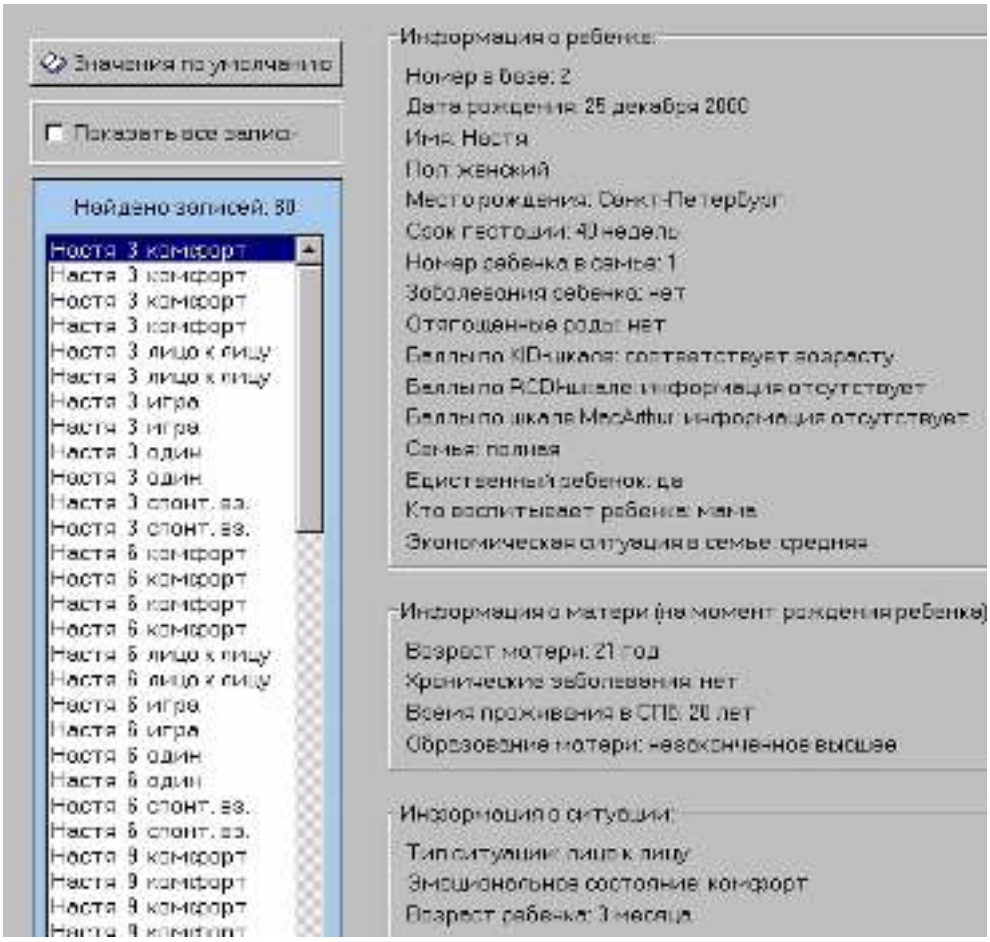
2. Методика и результаты исследования

Группой по изучению детской речи СПбГУ (руководитель – д.б.н. Е. Е. Ляксо) созданы базы данных вокализаций и речи детей первых трёх лет жизни «INFANT.RU», «INFANT.MAVS», и речи детей 4–7 лет жизни «CHILD.RU», эмоциональной речи детей 4–7 лет «EmoChildRu». Эти базы являются первыми и единственными на материале русского языка.

Корпус звуков и речи детей 0–3 лет жизни «INFANT.RU» содержит записи вокализаций и речевых сигналов 187 детей. 99 детей воспитываются в условиях семьи, 88 детей – в условиях Дома ребёнка [«INFANTRU» and «CHILDRU …, 2007 ; Russian Infants …, 2010]. Общее время записи составляет 70 часов. Звуковой материал собран с учётом возрастной динамики вокализаций детей на протяжении первого года жизни (плач, гуление, лепет, первые слова) и специфики эмоционального состояния ребёнка (норма – риск развития). «Домашние» дети родились и проживают в г. Санкт-Петербурге, их родители родились или проживают в СПб не менее 10 лет. Аудиозапись с параллельной видеозаписью проводили в домашних условиях при взаимодействии с родителями, которые общались с ребёнком спонтанно и в пятиминутных модельных ситуациях взаимодействия. Модельные ситуации для каждого возрастного среза детей – «лицом к лицу», «игра», «чтение», «один» – выбрана в соответствии с разработанной ранее методикой [Ляксо, 2003].

В базе данных содержатся сведения о ребёнке, матери, условиях записи и используемой аппаратуре. Информация о ребёнке включает имя, пол, дату и место рождения, срок гестации, протекание беременности и родов, каким по счёту является ребёнок в семье, экономическую и социальную ситуацию в семье, данные о психомоторном развитии ребёнка. Ин-

формация о матери включает время её проживания в Санкт-Петербурге, образование, наличие или отсутствие хронических заболеваний, возраст на момент рождения ребенка. Информация о звукозаписи: возраст ребёнка (в месяцах), ситуация взаимодействия, состояние ребёнка, условия записи и используемая аппаратура, имя файла. Записи звуковых сигналов 88 детей с 1,5 месяцев до 36 месяцев, воспитывающихся в условиях дома ребёнка, произведены в ситуации взаимодействия ребёнка с экспериментатором. Все речевые файлы представлены в формате Windows PCM, 22050 Гц, 16 бит. Для работы с базой данных создана программа VDB.EXE (рис. 1). Программа позволяет выбирать и прослушивать речевые записи по признакам: номер ребёнка, пол ребёнка, номер ребёнка в семье, заболевание ребёнка, возраст матери на момент рождения ребёнка, возраст ребёнка, полная или неполная семья, воспитатель ребёнка, ситуация записи, эмоциональное состояние ребёнка. База «INFANT.RU» может быть использована психологами, лингвистами, специалистами в сфере речевых технологий при выполнении научных исследований по речевому онтогенезу и создании обучающих программ.



Р и с у н о к 1. **Оболочка программы для поиска материала в базе данных «INFANT.RU»**

При анализе материала, содержащегося в базе «INFANT.RU», мы используем комплексный подход, включающий следующие методы.

Анкетирование родителей – психологические тесты, социологическая анкета, опросник когнитивного и речевого развития детей дошкольного возраста [Ляксо, 2008], опросники «КИД – шкала» и «RCDI», адаптированные Санкт-Петербургским Институтом раннего вмешательства для детей Северо-Западного региона; анализ элементов поведения (оценка видеозаписей группами экспертов); методы перцептивного (группами носителей языка), фонетического (МФА, САМПА) и спектрографического анализа (в звуковых редакторах Cool Pro, Cool Edit, Praat) вокализаций и речевого материала.

Материалы, содержащиеся в корпусе, позволили дополнить ранее описанную нами динамику становления звукового / речевого репертуара детей на протяжении первых трёх лет жизни [Ляксо, 2008], описать акустические характеристики звуков и речевых конструкций детей [Lyakso, Frolova, 2007 ; Ляксо, Григорьев, 2013], вокально-речевые взаимодействия в диадах «мать-ребёнок» [Ляксо, 2006] и характеристики материнской речи (МР), обращённой к ребёнку в зависимости от его возраста и неврологического статуса [Ляксо и др., 2003]. В данной статье в качестве примера использования материала, содержащегося в базе, представим некоторые данные.

На основе перцептивного, спектрографического и фонетического анализа вокализаций 38 типично развивающихся (ТР) детей прослежена динамика изменения соотношений разных категорий звуков и звукосочетаний в их репертуаре на протяжении первого года их жизни (табл. 1).

К концу первого года жизни типично развивающегося (ТР) ребёнка его звукопродукция наряду с гласноподобными звуками содержит различные комбинации согласноподобных, гласноподобных звуков и слоги. К 12-месячному возрасту детей, количество произносимых ими гласноподобных звуков значимо не отличается от их числа в вокализациях 9-месячных детей, однако уменьшается ($p<0,05$ по критерию Манна-Уитни) количество отдельно произносимых согласноподобных звуков за счёт их включения в лепетные конструкции (46,4 ± 22%).

Материал, содержащийся в базе «INFANT.RU», позволил провести анализ вокально-речевых отношений в диадах «мать-ребёнок». Выявлены значимые отличия между диадами с детьми группы нормы (ТР дети) и риска (дети, имеющие в анамнезе неврологические нарушения) по организации МР, обращённой к ребёнку, уровню речевого развития детей и взаимной звуковой имитации. Речь матерей, адресованная ТР детям на протяжении первого года их жизни, отличалась от речи, обращённой взрослому, и претерпевала изменения на уровне артикуляции слова и временной организации высказывания [Ляксо, 2012]. Выявлены две группы матерей с разной стратегией взаимодействия с детьми группы риска на протяжении первого года их жизни. В первой группе МР отличается от речи, адресованной взрослому, изменяется с возрастом ребёнка по количеству и характеристикам интонационно выраженных (маркированных) слов; во второй группе – речь, обращённая к ребёнку, не отличается от речи,

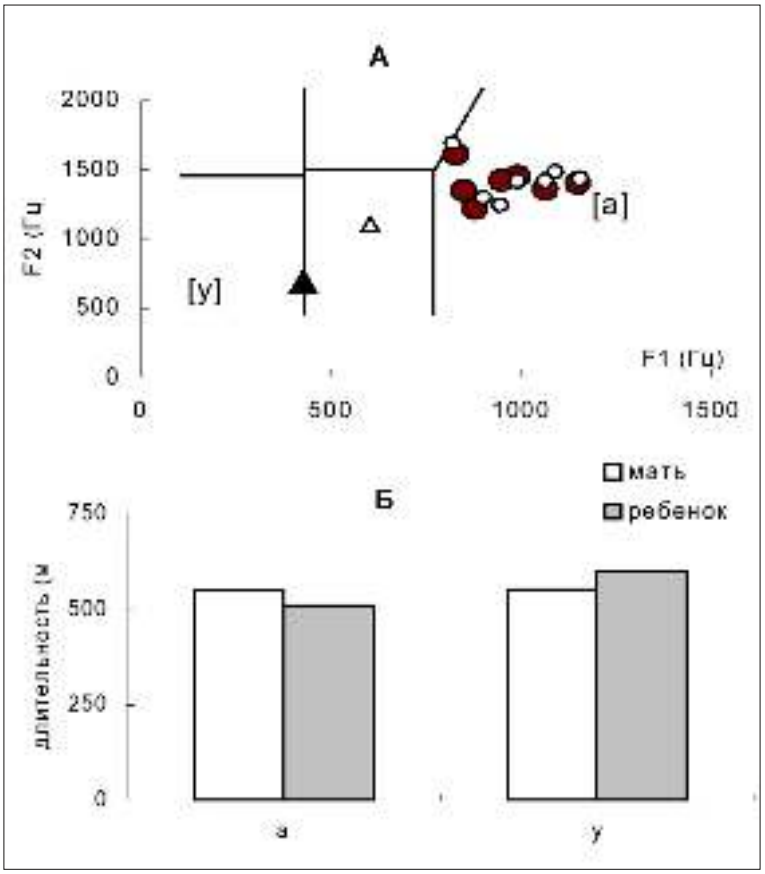
направленной взрослому и не меняется с возрастом ребёнка. Для каждой матери группы риска характерно отсутствие в её речи какого-либо признака, присущего МР матерям ТР детей.

Таблица 1. **Категории разных звуков в репертуаре 38 детей на протяжении первого года жизни, %**

Категория звука	Возраст ребенка (в месяцах)			
	3	6	9	12
Г	69,7±15,5	37,5±21,4	34,1±14,6	31,8±17,0
ГГ	10,3±6,3	12,3±14,0	7,4±5,1	11,0±6,3
Г(n)	9,0±7,2	14,0±11,2	10,5±5,4	9,2±10,0
С	1,0±1,3	2,7±2,0	6,7±5,2	1,6±3,3
СС	0,9±1,1	1,5±1,3	1,2±1,0	0
С(n)	0	0,3±0,8	1,5±2,4	0
СГ	1,1±1,0	8,5±6,0	14,8±7,9	17,1±16,8
СГС	1,0±3,0	1,7±2,3	4,3±4,1	2,1±2,1
ССГ	2,8±3,6	6,5±9,0	1,9±2,5	0
ГС	1,1±0,9	5,5±4,1	5,2±4,4	5,5±7,0
ГСГ	2,8±3,2	7,8±9,2	6,4±4,0	3,6±4,3
ГСГС	0,3±0,5	0,9±0,7	2,3±4,2	2,9±2,2
СГСГ	0	0,8±1,5	1,8±3,5	5,1±4,9
СГ(n)	0	0	1,9±2,7	7,5±16,9
Г[СГ]n	0	0	0	2,6±3,1

Примечание к таблице 1: обозначения: Г – гласноподобный звук, ГГ – сочетание двух одинаковых или разных по звучанию гласноподобных звуков, Г(n) – сочетания трех и более гласноподобных, С – согласноподобный, СС – сочетание двух согласноподобных, С(n) – сочетания трёх и более согласноподобных, СГ – сочетание согласноподобный-гласноподобный (слог), СГС – сочетание гласноподобный-согласноподобный-гласноподобный, ССГ – сочетание согласноподобный-согласноподобный-гласноподобный, ГС – сочетание гласноподобный-согласноподобный, ГСГ – гласноподобный-согласноподобный-гласноподобный, СГ(n) – повторяющиеся слоги, Г[СГ] n – повторяющиеся слоги с гласноподобным перед ними; цифрами указано среднее значение, ± величина стандартного отклонения.

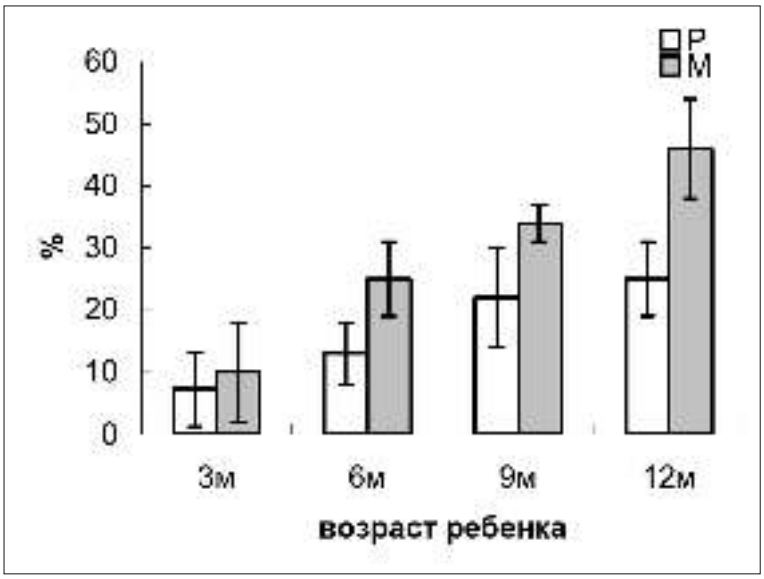
При взаимодействии с матерями дети группы нормы имитируют мимику, а затем, примерно с 2,5–3 месяцев, – звуки материнского голоса, которые являются наиболее выделенными, отличающимися от общего потока речи (рис. 2).



Р и с у н о к 2. **Значения формантных частот и длительности гласных материнского голоса и гласных, имитируемых детьми 12-месячного возраста, относимых аудиторами (вероятность 1.0) к имитационным звукам**

П р и м е ч а н и е к р и с у н к у 2 : А – Значения формант гласных материнского голоса [а] и [у] и гласных, имитируемых детьми, отнесённых всеми аудиторами к имитационным звукам. Маркер круг – данные для гласного [а]: тёмный – для имитируемого материнского голоса, светлый – имитационные звуки ребёнка; маркер – треугольник – то же для гласного [у]: тёмный – для голоса матери, светлый – то же для ребёнка. Б – то же для временных характеристик (медианные значения).

В качестве имитационных звуков для сравнения представлены только гласноподобные звуки, хотя со второго полугодия жизни дети начинали повторять вслед за матерью и более сложные звукосочетания. В 3-месячном возрасте детей количество реализаций имитации ребёнком и матерью в процессе взаимодействия не различается. С 6-месячного возраста детей, количество реализаций имитации матерью значимо превышает количество реализаций имитации ребёнком голоса матери (рис. 3).



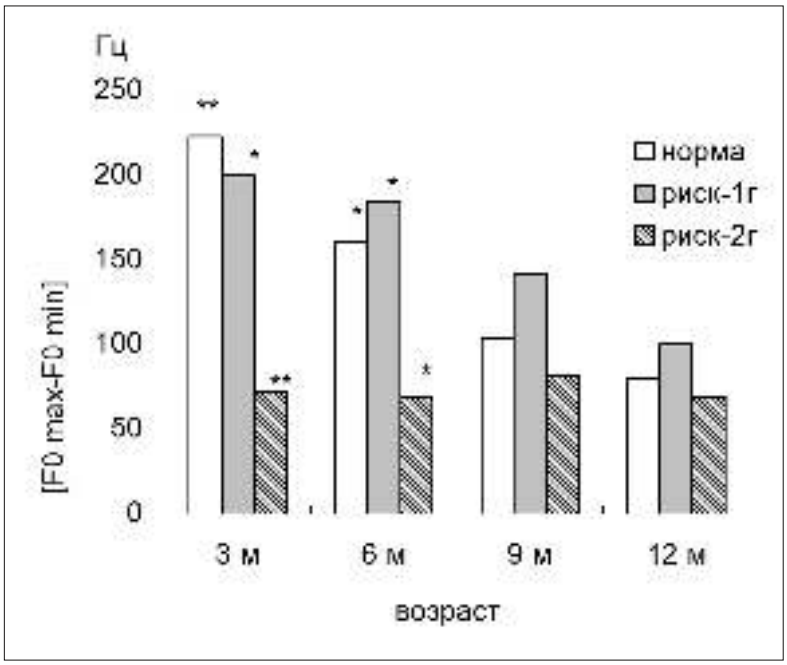
Р и с у н о к 3. **Количество реализаций имитации ребёнком звуков материнского голоса и матерью, звуков детского голоса, %**

Матери, повторяя звуки своих детей, стимулируют их к произнесению и других звуков. Со второго полугодия жизни увеличивается частота имитаций; возрастает их разнообразие, имитация ребёнком звуков материнского голоса может осуществляться вне визуального контакта. Наряду с повторением звуков дети имитируют интонацию материнского слова. Для всех матерей группы риска имитация звуков их детей не выявлена.

Для детей группы нормы характерно усложнение звукового репертуара с возрастом за счёт увеличения числа слогов и появления слов, значение которых, как правило, понимает только мать. Количество звуков, произносимых детьми группы риска при взаимодействии с матерью, значимо меньше, по сравнению с этим показателем у детей группы нормы. В репертуаре детей группы риска к концу первого года жизни выявлены единичные согласноподобные звуки, слоги практически отсутствовали (1% от общего числа вокализаций).

Сравнение вокально-речевых отношений в диадах на первом году жизни ребёнка показало, что усложнение звукового репертуара ребёнка и возможность имитации им материнского голоса связаны с характеристиками МР (рис. 4) и имитацией матерью звуков ребёнка. Вариативность интонации МР, оцениваемая как разность между максимальными и минимальными значениями частоты основного тона (ЧОТ) [F0max – F0min], в высказываниях матерей групп нормы и риска различаются (рис. 4).

Качество МР и повторение матерью детских звуков определяется уровнем речевого развития ребёнка и состоянием его здоровья. На основе анализа вокально-речевого взаимодействия в 40 диадах «мать-ребёнок» установлены характеристики МР, приводящие к прогрессу в раннем «речевом» развитии ТР ребёнка.



Р и с у н о к 4. **Вариативность частоты основного тона в высказываниях матерей групп нормы и риска, обращенных к детям разного возраста**

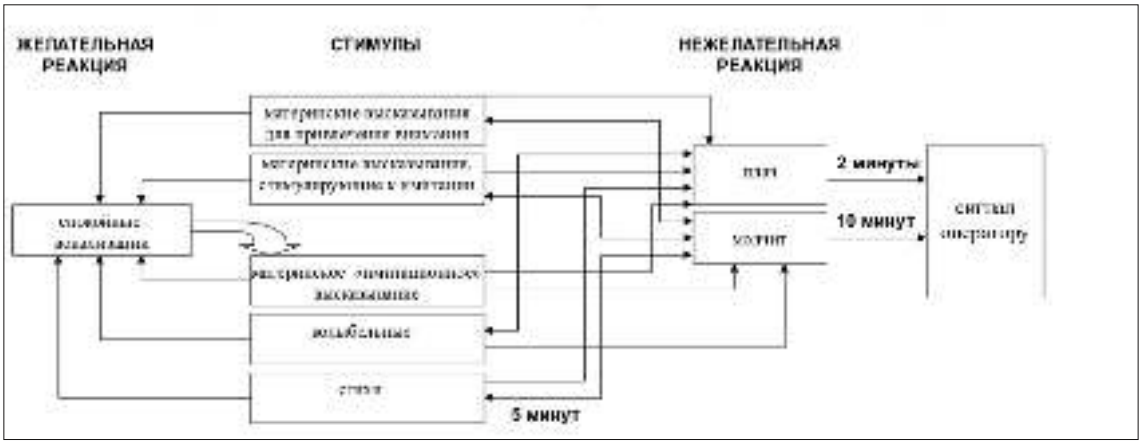
П р и м е ч а н и е к р и с у н к у 4 : белые столбики – данные (медианные значения) для МР нормы, серые – то же для речи матерей 1-ой группы риска, штриховка – для МР 2-ой группы риска. * – $p < 0,01$ по критерию Манна-Уитни, ** $p<0,05$.

При взаимодействии с детьми первого полугодия жизни МР должна содержать вопросительные и восклицательные предложения (не менее 50% от общего количества высказываний); эмоциональные высказывания; звуковую игру (не менее 25% от общего количества категорий МР). Количество повторений матерью детских звуков и звукосочетаний должно превышать число детских имитаций материнского голоса. При построении вокально-речевого взаимодействия с ребёнком второго полугодия жизни длительность пауз между окончанием голоса ребёнка и началом голоса матери должна быть больше, чем длительность пауз в речи двух взрослых. Длительность пауз между предложениями МР, обращённой к ребёнку, должна быть больше, чем в высказывании, адресованном взрослому (не менее 50% высказываний), что подразумевает возможность «ответа» ребёнка на обращённую к нему речь. Варьирование ЧОТ в высказывании, повторение одинаковых звуков и слов, звуковая игра – характеристики МР, направленные на привлечение внимания ребёнка. Уровень речевого развития ребёнка, определяемый по его звуковой активности, разнообразию звукового состава вокализаций, чёткости артикуляции гласных и согласных, наличию пауз между материнскими и детскими вокализациями, частоте имитации материнских звуков, точности имитации, по частоте проявления лепета и его звуковому составу, времени появления в репертуаре первых слов, зависит от характеристик МР.

Показаны особенности вокально-речевого развития и проявления эмоций в вокализациях и речи детей, воспитывающихся в условиях материнской депривации – доме ребёнка [Влияние материнской депривации …, 2006 ; Frolova, Lyakso, 2016]: дети из дома ребёнка меньше лепечут и имитируют взрослого, чем их ТР сверстники, растущие в семьях. Эмоциональные проявления в речи и вокализациях детей из дома ребёнка распознаются взрослыми с меньшей вероятностью, чем у ТР детей.

Совокупность характеристик МР, связанная с нормативным вокально-речевым развитием ребёнка, положена в основу модели «виртуальной матери» на базе системы с акустической обратной связью [Model «Virtual Mother» …, 2009]. Обучающая компьютерная программа позволяет стимулировать ребёнка, воспитывающегося в условиях материнской депривации, к большей звуковой активности в первом полугодии жизни; что приводит во втором полугодии к качественному усложнению вокализаций: расширению звукового репертуара, появлению слоговых структур и лепетных конструкций, что обеспечит переход на последующую стадию речевого развития – появлению первых слов.

В модели предлагается использование нескольких типов акустических стимулов: материнские высказывания, привлекающие внимание ребёнка; материнские высказывания, стимулирующие ребёнка к имитации; материнские имитационные высказывания (повторяющие детскую вокализацию); колыбельные, которые мать поёт ребёнку; стихотворения (рис. 5).



Р и с у н о к 5. **Модель обучающей компьютерной программы**

Реакция ребёнка на предъявляемые стимулы может быть различной – плачет, молчит, произносит спокойные вокализации. Звуковая реакция ребёнка регистрируется посредством микрофона и обрабатывается программно-аппаратной системой. В зависимости от реакции ребёнка система извлекает из базы соответствующий стимул.

В первую очередь ребёнку подаются «материнские высказывания для привлечения внимания». В случае плача ребёнка (длительность более 500 мс) запускается стимул «колыбельные». Плач более 2 минут – подаётся

сигнал оператору (воспитателю) о завершении работы с системой. В случае прекращения плача колыбельные сменяются чередующимися стимулами «высказывания для привлечения внимания», «высказывания, стимулирующие к имитации». Если ребёнок молчит более 5 минут, запускается стимул «стихи», при 10-минутном молчании ребёнка сигнал о завершении работы с системой поступает оператору. В случае если ребёнок реагирует спокойной вокализацией (желательная реакция со стороны ребёнка), запускается стимул «материнское имитационное высказывание».

Для достижения максимального возможного соответствия между репликой ребёнка и стимулом «материнское имитационное высказывание», системой осуществляется анализ длительности детской вокализации, наличия-отсутствия слоговой структуры, типов согласных (разные или одинаковые согласные в одной детской слоговой структуре). В зависимости от типа детской вокализации (отдельные гласные, сочетание гласных, слоговые структуры с одинаковыми слогами и слоговые структуры с различными слогами), выбирается стимул «материнское имитационное высказывание» с наиболее подходящими параметрами. Аналогичным образом осуществляется выбор последующих стимулов «материнское высказывание, стимулирующее к имитации» (в случае, если цикл имитации ребёнок – «виртуальная мать» – ребёнок – «виртуальная мать» прерывается молчанием ребёнка). Для оценки прогресса в вокально-речевом развитии ребёнка система записывает в память ответные реплики ребёнка, которые в дальнейшем анализируются с точки зрения выявленных параметров, характеризующих уровень вокально-речевого развития ребёнка. Данная система может быть использована также и для детей, воспитывающихся в семьях – с учётом модификации программы, позволяющей матери самостоятельно корректировать стимулы в соответствии с особенностями собственного голоса в рамках программных инструкций. Таким образом, с учётом знаний о психофизиологии раннего речевого развития ребёнка и вокально-речевого взаимодействия в диаде «мать-ребёнок» разработана модель программно-аппаратной интерактивной системы – «виртуальная мать».

Создана база стимульного материала «INFANT.MAVS» – модель мультимедийной сенсорной среды с элементами интерактивности для детей раннего возраста (рис. 6) и программное обеспечение для работы с ней [Модель мультимедийной …, 2014; Программное обеспечение, 2014; «INFANT.MAVS» …, 2014]. «INFANT.MAVS» предназначена для предотвращения и снятия негативных последствий сенсорно-коммуникативной депривации; нормализации психофизиологического состояния младенцев в условиях длительного отсутствия контакта с матерью; ограничения социального общения (в Домах Ребёнка) и обеднённой сенсорной среды у детей с отставанием психомоторного развития; для научных исследований.

База состоит из двух частей – простых стимулов (БПС – 1164 файла, объём – 1352.3 Мб) и сложных стимулов (БСС) (рис. 6).

Раздел «Визуальные стимулы» (691 файл, 643.2 Мб) содержит подразделы видеозаписей и графику. Подраздел «Графика» включает чёр-

но-белые и цветные изображения. Каталог «Чёрно-белые изображения» – это лица и лицеподобные стимулы, содержащие все элементы (глаза, нос, рот, волосы), лицеподобные стимулы с тремя и / или двумя элементами, представленными в разных комбинациях. В этот подраздел входят линии разной толщины и ориентации (вертикальные, горизонтальные, наклонные); решётки; узоры – простые и сложные (состоящие из набора простых узоров); геометрические фигуры – простые, двумерные и трёхмерные; изображения животных и игрушек. В каталог «Цветные изображения» входят фотографии и рисунки людей, животных, птиц, игрушек, растений, геометрических фигур, предметов домашнего обихода и бытовых сценок. В нём представлены мультфильмы и иллюстрации сказок.

Раздел «Звуковые стимулы» (322 файла, 508.79 Мб) включает подразделы музыки и речи. В музыкальный подраздел входят песенки и музыкальные мелодии, «мамино» пение и колыбельные, звуки природы; физиологические и бытовые звуки; акустические стимулы. Подраздел «речь» содержит вокальные конструкции комфортного состояния младенцев; успокаивающие, привлекающие внимание и стимулирующие к имитации образцы «материнской и отцовской речи»; потешки и стихи.

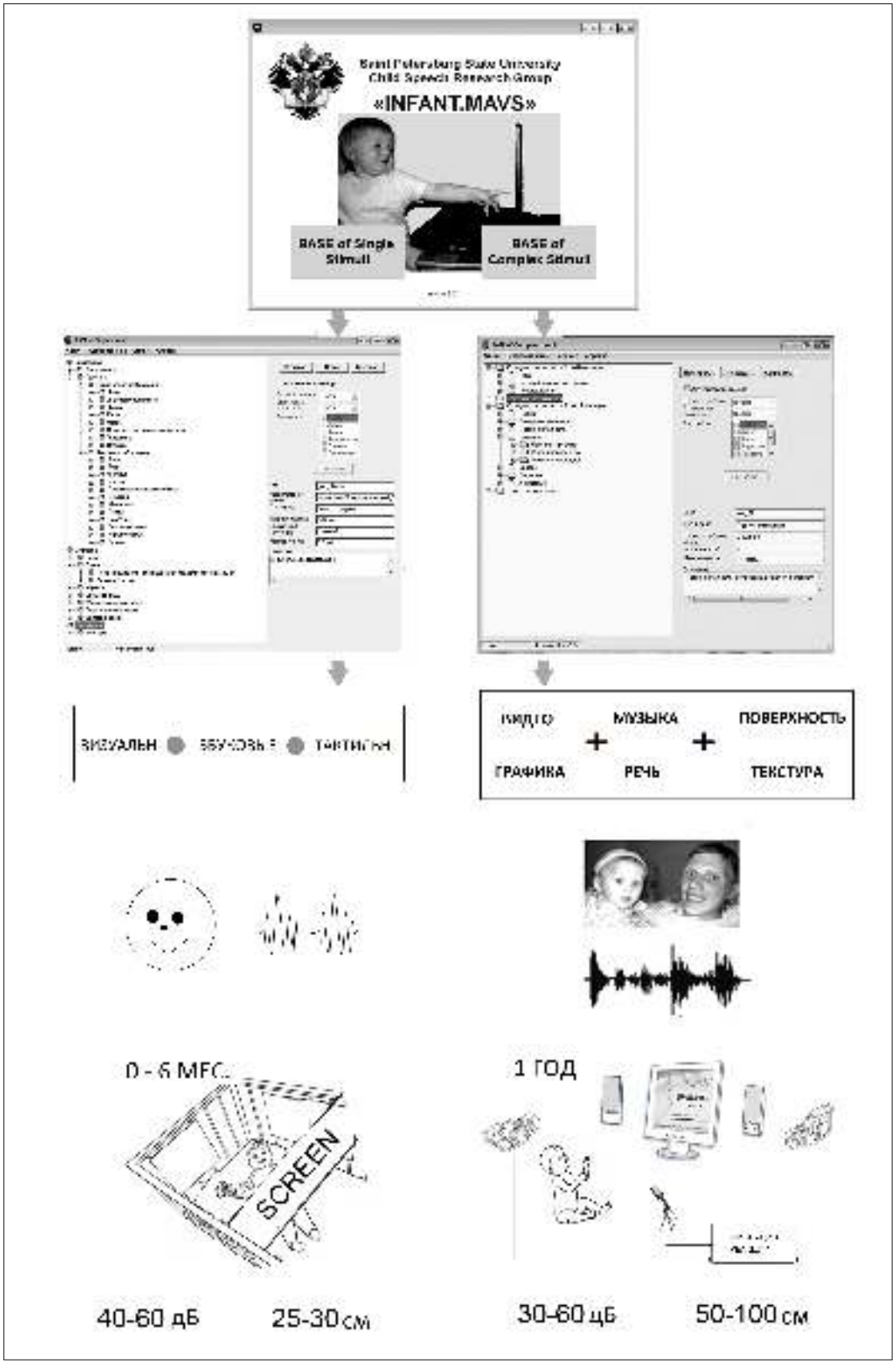
Раздел «Тактильные стимулы» представлен изображениями предметов и игрушек с различной фактурой.

БСС содержит комплексы разномодальных стимулов (106 сложных стимулов, 16 – комплексных), синтезированных путём использования БПС, и служащих основой для создания аудиодорожки и / или видеодорожки. Видеоряд может быть представлен последовательностью видеороликов, статичных картинок и анимаций заданной продолжительности. Комплексные стимулы синтезируются на основе сложных стимулов. Звуковые и речевые стимулы представлены в формате WAV, музыка – MP3; видео – MPG.

Организация БСС материала подразумевает хранение уже готовых комбинаций стимулов и возможность создания новых стимульных комбинаций пользователем.

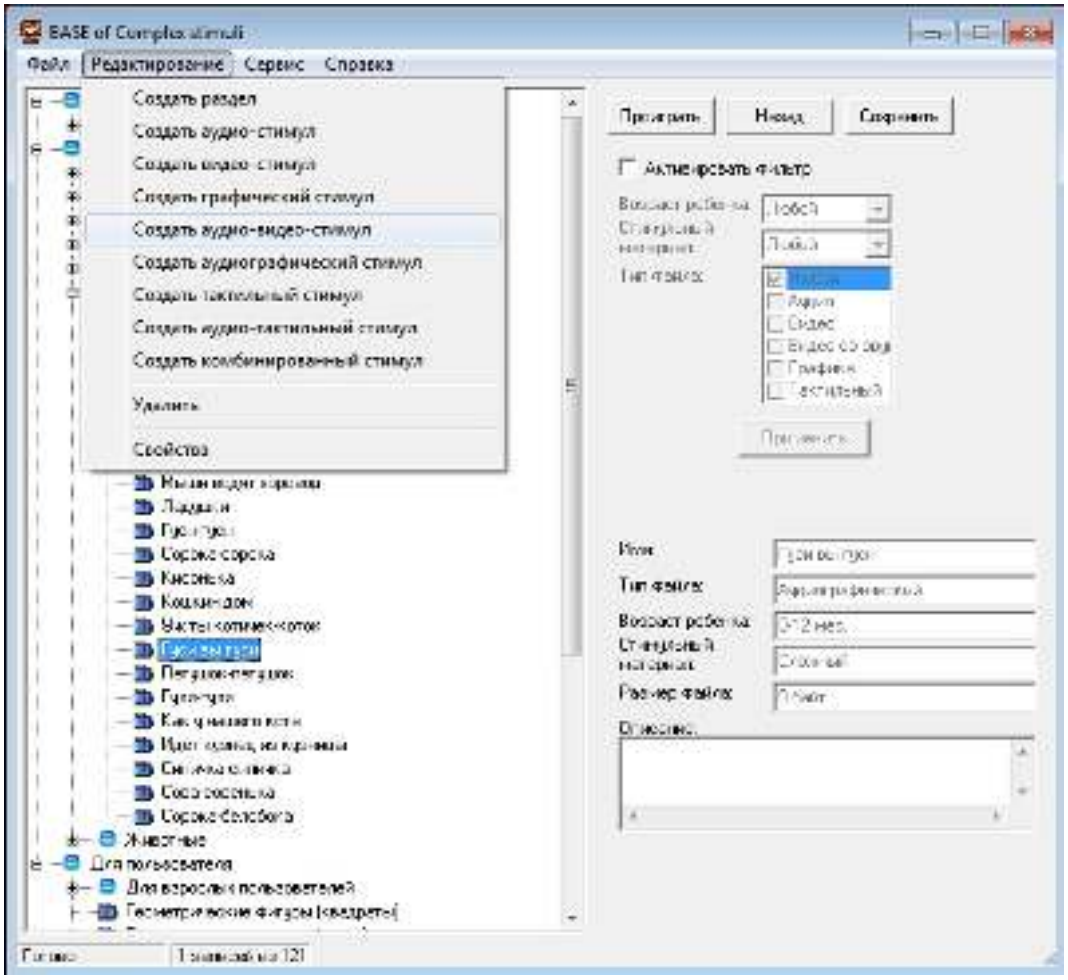
Подобранный стимульный материал соответствует перцептивным возможностям младенцев. Раздел «Стимулы для детей от 0 до 6 месяцев» включает следующие подразделы: лица, чёрно-белые изображения (аудиографические и видео), колыбельные (смена картинок с соответствующим музыкальным сопровождением). Раздел «Стимулы для детей от 6 до 12 месяцев» содержит простые стимулы разных модальностей в разнообразных комбинациях. Раздел «Для пользователя» имеет подраздел «Для взрослых пользователей», предназначенный для релаксации, снятия усталости и формирования положительного настроя у персонала, работающего с детьми, и родителей.

Для работы с базой стимульного материала разработана программа, позволяющая осуществлять: ввод и хранение стимульного материала в заданных каталогах, выбор стимула в зависимости от задачи, просмотр и прослушивание стимульного материала, создание сложного стимульного материала на основе соединения простых стимулов (рис. 7).



Р и с у н о к 6. **База стимульного материала «INFANT.MAVS»**

П р и м е ч а н и е к р и с у н к у 6 : обозначения: визуальн – визуальные стимулы, тактильн – тактильные стимулы.



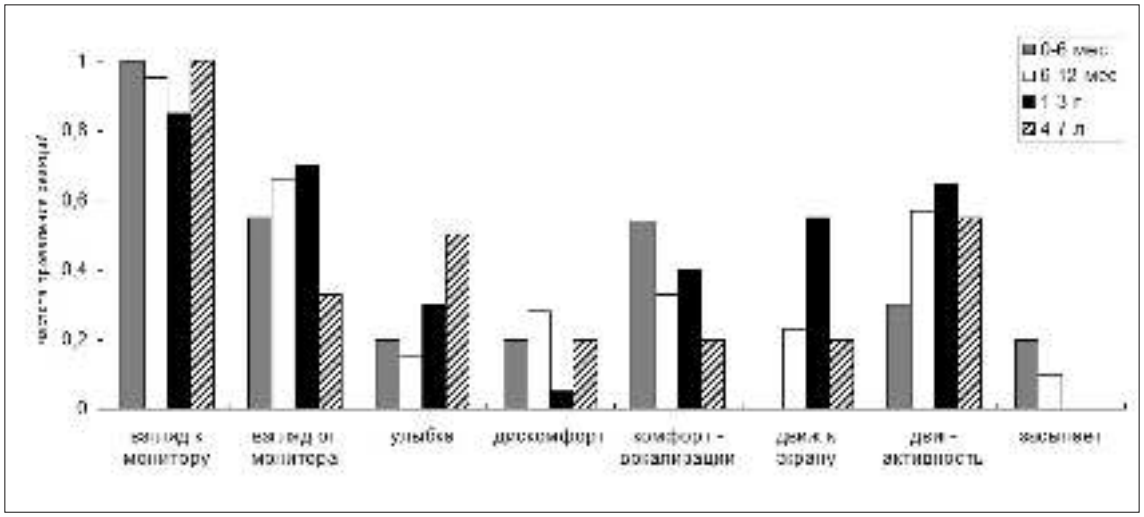
Р и с у н о к 7. **Возможные варианты выбора типов простых стимулов, используемых при создании сложных стимулов**

Компонент управления программой разработан на языке Microsoft Visual Basic v6.0. Разработанное программное обеспечение базы делает работу с ней доступной и удобной для любого пользователя.

Тестирование программы проводили на 22 детях (от 1,5 мес. до 7 лет), растущих в домашних условиях и развивающихся в соответствии с нормой. Взрослыми испытуемыми явились 84 человека в возрасте от 19 до 84 лет.

На предъявляемые стимулы выделены следующие варианты реагирования ребёнка (рис. 8): взгляд к монитору; взгляд от монитора; улыбка; плач, звуки дискомфорта и / или соответствующая мимика; комфортные звуки; движение в сторону экрана; отворачивается от экрана. Наиболее частыми реакциями у детей всех возрастных групп явились направление взгляда в сторону монитора и от монитора, комфортные вокализации и общая двигательная активность (рис. 8).

У детей первого полугодия жизни предъявление чёрно-белых изображений лиц детей и взрослых (без звука) вызывало улыбку. Ответные комфортные вокализации зарегистрированы на предъявляемые потешки в сочетании с «материнской речью».



Р и с у н о к 8. **Частота проявления выделенных реакций у всех детей на все предъявляемые стимулы**

П р и м е ч а н и е к р и с у н к у 8 : по вертикали – частота проявления реакции, по горизонтали – реакция ребёнка на предъявляемый стимул.

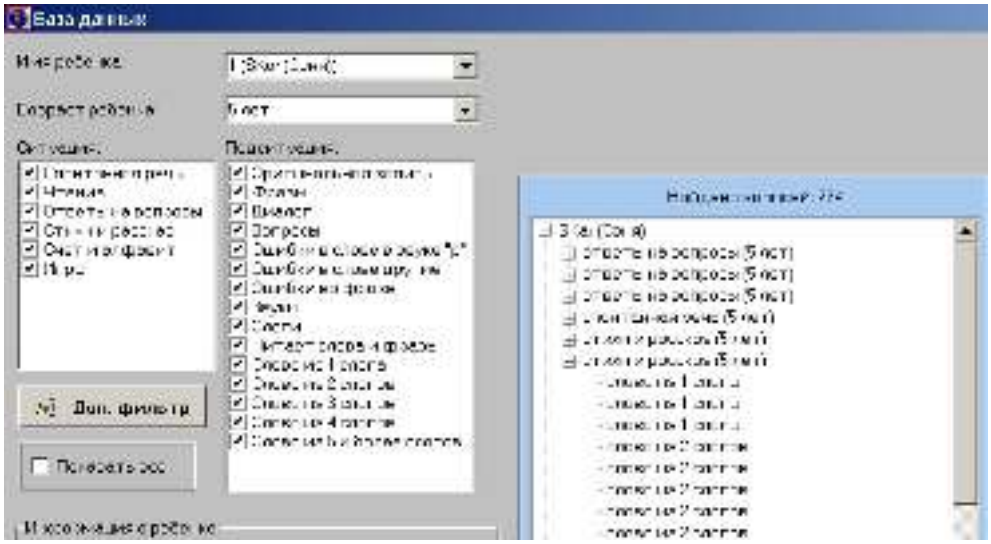
Дети второго полугодия жизни вокализировали при предъявлении им стимулов, содержащих видео с «материнской речью» и сюжетов сказок под музыку. Движения туловища в сторону экрана, взмахи или хлопки руками, вставание на ноги и подпрыгивание зарегистрированы при прослушивании стимулов с картинками и музыкой. Колыбельные песни вызывали у младенцев снижение двигательной активности, закрывание глаз и зевоту. При предъявлении звуковых последовательностей дети поворачивались к источнику звука, улыбались и вокализировали. Дети 1–3 лет проявляли больший диапазон разнообразных реакций: при предъявлении музыкальных последовательностей – танцевальные движения; цветных картинок животных – произнесение звуков, имитирующих голоса животных; при прослушивании колыбельных – подпевание; просмотре сказки – показ пальцем на экран и комментирование увиденного. Дети старшей возрастной группы имитировали звуки животных, подпевали, а при предъявлении колыбельных – зевали и закрывали глаза.

Результаты проведённого тестирования показали, что сформированная база стимульного материала соответствует целям, для которых она создавалась. У детей предъявляемые стимулы вызывали ответные реакции в виде сосредоточения внимания, ответной вокализации, улыбки, имитационной активности. Представляется важной возможность вызова у детей разнообразных реакций на стимульный материал, что позволяет создавать не просто обогащённую сенсорную среду для ребёнка, но и получать на неё адекватный отклик. Блок стимулов для взрослых, работающих с детьми, направлен на предотвращение профессионального «выгорания» персонала и может быть полезен матерям, страдающим депрессией [Azak, Raeder, 2013].

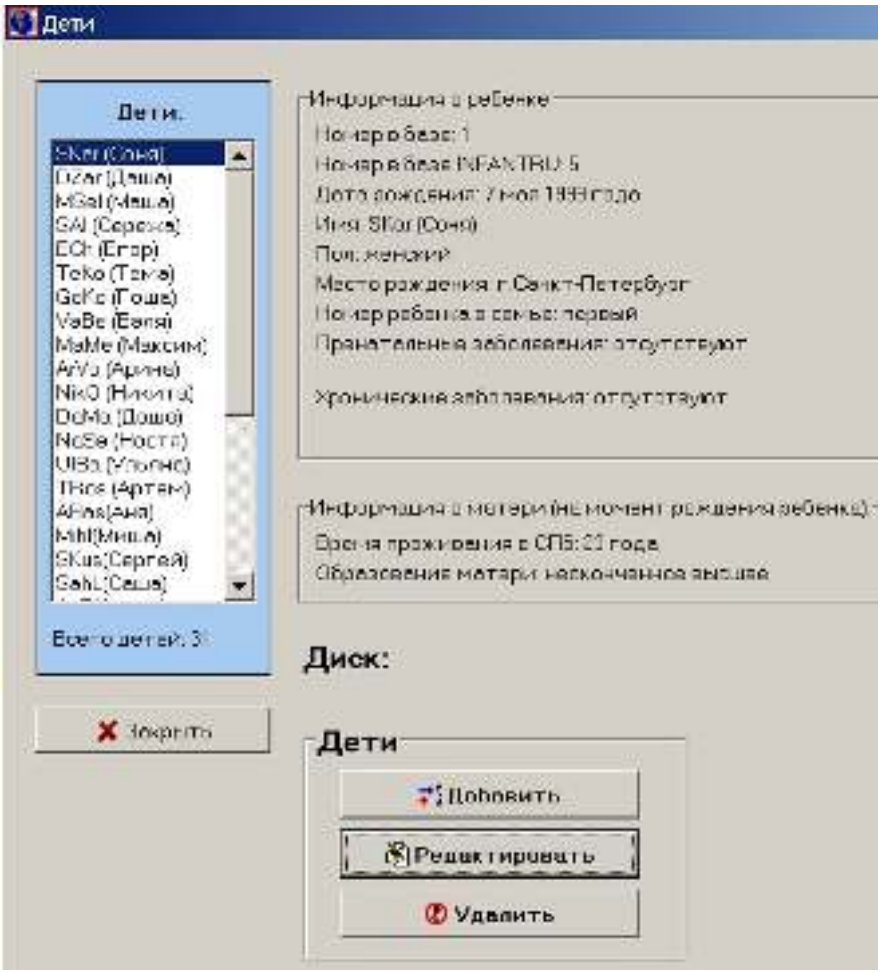
Для изучения речевого развития детей старшего возраста созданы базы речи детей 4–7 лет – «INFANT.RU» и «EmoChildRu».

База «CHILD.RU» содержит речевой материал для 150 детей 4–7 лет (142 ребёнка воспитывающиеся в условиях семьи и 8 детей из Дома ребёнка) [«INFANTRU» and «CHILDRU …, 2007 ; Russian Infants …, 2010]. Общее время записи более 20 часов. База включает речевой материал детей, уже имеющих записи в базе «INFANT.RU», и записи речи детей с четырёхлетнего возраста, отсутствующих в первой базе. Каждая запись сопровождается подробным протоколом и / или параллельной записью поведения детей на видеокамеру. В базе содержится информация о детях, семье, условиях записи (рис. 9). Информация о ребёнке включает сведения: имя ребёнка, пол, дата рождения, место проживания, каким по счёту является ребёнок в семье, наличие или отсутствие братьев или сестер, наличие или отсутствие пренатальных и хронических заболеваний, посещает / не посещает дошкольное образовательное учреждение (детский сад), какой детский сад ребёнок посещает (обычный или логопедический), соответствует / не соответствует возрастным нормам развитие ребёнка, номер ребёнка в базе «INFANT.RU». Информация о семье: время проживания матери ребёнка в Санкт-Петербурге на момент рождения ребёнка, образование матери, полная или неполная семья, кто воспитывает ребёнка: мама, папа, бабушка, няня. Информация об условиях записи: место записи, записывающая аппаратура, ситуация записи. Речевой материал «CHILD.RU» сопровождается текстовыми файлами, в которых приведено орфографическое описание диалогов между взрослым и ребёнком, отдельных детских фраз и слов. Речевой материал в базе «CHILD.RU» представлен в виде оригинальных файлов длительностью до 5 мин, отражающих ситуацию: спонтанная речь, чтение, ответы на вопросы, стихи и рассказ, счет и алфавит, игра. Оригинальный файл, наряду с речью ребёнка, может содержать речь матери, экспериментатора и других детей, а также различные шумы в игровых ситуациях. Из оригинального файла выбираются: фразы, диалоги ребёнка со взрослым, вопросы, отдельно произносимые звуки и слоги, слова (состоящие из одного слога, двух слогов, трёх слогов, четырёх слогов, пяти и более слогов); чтение слов и фраз. Слова, произнесённые детьми с «ошибками» (связанными с различными вариантами замен, пропусков и перестановок фонемы /r/ в словах; обусловленные пропуском, заменой и перестановкой других фонем или слогов в слове; «ошибки» во фразе – неправильное построение фразы), описаны в терминах Международного фонетического алфавита (МФА). Речевые файлы представлены в формате Windows PCM, 22050 Гц, 16 бит.

Программа для работы с базой работает в двух режимах – просмотра и редактирования. В режиме просмотра осуществляется поиск информации в базе по всем признакам: информация о ребёнке (пол, возраст, наличие-отсутствие заболеваний и т. п.), матери и условиях записи (рис. 9). В режиме редактирования пользователь может добавлять звуковой материал в базу (рис. 10).



Р и с у н о к 9. **Рабочее окно программы базы «CHILD.RU»**

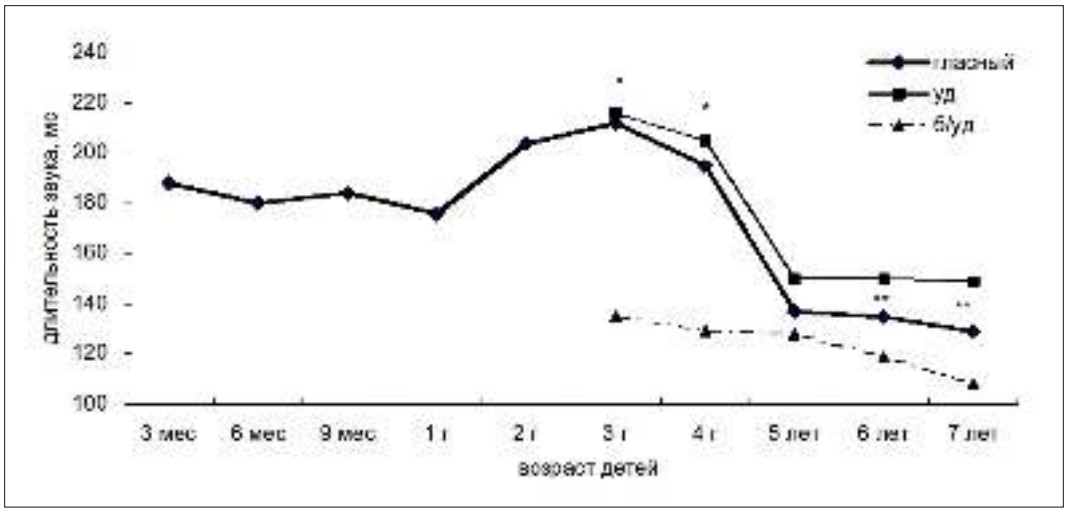


Р и с у н о к 10. **Рабочее окно программы «CHILD.RU» с информацией о выбранном ребёнке (вариант программы для ее составителей)**

Одним из направлений исследований речевого онтогенеза является изучение акустического аспекта речи. Использование баз «INFANT.RU» и «CHILD.RU» позволило проследить динамику временных и частотных характеристик гласных из слов детей в возрасте от 3 месяцев до 7 лет [Ляксо, Григорьев, 2013 ; Григорьев, Ляксо, 2014 ; Lyakso et al., 2013].

Выявлено достоверное снижение длительности (рис. 11) и ЧОТ (рис. 12) гласных к 7-летнему возрасту ребёнка по сравнению с соответствующими характеристиками гласных из слов детей первых шести лет жизни. Уменьшение длительности гласных носит нелинейный характер, значения ЧОТ гласных уменьшаются линейно.

Значения ЧОТ ударных и безударных гласных значимо не различаются в словах детей 7-летнего возраста. К 7 годам артикуляционная модель гласных полностью не сформирована.

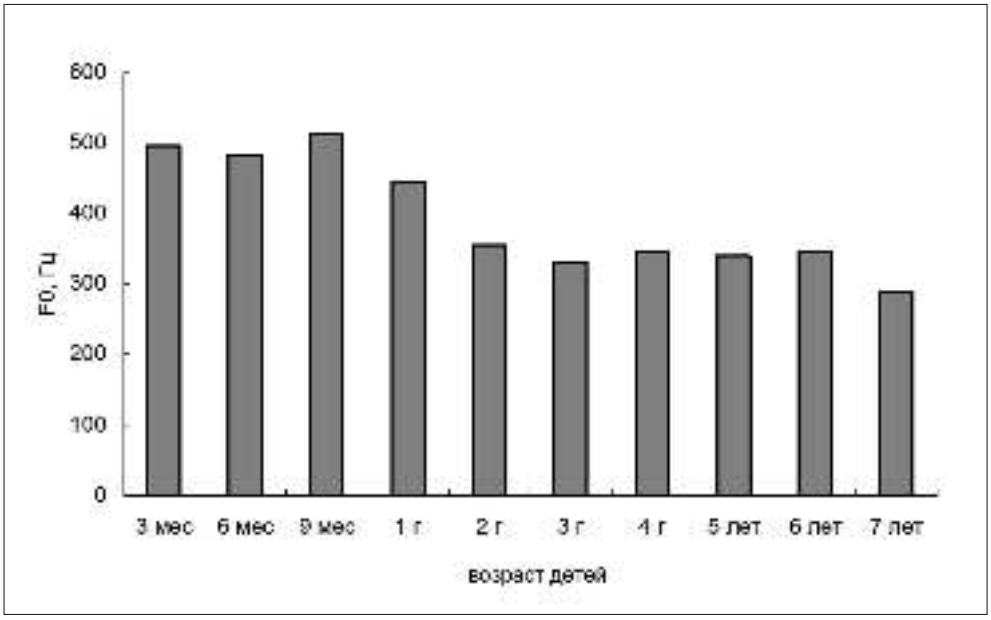


Р и с у н о к 11. **Длительность гласноподобных звуков детей 3–12 месяцев и гласных из слов детей 2–7 лет**

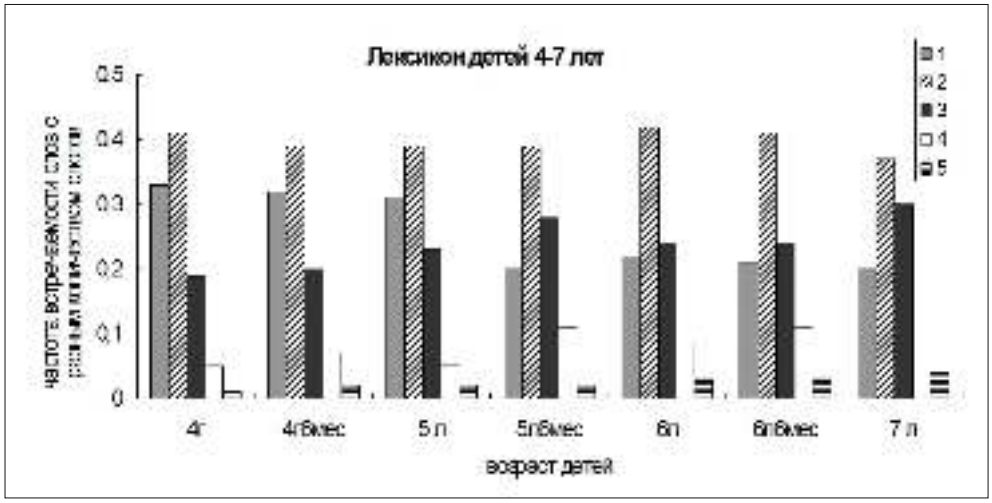
П р и м е ч а н и е к р и с у н к у 11 : по горизонтали – возраст, мес.; по вертикали – длительность, мс. Толстая линия с ромбом – значения длительности гласного (А) и его стационарного участка (Б); тонкая линия с квадратом – то же для ударного гласного, пунктир с треугольником – тоже для безударного гласного. * – $p<0,05$, ** – $p<0,01$.

Данные о динамике изменения длительности и значений ЧОТ гласных согласуются с результатами измерений, полученных на материале других языков, и могут быть объяснены на основе сведений о строении и функционировании речевого тракта (по литературным источникам).

Осуществлен анализ активного лексикона по частоте встречаемости слов с разным количеством слогов, реализованных всеми детьми в возрасте 4–7 лет (рис. 13).



Р и с у н о к 12. **Значение ЧОТ гласноподобных звуков детей 3 месяцев – 1 года и гласных из слов детей 2–7 лет**



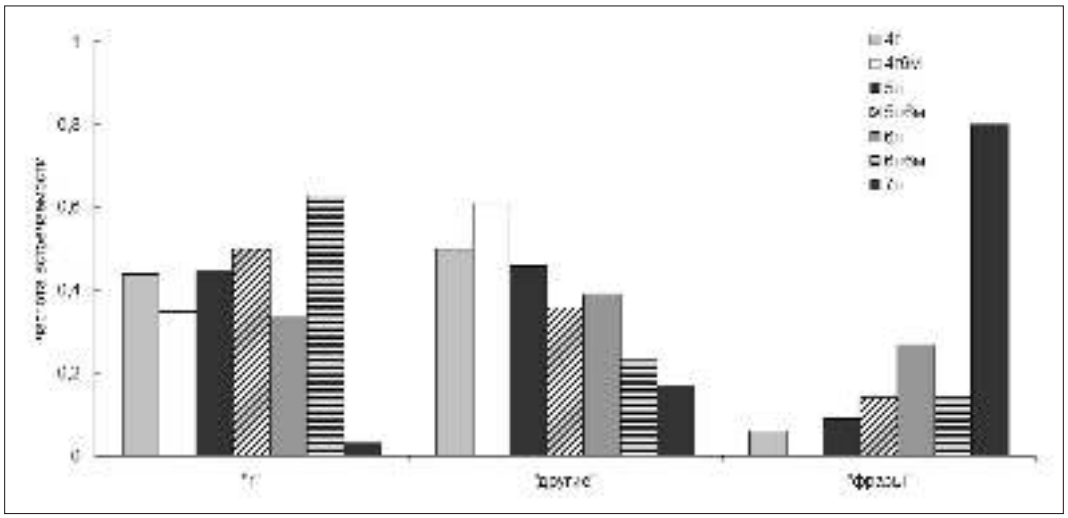
Р и с у н о к 13. **Анализ лексикона детей 4–7 лет**

П р и м е ч а н и е к р и с у н к у 13 : серый – слова, состоящие из одного слова, наклонная штриховка – двух слогов, черный – трёх, белый – четырёх, горизонтальная штриховка – из пяти и более слогов.

Определено влияние возраста детей на количество слов с разным числом слогов в их лексиконе: для слов, состоящих их трёх слогов $F(5,86) = 4,03$ $p<0,003$; для слов, состоящих из четырёх слогов $F(5,86) = 6,64$ $p<0,001$; из пяти слогов – $F(5,86) = 5,03$ $p<0,001$. Во всех возрастных срезах в лексиконе детей преобладают слова из 2 слогов: 42% слов в 4 года, 40% – в 5 лет, 43% – в 6 лет и 37% – в 7 лет. В возрасте детей 4, 4,5, 5 лет вторыми по частоте встречаемости являются слова из 1 слога: в 4 го-

да они составляли 32% всех слов, в 4,5 года – 29% слов, в 5 лет – 28% слов. Начиная с возраста детей 5,5 лет, вторыми по частоте встречаемости становились слова, состоящие из 3 слогов: в 5,5 лет – 27% всех слов, в 6 лет – 25%, в 7 лет – 30%. В лексиконе детей 4–7 лет преобладают слова, состоящие из двух слогов. С 4-летнего возраста до 5,5 лет в лексиконе детей увеличивается число слов, содержащих три слога и более. С 5,5 до 7 лет количество слов с разным числом слогов остается постоянным в лексиконе детей (рис. 13).

В речи детей встречаются ошибки, связанные с произнесением слов и построением фраз. Преобладающими в возрастные периоды с 4-х до 6,5 лет являются ошибки артикуляционного плана. К 7 годам уменьшается число артикуляционных ошибок и увеличивается – во фразах (рис. 14).

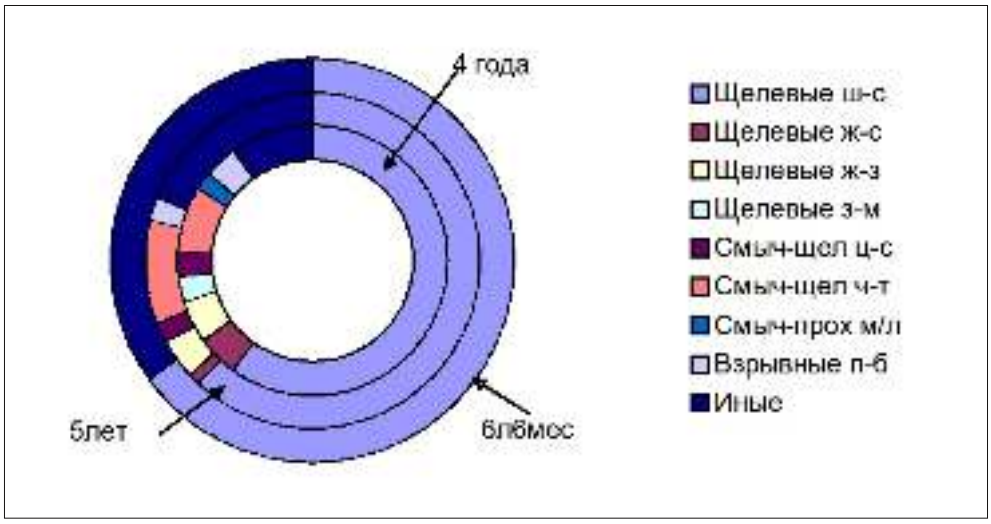


Р и с у н о к 14. **Разные типы артикуляционных ошибок и ошибки во фразах в речи детей 4–7 лет**

Анализ артикуляционных ошибок в речи ТР детей, записанной в разных ситуациях, показал, что большее количество детей допускает ошибки при ответе на вопросы взрослого, наименьшее – в ситуации спонтанной речи. Встречаемость ошибок «р» и «другие» в словах, состоящих из двух и трёх слогов выше, чем в других словах, что соответствует и частотности слов в лексиконе детей. Выявлены следующие типы ошибок «р»: замена /р/ на /л/ (море – моле); другие варианты замены /р/ (переодевается – пепедивается; хорошие – хаёшие); пропуск /р/ с более мягким звучанием предшествующего звука (прятали – пьятали); пропуск /р/ (игай-играй); пропуск и замена /р/ в одном слове (трактор – тактол); пропуск слога, содержащего /р/ (серенаду – сенаду). Типы ошибок индивидуальны для каждого из детей. В речи детей во все анализируемые возрастные периоды значимо чаще по сравнению с другими вариантами ошибок «р» встречаются замены «р» на «л» и пропуски «р». Не выявлено значимых различий в частоте встречаемости разных типов ошибок «р» в словах детей в зависимости от возраста.

Ошибки «другие» разделены на связанные с произнесением согласных, гласных и слоговой структуры слова. Показано уменьшение ошибок, связанных с произнесением согласных в слове и увеличение ошибок в слоговой структуре слова с возрастом детей. Ошибки, связанные с согласными, обусловлены пропуском или добавлением согласного в слове, заменой другим согласным. Ошибки в слоговой структуре слова – добавление или пропуск слога. В речи детей 4 лет ошибки связаны преимущественно с заменой согласных в словах и добавлением и пропуском слогов, в речи 6,5-летних детей ошибки в словах обусловлены пропуском согласных и слогов. Возможно, это связано с ускорением темпа речи ребёнка.

В основу классификации ошибок, связанных с заменой согласных, положен способ образования согласных: щелевые, смычно-щелевые, смычно-проходные, взрывные, иные (отнесены неясные варианты замен согласных). В речи детей 4-х лет наиболее часто встречаются замены щелевых согласных: /ш/ на /с/ (лошадки – ласадки); /ж/ на /с/ книжка – книска); /ж/ на /з/ (ложится – лозится); в речи детей 6,5 лет – замены /ш / на /с/. Установлено уменьшение разнообразия ошибок с возрастом детей и показано, что до 6,5 лет дети испытывают наибольшие сложности в произнесении слов, требующих артикуляции согласного /ш/ (рис. 15).



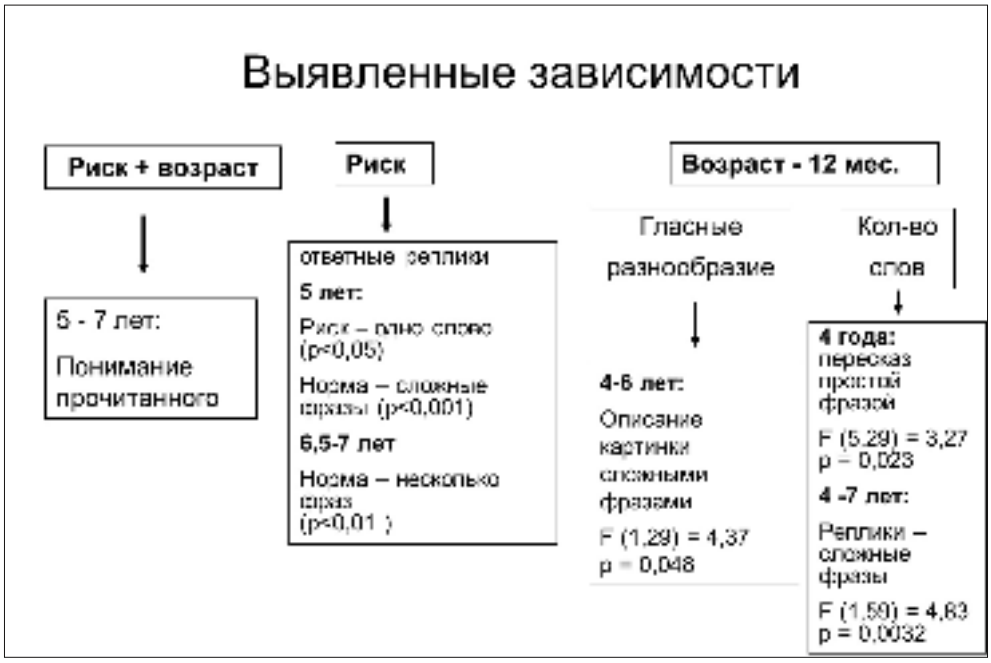
Р и с у н о к 15. **Варианты замен согласных в словах детей 4л, 5л и 6л6мес**

Установлена зависимость между возрастом ребёнка и грамматическими ошибками, допускаемыми им $F(5,86)=3,43$ $p<0,05$.

На основе данных, представленных в базе «CHILD.RU», проведено изучение ответных реплик детей в диалогах с взрослыми [Ляксо, Столярова, 2008] и сверстниками [Ляксо и др., 2008], проведена оценка уровня речевого развития детей на этапе формирования навыка чтения [Уровень речевого развития …, 2012].

В лонгитюдном исследовании на протяжении первых семи лет жизни детей показано, что фактор, определяющий взаимодействие состояния ребён-

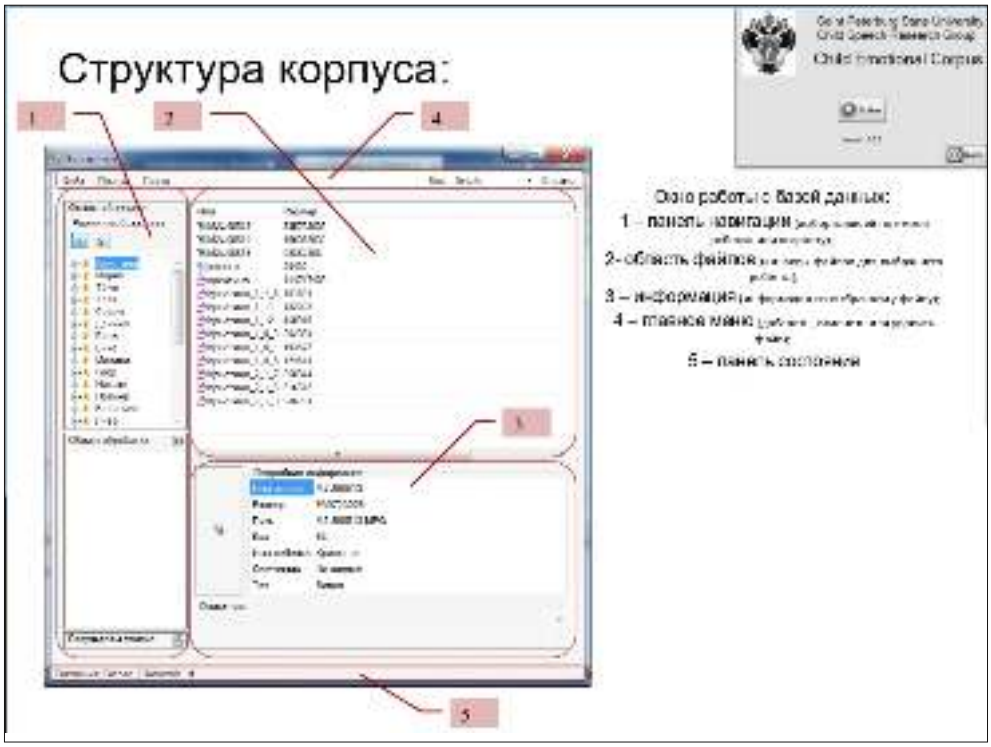
ка на первом году жизни (норма – риск) и его возраст (риск + возраст), влияет на понимание ребёнком прочитанного материала F(5,59) = 3,0, p = 0,001 (ANOVA). При рассмотрении каждого из этих факторов (риск и возраст) в отдельности установлено, что в 5 лет ответные реплики из одного слова в диалогах с взрослым значимо чаще у детей группы риска, чем нормы (p<0,05); употребление сложных фраз значимо чаще у детей нормы (p<0,001), чем риска. В 6,5–7 лет фактор риска влияет на употребление детьми нескольких фраз в ответной реплике в диалоге с взрослым чаще у детей нормы (p<0,01), чем риска. Таким образом, риск развития, определяемый при рождении, оказывает влияние на сложность ответных реплик в диалогах с взрослым в более старшем возрасте ребёнка [Ляксо, Фролова, 2013].



Р и с у н о к 16. **Зависимости между характеристиками звукового развития ребёнка на первом году жизни и характеристиками речевого развития в 4–7 лет и влияние факторов возраста и риска на характеристики речевого развития детей**

При изучении отражения эмоционального состояния детей в характеристиках их голоса и речи [Lyakso, Frolova, 2015], возможности распознавания эмоционального состояния ребёнка человеком и машиной (автоматическое распознавание) [«EmoChildRu» …, 2015] использован корпус эмоциональной детской речи «EmoChildRu». База данных «EmoChildRu» представляет собой корпус спонтанной эмоциональной речи детей 4–7 лет. На данный момент корпус «EmoChildRu» содержит записи для 124 детей, 858 файлов. Файлы: 442 аудиофайла, 199 видеофайлов, 132 файла – данные электроэнцефалограммы (ЭЭГ), 51 – текстовый файл

(описание диалогов детей и служебные данные о результатах обработки ЭЭГ и ВП), 34 файла – данные ЛСА (латентно-семантического анализа – оригинальные тексты, результаты кластеризации и обработки, программа и инструкция по работе с ней). Общий размер базы данных составляет 116 Гб. Для 54 детей аудиофайлам присвоена уникальная кодировка, которая делает возможными использование данных по этим детям другими научными коллективами. Программный комплекс включает в себя компонент оболочки базы данных и сам корпус. База данных хранит информацию о файлах и их связях, определяющих соответствие файлов. Оболочка базы данных предоставляет пользователю возможности по навигации, просмотру и поиску информации в базе данных (рис. 17).

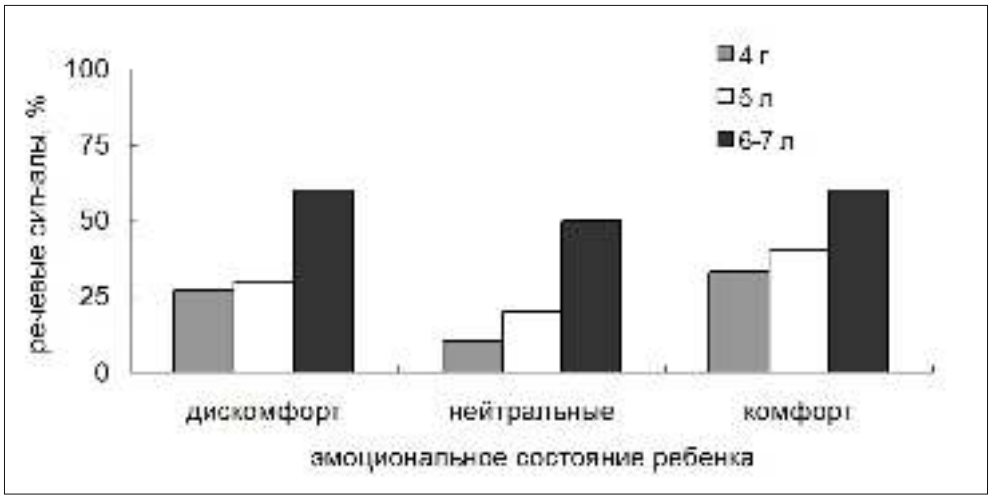


Р и с у н о к 17. **Окно работы с базой данных корпуса «EmoChildRu»**

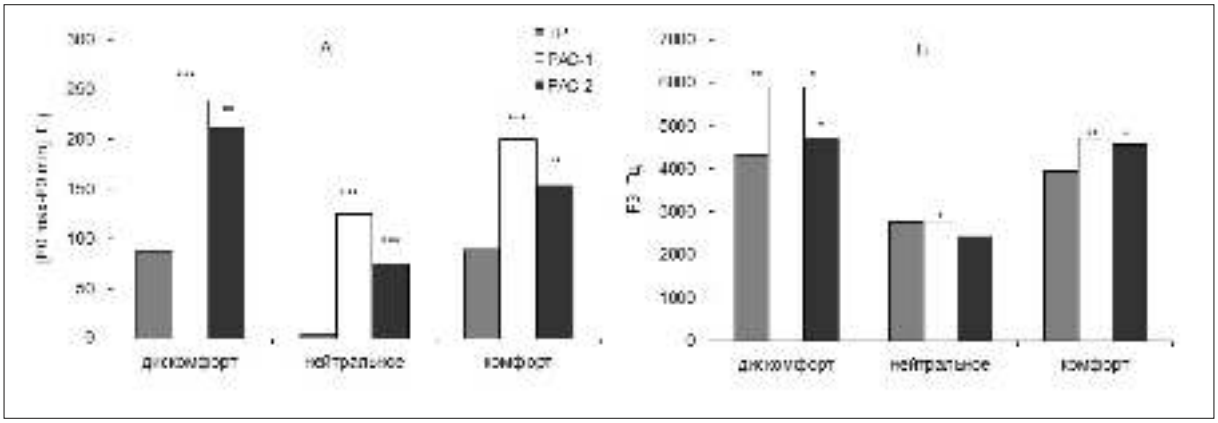
Содержащаяся в базе естественная эмоциональная речь ТР детей 4–7 лет, сведения о специфике её распознавания взрослыми (рис. 18), позволили осуществить сравнение акустических характеристик речи типично развивающихся (ТР) детей и детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) (рис. 19).

Сравнительный анализ значений ЧОТ показал, что высота голоса у детей с РАС выше, чем у ТР детей. Значения ЧОТ гласных (и её вариативность – [F0max-F0min]) из речевого / звукового материала детей с РАС, отражающего состояние дискомфорта и комфорта, значимо выше ($p<0,01$) ЧОТ детей группы нормы (рис. 19 А). Значения ЧОТ гласных из речевого материала детей с РАС в спокойном состоянии выше ($p<0,05$), чем у детей

группы нормы. Значения F3 в сигналах дискомфорта детей с РАС группы -1 выше (p<0,01), чем у детей группы -2 и нормы (рис. 19 Б). В первую группу вошли дети с регрессом в развитии в возрасте 1,5–3 лет. У детей, включённых во вторую группу, риск развития диагностирован при рождении, РАС является сопутствующим основному диагнозу.



Р и с у н о к 18. **Отнесение взрослыми, носителями русского языка, эмоциональных сигналов типично развивающихся детей к категориям дискомфорт – нейтральное состояние – комфорт**



Р и с у н о к 19. **Значения вариативности ЧОТ [F0max-F0min] (А) и значения третьей (эмоциональной форманты) гласных из слов, отнесённых взрослыми аудиторами к категориям дискомфорт – нейтральное – комфорт**

Примечание к рисунку 19: * – p<0,05, ** – p<0,01, *** – p<0,001 – критерий Манна-Уитни

На основе корреляционного анализа (по Спирмену, p<0,05) выявлена корреляция между группой детей, акустическими характеристиками речи: значениями ЧОТ в состоянии дискомфорта (-0,96), комфорта (-0,91) и ней-

тральном состоянии (-0,92), F3 (0,78), и комфортном состоянии(-0,98) и распознаванием состояния по мимической экспрессии (комфортное, нейтральное, дискомфорт (0,83).

Таким образом, имеющийся речевой материал ТР детей является основой для выявления специфических особенностей становления речи и реализации речевой функции в разные возрастные периоды у детей с атипичным развитием.

3. Заключение

При создании корпусов детской речи нами учтена динамика речевого развития ребёнка, которая определяется анатомическими и физиологическими изменениями структур мозга и речевого тракта, обеспечивающими процессы речеобразования и речевосприятия, социальными факторами, ведущим из которых на ранних этапах развития является взаимодействие взрослого с ребёнком. Записи вокализаций и речи детей, данные об информантах и их матерях, ситуациях и условиях записи, позволили проследить разные аспекты становления речи в раннем онтогенезе. Представленные в статье и ранее опубликованные материалы свидетельствуют о правомерности используемого подхода к сбору и организации материала в речевых корпусах. Описанные корпуса вокализаций и речи детей на материале русского языка, полученные коллективом исследователей, и обработка содержащегося в них материала являются хорошим экспериментальным заделом для продолжения исследований в новом направлении сравнительного анализа речевого онтогенеза типично развивающихся детей и детей с атипичным развитием.

Работа выполнена при частичной поддержке РФФИ (проекты № 15-06-07852а, 16-06-00024а).

Благодарность

Выражаем искреннюю благодарность всем студентам и сотрудникам группы по изучению детской речи, коллегам из других организаций, принявшим участие в разные годы по сбору речевого материала, включенного в корпуса детской речи; Фондам РФФИ (проекты № 04-06-80334а, 13-06-00281а) и РГНФ (проекты № 03-06-12024в, 11-06-12019в) за возможность реализации данной работы.

Список литературы

1. Влияние материнской депривации и неврологических заболеваний на речевое развитие детей первых трёх лет жизни [Текст] / Е. Е. Ляксо, А. Д. Громова, А. В. Куражова, О. А. Романова, А. В. Остроухов // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27. – № 2. – С. 102–112.
2. Григорьев, А. С. Слуховое восприятие слов детей 5–8 лет [Текст] / А. С. Григорьев, Е. Е. Ляксо // Сенсорные системы. – 2014. – Т. 28. – № 3. – С. 28–35.
3. Ляксо, Е. Е. Вокально-речевое развитие ребенка в первый год жизни [Текст] / Е. Е. Ляксо // Физиологический журнал. – 2003. – Т. 89. – № 2. – С. 207–218.

4. Ляксо, Е. Е. Раннее речевое развитие ребёнка в диаде «мать-ребёнок» [Текст] / Е. Е. Ляксо. – Издательский дом : Palmarium. Akademic pablising, 2012. – 418 с.
5. Ляксо, Е. Е. Речевая имитация в диадах «мать-ребёнок» с нормально развивающимися детьми и детьми, имеющими неврологические нарушения: лонгитюдное исследование [Текст] / Е. Е. Ляксо // Сенсорные системы. – 2006. – Т. 20. – № 3. – С. 204–215.
6. Ляксо, Е. Е. Становление речи ребёнка в онтогенезе: лонгитюдное исследование [Текст] / Е. Е. Ляксо // Речь ребёнка – проблемы и решения / под. ред. Т. Н. Ушаковой. – М. : Изд-во Института Психологии РАН, 2008. – С. 54–89.
7. Ляксо, Е. Е. Специфика реализации речевых навыков 4–5 летних детей в диалоге [Текст] / Е. Е. Ляксо, Э. И. Столярова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 3. – С. 48–57.
8. Ляксо, Е. Е. Динамика длительности и частотных характеристик гласных на протяжении первых семи лет жизни детей [Текст] / Е. Е. Ляксо, А. С. Григорьев // Российский Физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 2013. – № 9. – С. 1097–1110.
9. Ляксо, Е. Е. Речевое общение детей 4–5 лет в процессе их естественного взаимодействия [Текст] / Е. Е. Ляксо, Э. И. Столярова, Н. Г. Охарева // Вестн. С-Петерб. ун-та. – 2008. Сер. 3. – Вып. 4. – С. 144–149.
10. Ляксо, Е. Е. Развитие речи и формирование навыка чтения у детей: лонгитюдное исследование от рождения до 7 лет [Текст] / Е. Е. Ляксо, О. В. Фролова // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. – № 3. – С. 24–35.
11. Ляксо, Е. Е. Акустические характеристики материнской речи, адресованной младенцам второго полугодия жизни [Текст] / Е. Е. Ляксо, О. В. Челибанова, В. И. Галунов // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 44–53.
12. Модель мультимедийной сенсорной среды «INFANT.MAVS» для изучения психофизиологического состояния детей первого года жизни [Текст] / Е. Е. Ляксо, Е. Д. Бедная, А. С. Григорьев, А. В. Куражова, Е. А. Огородникова, В. М. Ситдиков, Э. И. Столярова // Экспериментальная психология. – 2014. – № 1. – С.111–122.
13. Программное обеспечение модели «INFANT.MAVS» для изучения психофизиологического состояния детей первого года жизни [Текст] / Е. Е. Ляксо, В. М. Ситдиков, А. С. Григорьев, Е. А. Огородникова // Труды СПИИРАН. – 2014. – Вып. 1(32). – С. 99–115.
14. Уровень речевого развития детей на этапе формирования навыка чтения [Текст] / Е. Е. Ляксо, О. В. Фролова, А. Г. Смирнов, А. В. Куражова, Ю. С. Гайкова, Е. Д. Бедная, А. С. Григорьев // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – №1. – С. 73–87.
15. Azak, S. Trajectories of parenting behavior and maternal depression [Text] / S. Azak, S. Raeder // Infant Behavior and Development. – 2013. – Vol. 36. – P. 391–402.
16. Batliner, A. Releasing a thoroughly annotated and processed spontaneous emotional database: the FAU Aibo Emotion Corpus [Text] / A. Batliner, S. Steidl, E. Noth // Proc. of a Satellite Workshop of LREC 2008 on Corpora for Research on Emotion and Affect. – Marrakesh, 2008. – P. 28–31.

17. Csatari, F. A Hungarian child database for speech processing applications [Text] / F. Csatari, Z. Bakcsi, K. Vicsi // Proc. Sixth European Conference on Speech Communication and Technology «EUROSPEECH 1999». – Budapest, Hungary, 1999. – P. 2231–2234.
18. «EmoChildRu»: Emotional Child Russian Speech Corpus [Text] / E. Lyakso, O. Frolova, E. Dmitrieva, A. Grigorev, H. Kaya, A. A. Salah, A. Karpov // Lecture Notes in Artificial Intelligence. Subseries of Lecture Notes in Computer Science / ed. by A. Ronzhin, R. Potanova, N. Fakotakis. – Springer International Publishing, Switzerland. – 2015. – Vol. 9319. – P. 144–152. – DOI: 10.1007/978-3-319-23132-7_18.
19. Frolova, O. Emotional Speech of 3-Years Old Children: Norm-Risk-Deprivation [Text] / O. Frolova, E. Lyakso // Lecture Notes in Computer Science. Speech and Computer / ed. by A. Ronzhin, R. Potapova, G. Németh. – Springer International Publishing, Switzerland. – 2016. – Vol. 9811. – P. 262–270. – DOI: 10.1007/978-3-319-43958-7_31
20. Gerosa, M. Acoustic variability and automatic recognition of children's speech [Text] / M. Gerosa, D. Giuliani, F. Brugnara // Speech Communication. – 2007. – Vol. 49. – P. 847–860.
21. «INFANT.MAVS» – Multimedia model for infants cognitive and emotional development study [Text] / E. Lyakso, A. Grigorev, A. Kurazova, E. Ogorodnikova. Lecture Notes in Computer Science / ed. by. A. Ponzhin, R. Potapova, V. Delic. – Springer Cham Heidelberg New York Dordrecht London. – 2014. – Vol. 8773. – P. 284–291. – DOI: 10.1007/978-3-319-11581-8.
22. «INFANTRU» and «CHILDRU»: Sounds and speech databases of Russian children [Text] / E. Lyakso, M. Bogorad, A. Ostrouxov, A. Gromova, A. Kurazhova, O. Frolova, J. Gaikova // Proc. The XII th International Conference «Speech and Computer» (Specom'2007). – Vol. 2. – P. 898–907.
23. Lyakso, E. Auditory and Spectrographic Analysis of the Words of 2–8 Years-Old Russian Children [Text] / E. Lyakso, E. Bednaya, A. Grigoryev // Lecture Notes in Computer Science / ed. by ˇZelezn´y et al. – 2013. – Vol. 8113. – P. 54–61.
24. Lyakso, E. Emotion State Manifestation in Voice Features: Chimpanzees, Human Infants, Children, Adults [Text] / E. Lyakso, O. Frolova // Lecture Notes in Artificial Intelligence. Subseries of Lecture Notes in Computer Science / ed. by A. Ronzhin, R. Potanova, N. Fakotakis. – Springer International Publishing, Switzerland, 2013. – Vol. 9319. – P. 201–208. – DOI: 10.1007/978-3-319-23132-7_25.
25. Lyakso, E. Russian Vowels System Acoustic Features Development in Ontogenesis [Text] / E. Lyakso, O. Frolova // Proc. 8th Annual Conference of the International Speech Communication Association «Interspeech 2007». – Antwerp, Belgium, 2007. – P. 2309–2313.
26. Model «Virtual Mother» for Orphans' Speech Development [Text] / E. Lyakso, A. Kurazhova, J. Gajkova, O. Frolova, A. Ostrouhov, A. Soloviev, E. Bednaya, A. Grigoriev, G. Losik, H. Erchak // Specom 2009: 13-th International Conference «Speech and Computer», St.-Petersburg, Russia, June 21–25, 2009. – P. 295–299.
27. Perez-Espinosa, H. EmoWisconsin: an emotional children speech database in Mexican Spanish [Text] / H. Perez-Espinosa, C. A. Reyes-Garcia, L. Villasenor-

Pineda // Proc. Affective Computing and Intelligent Interaction, LNCS. – 2011. – Vol. 6975. – P 62–71.

28. Russian Infants and Children's Sounds and Speech Corpuses for Language Acquisition Studies [Text] / E. E. Lyakso, O. V. Frolova, A. V. Kurazhova, J. S. Gaikova // Proc. 11th Annual Conference of the International Speech Communication Association «Interspeech, 2010». – P. 1988–1881.
29. Slobin, D. I. Cognitive and communicative consequences of linguistic diversity [Text] / D. I. Slobin // The diversity of languages and language learning / ed. by S. Stromqvist. – Lund, Sweden : Lund University, Centre for Languages and Literature, 2002. – P. 7–23.
30. Syssau, A. Children's emotional norms for 600 French words [Text] / A. Syssau, C. Monnier // Behav. Res. Methods. – 2009. – Vol. 41. – N 1. – P. 213–219. – Doi: 10.3758/BRM.41.1.213.
31. The PF_STAR children's speech corpus [Text] / A. Batliner, M. Blomberg, S. D'Arcy, D. Elenius, D. Giuliani, M. Gerosa, C. Hacker, M. J. Russell, S. Steidl, M. Wong // Proc. INTERSPEECH. – 2005. – C. 2761–2764.

References

1. Azak, S., Raeder, S. (2013). Trajectories of parenting behavior and maternal depression. *Infant Behavior and Development*, 36, 391–402.
2. Batliner, A., Blomberg, M., D'Arcy, S., Elenius, D., Giuliani, D., Gerosa, M., Hacker, C., Russell, M. J., Steidl, S., Wong, M. (2005). The PF_STAR children's speech corpus. *Proc. INTERSPEECH 2005* (pp. 2761–2764). Lisbon, Portugal.
3. Batliner, A., Steidl, S., Noth, E. (2008). Releasing a thoroughly annotated and processed spontaneous emotional database: the FAU Aibo Emotion Corpus. *Proc. of a Satellite Workshop of LREC 2008 on Corpora for Research on Emotion and Affect* (pp. 28–31). Marrakesh.
4. Csatari, F., Bakcsi, Z., Vicsi, K. (1999). A Hungarian child database for speech processing applications. *Proc. Sixth European Conference on Speech Communication and Technology «EUROSPEECH 1999»* (pp. 2231–2234). Budapest, Hungary.
5. Frolova, O., Lyakso, E. (2016). Emotional Speech of 3-Years Old Children: Norm-Risk-Deprivation. In A. Ronzhin, R. Potapova, G. Németh (eds.), *Lecture Notes in Computer Science. Speech and Computer* (Vol. 9811, pp 262–270). Springer International Publishing, Switzerland. DOI: 10.1007/978-3-319-43958-7_31
6. Gerosa, M., Giuliani, D., Brugnara, F. (2007). Acoustic variability and automatic recognition of children's speech. *Speech Communication*, 49, 847–860.
7. Grigorev, A. S., Lyakso, E.E. (2014). Sluhovoe vosprijatie slov detej 5–8 let [Auditory perception of words of the 5–8 years olds children]. *Sensornye sistemy* [Sensory Systems], 28 (3), 28–35.
8. Lyakso, E. E. (2003). Vokal'no-rechevoe razvitie rebenka v pervyj god zhizni [Vocal-speech development of the children during the first year of life]. *Fiziologicheskij zhurnal* [Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal], 89 (2), 207–218.

9. Lyakso, E. E. (2012). *Rannee rechevoe razvitie rebjonka v diade «mat'-rebjonok»* [Early language development of a child in «mother-child» dyad]. Palmarium Publishing House. Akademic publishing.
10. Lyakso, E. E. (2006). Rechevaja imitacija v diadah «mat'-rebjonok» s normal'no razvivajushhimisja det'mi i det'mi, imejushhimi nevrologicheskie narushenija: longitjudnoe issledovanie [Speech imitation in «mother-child» dyads with children developing normally and children with neurological disorders: A longitudinal study]. *Sensornye sistemy* [Sensory Systems], 20 (3), 204–215.
11. Lyakso, E. E. (2008). Stanovlenie rechi rebjonka v ontogeneze: longitjudnoe issledovanie [Child speech development: Longitudinal study]. In T. N. Ushakova, *Rech' rebjonka – problemy i reshenija* [Child Speech – Problems and Solutions] (pp. 54–89). Moscow : Psychology Institute of the Russian Academy of Sciences Press.
12. Lyakso, E., Bednaya, E., Grigorev, A. (2013). Auditory and Spectrographic Analysis of the Words of 2–8 Years-Old Russian Children. In ˇZeleznˇy et al. (eds.), *Lecture Notes in Computer Science* (Vol. 8113, pp. 54–61). Springer International Publishing.
13. Lyakso, E. E., Bednaya, E. D., Grigoryev, A. S., Kurazhova, A. V., Ogorodnikova, E. A., Sitdikov, V. M., Stolyarova, E. I. (2014 a). Model' mul'timedijnoj sensornoj sredy «INFANT.MAVS» dlja izuchenija psihofiziologicheskogo sostojanija detej pervogo goda zhizni [Multimedia sensory environment model «INFANT.MAVS» for the study of psychophysiological state of children of the first year of life]. *Eksperimental'naja psihologija* [Experimental Psychology], 1, 111–122.
14. Lyakso, E, Bogorad, M., Ostrouxov, A., Gromova, A., Kurazhova, A., Frolova, O., Gaikova, J. (2007). «INFANTRU» and «CHILDRU»: Sounds and speech databases of Russian children. *Proc. The XII th International Conference «Speech and Computer» (Specom'2007)* (Vol. 2, pp. 898–907). Moscow.
15. Lyakso, E. E., Chelibanova, O. V., Galunov, V .I. (2003). Akusticheskie harakteristiki materinskoj rechi, adresovannoj mladencam vtorogo polugodija zhizni [Acoustic characteristics of maternal speech addressed to infants second half of life]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 24 (5), 44–53.
16. Lyakso, E., Frolova, O. (2013 a). Emotion State Manifestation in Voice Features: Chimpanzees, Human Infants, Children, Adults. In A. Ronzhin, R. Potanova, N. Fakotakis (eds.), *Lecture Notes in Artificial Intelligence. Subseries of Lecture Notes in Computer Science* (Vol. 9319, pp. 201–208). Springer International Publishing, Switzerland. DOI: 10.1007/978-3-319-23132-7_25.
17. Lyakso, E. E., Frolova, O. V. (2013 b). Razvitie rechi i formirovanie navyka chtenija u detej: longitjudnoe issledovanie ot rozhdenija do 7 let [Children communication skills development and reading skills forming: longitudinal study from the birth to 7 yeas old]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 34 (3), 24–35.
18. Lyakso, E., Frolova, O. (2007). Russian Vowels System Acoustic Features Development in Ontogenesis. *Proc. 8th Annual Conference of the International*

Speech Communication Association «Interspeech 2007» (pp. 2309–2313). Antwerp, Belgium.

19. Lyakso, E., Frolova, O., Dmitrieva, E., Grigorev, A., Kaya, H., Salah, A. A., Karpov, A. (2015). «EmoChildRu»: Emotional Child Russian Speech Corpus. In A. Ronzhin, R. Potanova, N. Fakotakis (eds.), *Lecture Notes in Artificial Intelligence. Subseries of Lecture Notes in Computer Science* (Vol. 9319, pp. 144–152). Springer International Publishing, Switzerland. DOI: 10.1007/978-3-319-23132-7_18.
20. Lyakso, E. E., Frolova, O. V., Kurazhova, A. V., Gaikova, J. S. (2010). Russian Infants and Children's Sounds and Speech Corpuses for Language Acquisition Studies. *Proc. 11th Annual Conference of the International Speech Communication Association «Interspeech 2010»* (pp. 1988–1881). Makuhari, Chiba, Japan.
21. Lyakso, E. E., Frolova, O. V., Smirnov, A. G., Kurazhova, A. V., Gaikova, Ju. S., Bednaya, E. D., Grigoryev, A. S. (2012). Uroven' rechevogo razvitija detej na jetape formirovanija navyka chtenija [Children speech communication at the stage of forming reading skills]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 33 (1), 73–87.
22. Lyakso, E. E., Grigoryev, A. S. (2013). Dinamika dlitel'nosti i chastotnyh harakteristik glasnyh na protjazhenii pervyh semi let zhizni detej [Vowel duration and frequency dynamics in children speech during the first seven years of life]. *Rossijskij Fiziologicheskij zhurnal im. I. M. Sechenova* [Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal], 9, 1097–1110.
23. Lyakso, E., Grigorev, A., Kurazova, A., Ogorodnikova E. (2014). «INFANT.MAVS» – Multimedia model for infants cognitive and emotional development study. In A. Ponzhin, R. Potapova, V. Delic (eds.), *Lecture Notes in Computer Science* (Vol. 8773, pp. 284–291). Springer Cham Heidelberg New York Dordrecht London. DOI: 10.1007/978-3-319-11581-8.
24. Lyakso, E. E., Gromova, A. D., Kurazhova, A. V., Romanova, O. A., Ostroukhov, A. V. (2006). Vlijanie materinskoj deprivacii i nevrologicheskih zabolevanij na rechevoe razvitie detej pervyh treh let zhizni [Effect of maternal deprivation and neurological diseases on language development of children of the first three years of life]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 27 (2), 102–112.
25. Lyakso, E., Kurazhova, A., Gajkova, J., Frolova, O., Ostrouhov, A., Soloviev, A., Bednaya, E., Grigoriev, A., Losik, G., Erchak, H. (2009). Model «Virtual Mother» for Orphans' Speech Development. *Specom 2009: 13-th International Conference «Speech and Computer»* (pp. 295–299). SPb., Russia.
26. Lyakso, E. E., Sitdikov, V. M., Grigoryev, A. S., Ogorodnikova, E. A. (2014 b). Programmnoe obespechenie modeli «INFANT.MAVS» dlja izuchenija psihofiziologicheskogo sostojanija detej pervogo goda zhizni [Software model «INFANT.MAVS» for studying psychophysiological state of infants]. *Trudy SPIIRAN* [SPIIRAS Proceedings], 1(32), 99–115.
27. Lyakso, E. E. Stolyarova, E. I. (2008). Specifika realizacii rechevyh navykov 4–5 letnih detej v dialoge [The characteristics of of 4–5-years olds speech skills

manifestation in dialogues with adult]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 29 (3), 48–57.

28. Lyakso, E. E., Stolyarova, E.I., Okhareva, N. G. (2008). Rechevoe obshhenie detej 4–5 let v processe ih estestvennogo vzaimodejstvija [4–5 year old children speech communication in natural interaction]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 3. Biology*, 4, 144–149.
29. Perez-Espinosa, H., Reyes-Garcia, C. A., Villasenor-Pineda, L. (2011). EmoWisconsin: An emotional children speech database in Mexican Spanish. *Proc. Affective Computing and Intelligent Interaction, LNCS* (Vol. 6975, pp. 62–71). Springer.
30. Slobin, D. I. (2002). Cognitive and communicative consequences of linguistic diversity. In S. Stromqvist (ed.), *The diversity of languages and language learning* (pp. 7–23). Lund, Sweden : Lund University, Centre for Languages and Literature.
31. Syssau, A, Monnier, C. (2009). Children's emotional norms for 600 French words. *Behav. Res. Methods*, 41 (1), 213–219. Doi: 10.3758/BRM.41.1.213.

УДК 811’111
UDC 811’111

Матвеева Елена Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Elena V. Matveeva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: matveeva_555@mail.ru

Ма Татьяна Юрьевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatyana Yu. Ma
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: tdovnar@mail.ru

АНТИТЕЗА КАК ПРИЁМ РИТОРИЧЕСКОГО ПОСТРОЕНИЯ РЕЧИ В АНТИЧНОЙ РИТОРИКЕ
ANTITHESIS AS A RHETORICAL DEVICE OF SPEECH COMPOSITION IN THE ANTIQUE DISCOURSE

Аннотация
В данной статье риторический приём антитезы рассматривается как способ выражения доказательности и опровержения аргумента в античную эпоху. Антитеза позволяет оратору убедить аудиторию в своей правоте посредством вскрытия внутренних противоречий описываемого явления и их разрешения в ходе дискуссии. С точки зрения своей структурной организации антитеза способна выполнять архитектоническую и диаграммматическую функции, а также функцию «выдвижения» аргумента, в основе которого лежит противоположение, что делает антитезу полифункциональным приёмом воздействия в публицистике и судебных речах.

Abstract
The paper deals with antithesis as an ancient rhetorical device possessing unique argumentative power. During the course of a debate antithesis allows a public speaker to win over the audience by revealing and conciliating contradictions within a phenomenon. In the text antithesis fulfills architectonic and diagrammatic functions as well as a highlighting function of an argument based on opposition. From a structural point of view antithesis is a multifunctional stylistic device used in public speech, essays, and courtroom speeches.

Ключевые слова: антитеза, противопоставление, аргумент, выдвижение, фигура мысли, способ убеждения.

Keywords: antithesis, opposition, argument, highlighting, figure of thought, method of conviction.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_59_66

Такое средство речевой выразительности, как антитеза, возникло ещё в глубокой древности. Интерес к антитезе в античности был связан с бурным расцветом ораторского мастерства, а данный приём воздействия на слушателя был одной из главных составляющих практически каждого выступления. Подтверждением этому служат дошедшие до нас в письменной форме речи Цицерона (в защиту Марка Целия Руфа), Аристотеля, Публия Овидия Назона и другие[1].

Антитеза рассматривалась как особое языковое «украшение» в одном из основных разделов классической риторики – элокуции – и являлась объектом изучения наряду с другими риторическими фигурами и стилями речи [Фрейденберг, 1996, с. 180–220].

Элокуция как раздел ораторского искусства предполагала обучение говорящего умению облекать идеи в выразительную языковую форму и служила чем-то вроде нормативной стилистики, что впоследствии привело к созданию теории риторических фигур – учения о принципах и приёмах фигурального выражения.

В рамках элокуции исследовалось не только языковое оформление подготовленного содержания речи, но и проводились наблюдения над различными грамматическими явлениями, рассматривались главные характе-

---

[1] «Случись здесь присутствовать, судьи, человеку, не сведущему в законах наших, в судах и обычаях, он спросил бы, конечно, что за страшное преступление вынудило нас в дни праздника, когда устроены общественные игры, а судебные дела приостановлены, заседать в одном этом судилище; он был бы уверен: судят такого преступника, что, если не заняться им немедля, погибнет само государство … И вот когда он услышит, что **не злодеяние, не дерзость, не насилие собрали судей**, но что **обвиняют здесь юношу, даровитого, делового, всем известного**, что обвиняет сын человека, кого сам подсудимый привлекает и привлекал к ответу, и то платит за обвиненье распутница, то он не осудит Атратина за верность сыновнему долгу, женскую разнузданность сочтет нужным смирить, а усердию нашему только подивится, раз и праздничные дни не для нас». [Орлов, 2010, с. 39 ; Цицерон, 1994, с. 4–73 ; Хазагеров, 2011, с. 131]. «Другой [топ, (аргумент, общепринятое суждение)] – изобличительный – [заключается] в рассмотрении противоречий, если какое-нибудь противоречие очевидно изо всех времен, поступков и речей и его или [можно приписать] противнику, например, он **говорит, что любит вас**, а между тем он **участвовал в заговоре Тридцати**, или [отнести] к самому себе, например: он говорит, что **я люблю тяжбы**, но **не может доказать, чтобы я когда-нибудь вел хотя одну тяжбу**, или к самому себе и к противнику, например: этот человек никогда ничего не ссужал, а я освободил [от рабства] многих из вас» [Тахо-Годи, 1978, с. 118]; «Цепь я **носил, не стыдясь**, ныне **стыжусь, что носил**» (Публий Овидий Назон) [Гаспаров, 1997, с. 183].

ристики стиля и его разновидности [Фрейденберг, 1996, с. 180–220]. При этом античные учителя сосредоточивали своё внимание на риторических фигурах как на некой дигрессии от синтаксической нормы, как «уклонение мысли и выражения от присущей им природы» [Лебедев-Полянский, 1929–1939, с. 800–824]. Современный же взгляд на фигуры определяет их как естественную и неотъемлемую часть речи разных, в том числе институциональных, видов дискурса, а риторику – как свод требований, предъявляемых к ораторской речи, как дисциплину, в задачи которой входит обучение выбору таких языковых средств, чтобы выражение определённого замысла приобрело стилистическую цельность и завершённость.

Среди фигур речи в античности различали тропы и фигуры (мысли и слова), однако вопрос более точного и конкретного их определения и дифференциации всегда оставался открытым, например: относить ли эпитет, сравнение, перифраз, гиперболу, литоту к фигурам (в узком смысле слова) или же к тропам[2].

М. Л. Гаспаров в своей работе «Избранные труды, том I. О поэтах», рассматривая данную проблему[3], приходит к следующему заключению: под т р о п а м и понимаются отдельные слова, употребляемые нетрадиционным образом, под ф и г у р а м и – сочетания слов. Но если с изменением этих словосочетаний модифицируется смысл, тогда имеем дело с фигурой мысли, если значение сохраняется – перед нами фигура слова [Гаспаров, 1997, с. 570].

Фигуры мысли, в свою очередь, подразделялись на несколько групп: конкретизирующие позицию оратора (начало рассуждения), конкретизирующие смысл предмета или отношение к предмету и конкретизирующие контакт с аудиторией (обращение или вопрос). Из всех групп, как указывает М. Л. Гаспаров, на себя обращают внимание фигуры, уточняющие

---

[2] Известно, что в I веке н. э. у Квинтилиана появляется деление на четыре вида фигур: прибавление (анафора, эпифора, градация и т. д.), убавление (эллипсис, бессоюзие, зевгма), замена (одного слова другим), перестановка (антитеза, хиазм, инверсия и т. д.) [Квинтилиан: http://ancientrome.ru]. Классификацию фигур речи разрабатывал Аристотель, и более тщательно данной проблемой занимались его последователи: в частности, – Деметрий Фалерский ввёл разделение на «фигуры речи» и «фигуры мысли». Отличие между ними заключается в том, что замена слова на синоним разрушает фигуры слова, но не фигуры мысли. Однако классическая риторика не выработала единую систему классификации фигур, более того, учёные античного периода рассматривали тропы в составе фигур. И сегодня, как показывает обзор литературы по теме, общепринятой классификации фигур речи не существует, в разных научных школах различаются терминология (названия фигур) и принципы их классификации [Лебедев-Полянский, 1929–1939, с. 9–824].

[3] М. Л. Гаспаров принимает во внимание классификацию Г. Лаусберга. (Г. Лаусберг (1912–1992) – немецкий ритор, филолог, специалист по исторической лингвистике; представил полное и подробное описание классической риторики в книге «Справочник по литературной риторике»).

смысл предмета, поскольку охватывают сходство, контраст, парадокс. Среди них простое «определение» (finitio), «поправление» (correctio), «присвоение» (conciliatio) и антитеза (contrapositum) [Гаспаров, 1997, с. 571].

Антитеза считалась «благодатной для разработки», поскольку «могла развертываться в пределах слов, словосочетаний, фраз, тяготела к параллелизму, украшалась словесными повторами, заострялась вопросно-ответными конструкциями»[4] [Гаспаров, 1997, с. 571]. Приведённая интерпретация не является достаточно полной характеристикой антитезы, однако раскрывает механизм её возникновения, степень развёртывания, синтаксическую форму, функцию уточнения смысла.

Фигуры мысли в античной риторике, по словам М. Л. Гаспарова, были маловажны в плане изучения художественной литературы, однако играли ведущую роль в процессе анализа публицистики, судебной речи, диалогов-споров в драме и романе [Гаспаров, 1997, с. 571]. Другими словами, для античных риторов литературоведческая специфика не имела первостепенной важности в выборе фигур. Фигуры мысли служили, прежде всего, средством выражения доказательности и опровержения аргумента, соотносимого с актуальной проблемой, явлением общественной жизни. Антитеза позволяла оратору убедить аудиторию в своей правоте посредством обращения к внутренним противоречиям описываемого явления и их разрешения в ходе дискуссии. Сами же противоречия могли быть объективированы в разных парадигматически и синтагматически представленных в тексте языковых единицах, в том числе базирующихся на параллелизме, повторе, вопросно-ответных конструкциях.

Языковое оформление подготовленного содержания речи не являлось главной целью изучения в теории ораторского искусства, поскольку в риторике как науке («искусство, соответствующее диалектике»[5]) вопрос ставился не только и не столько о «живописности» текста, сколько о воздействии на слушателя. Риторика и диалектика принадлежат к тому искусству, которое имеет дело с противоположностями, а актуальность спора сводится не к убеждению, а к способам убеждения. Вследствие этого риторика по праву считается достоянием политики [Тахо-Годи, 1978, с. 15–18]. По этой причине в теории ораторского искусства средства усиле-

---

[4] В недрах антитезы стали экстрагироваться и другие фигуры: эпанод, развернутое сравнение, парадиастола (последовательное противопоставление), антиметабола и оксюморон. [Гаспаров, 1997, с. 571]. (Эпанод состоит в том, что вначале анонсируются некоторые свойства данного явления, а затем каждое свойство подробно раскрывается. …эпанод сам по себе есть миниоглавление. Лектор объявляет темы, вопросы, часто подчёркивает их число, что мобилизует внимание слушателей: «Ниже мы рассмотрим три ключевых вопроса». Эпанод может содержать в себе зерно будущей антитезы или градации) [Хазагеров, 2008, с. 75–80].

[5] Именно Аристотель заложил фундамент риторики как науки, неотделимой от логики и диалектики, к тому же наделённой особой динамической выразительностью и подходом к действительности возможного и вероятностного [Тахо-Годи, 1978, с. 12].

ния выразительности рассматриваются одновременно с аргументами, приводимыми в пользу отстаиваемой позиции.

Каким же образом риторические фигуры влияют на способы убеждения? На данный вопрос можно ответить, приняв во внимание функции фигур, а именно: архитектоническую и диаграмматическую. Первая, по словам Г. Г. Хазагерова, раскрывает мысль благодаря плану выражения, вторая имеет дело с эмоциями оратора, выраженными через «синтаксическую диаграмму». Архитектонические функции выполняют такие фигуры как анафора, эпифора, анадиплозис, антитеза, способные функционировать глобально, то есть на уровне всего текста [Хазагеров, 2011, с. 132]. Диаграмматическая функция фигуры способствует раскрытию эмфатической кульминации высказывания, что, в свою очередь, обеспечивает такое его качество как доказательность. Доказательность, или ясность речи, подкрепляется также и первой функцией – архитектонической. Иными словами, основная миссия фигур – служить средством убеждения.

Важно отметить, что как средство убеждения риторические фигуры часто используются в сочетании с принципом выдвижения, благодаря которому в тексте акцентируются его значимые для восприятия элементы.

Термин «выдвижение» был предложен И. В. Арнольд в рамках лингвостилистики. Текст, по мнению автора, организован таким образом, что его главные мысли уточняются, «выдвигаются», что содействует более быстрому его восприятию и, в результате, позитивно отражается на его убеждающей силе. Выдвижение реализовывается либо путём расположения ключевых высказываний в «отмеченных позициях» – начало или конец текста, либо путём создания особых «схем выдвижения» – такое размещение частей текста, тропов и фигур, при котором к отдельным его фрагментам привлекается особое внимание (конвергенция, сцепление, градация, обманутое ожидание) [Арнольд, 2010, с. 205–206].

Таким образом, согласно принципу выдвижения, нужный для оратора аргумент правильно «выдвигается» с помощью композиционных средств, преимущественно тропов и фигур, которые в тексте выполняют не только коммуникационную функцию, но и композиционную. Данное обстоятельство расширяет логику осмысления «схем выдвижения», в которых антитеза играет важную роль. С точки зрения структурной организации антитеза способна выполнять функцию выдвижения, особенно когда речь идёт о противопоставлении, сопоставлении или контрастной характеристике как композиционном фоне.

Противоположности, как писал Аристотель, не только «производят указанное впечатление»: примеры антитезы делают сам стиль «приятным», поскольку «противоположности чрезвычайно доступны пониманию, а если они стоят рядом, они еще понятнее, а также потому, что этот способ изложения походит на силлогизм, так как изобличение есть соединение противоположностей. Вот что такое противоположение (antithesis)» [Тахо-Годи, 1978, с. 142]. То есть, композиционно антитеза как риторический прием может служить и выдвижению частей текста, и «выдвижению» мысли, аргумента, в основе которого лежит противоположение.

Аристотель, характеризуя антитезу, делает акцент на резкости противопоставления, которое включает в себя тезис и антитезис (древнегреч. *anti* – против, *thesis* – положение), и исключает всякий «переходно-связывающий» фактор: «Противоречие есть антитеза, в которой самой по себе нет ничего промежуточного; одна часть противоречия есть утверждение чего-нибудь относительно чего-нибудь, другая – отрицание»[6]. Иными словами, утверждение и отрицание по отношению к чему-либо формируют антитезный смысл, в основе которого лежит объективно существующее противоречие. Одновременно одна и та же фраза может включать в себя и утверждение, и отрицание, и противоположение, и единство. При этом она выполняет функцию выдвижения тезиса и антитезиса, акцентируя внимание слушателя (читателя) на противоречии как аргументе.

Факт противопоставления, – а в речи противопоставление есть «выдвижение», – как главный критерий возникновения и существования антитезы подчёркивается и другими мыслителями древней эпохи. Так, Феофраст и Деметрий в системе античных риторических фигур рассматривали антитезу как образованную путём противоположения, Квинтилиан также именовал её противоположением, или *contentio, contrapositim* («Риторика к Гереннию», Квинтилиан) [цит. по: Копнина, 2012, с. 195].

Древнегреческий философ и оратор Горгий из Леонтины (первым начал использовать фигуры в своей речевой практике) видел в антитезе выгодное созвучие. Его учение о «влиятельной речи» сводилось к риторическим фигурам, впоследствии получивших название «горгианских фигур», основанных на симметрии: антитеза, исоколон (равенство частей периода; период – фраза, имеющая начало и конец), омойотелевтон (созвучие окончания этих частей) [цит. по: Хазагеров, 2008, с. 47]. Важна лишь, по мнению автора, симметрия и звуковая организация двух составляющих предложений, начинающихся одинаково, но завершающихся разным ритмом, чтобы можно было говорить об антитезе как воздействующем элементе красноречия или, другими словами, как способе «композиционно-звукового выдвижения».

Фигуры речи позволяют «выстраивать» речь, делая её одновременно изящной и убедительной: придавая ей звучность и музыкальность, с одной стороны, с другой – выразительность и аргументативность. Фигурами часто называют также все выражения и различные обороты речи, которые придают высказыванию стилистическую значимость, образность, изменяют её эмоциональную окраску. Однако именно антитеза выделяется на фоне других фигур, поскольку такой её важный признак, как резкое противопоставление тезиса и антитезиса, является константной составляющей эффективного воздействия на слушающего, «выдвижения» наиболее значимых для достижения этого воздействия аргументов, объективированных в языковой форме в речи, тексте, дискурсе.

---

[6] Аристотель. Аналитики первая и вторая: пер. с древнегреч. / Аристотель ; пер. Б. А. Фохта. – 1952. – С. 379–440.

Выводы

Антитеза как средство речевой выразительности возникло ещё в глубокой древности, что связано с расцветом ораторского мастерства, в котором данный приём воздействия на слушателя был одной из главных составляющих практически каждого выступления.

Антитеза в античности считалась важным и продуктивным приёмом воздействия, поскольку могла объективироваться в пределах слов, словосочетаний, фраз, в повторах, в параллельных и в вопросно-ответных конструкциях, выполняя архитектоническую и диаграмматическую функции.

Антитеза как фигура мысли служила средством выражения доказательности и опровержения аргумента, соотносимого с актуальной проблемой, явлением общественной жизни, позволяла оратору убедить аудиторию в своей правоте посредством обращения к внутренним противоречиям описываемого явления и их разрешения в ходе дискуссии, что позднее нашло отражение в процессе анализа публицистики, судебной речи, диалогов-споров в драме и романе в античном периоде.

С точки зрения своей структурной организации антитеза также способна выполнять функцию выдвижения, особенно когда речь идёт о противопоставлении, сопоставлении или контрастной характеристике как композиционном фоне, служить выдвижению частей текста, «выдвижению» мысли, аргумента, в основе которого лежит противоположение, что делает антитезу высокопродуктивным и полифункциональным приёмом воздействия, заслуживающим пристального внимания исследователей и языка художественной литературы, и языка официально-деловой, судебной речи, и публицистики.

Список литературы

1. Аристотель. Аналитики первая и вторая: пер. с древнегреч. [Текст] / Аристотель ; пер. Б. А. Фохта. – М. : ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1952. – 440 с.
2. Арнольд, И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности [Текст] / И. В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / науч. ред. П. Е. Бухаркин. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 202–211.
3. Гаспаров, М. Л. Избранные труды [Текст] / М. Л. Гаспаров. – Том I. О поэтах. – М. : «Языки русской культуры», 1997. – 664 с.
4. Копнина, Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания [Текст] / Г. А. Копнина. – 2 изд-е., стер. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 576 с.
5. Квинтилиан, М. Ф. Риторические наставления [Электронный ресурс] : Книга VIII / пер. с лат. А. Никольский. – 1998. – 76 с. – Режим доступа : http://ancientrome.ru/antlitr/quintilianus/index.htm (дата обращения: 13.02.2017).
6. Лебедев-Полянский, П. И. Литературная энциклопедия : в 11 томах [Текст] / П. И. Лебедев-Полянский [и др.]. – М. : Художественная литература, 1929–1939. – Т. 11. – С. 9–824.

7. Орлов, Е. Н. Цицерон: его жизнь и деятельность [Электронный ресурс] / Е. Н. Орлов. – Электрон. Библиотека ЛитМир, – 2010. – 12 с. – Режим доступа : http://www.litmir.me/br/ciceron (дата обращения 13.02.2017).
8. Тахо-Годи, А. А. Античные риторики [Текст] / под ред. А. А. Тахо-Годи. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 352 с.
9. Фрейденберг, О. М. Античные теории языка и стиля [Текст] / О. М. Фрейденберг. – М. – Л. : Соцэкгиз, 1996. – 344 с.
10 Хазагеров, Г. Г. Риторический словарь [Текст] / Г. Г. Хазагеров. – 2-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 432 с.
11. Хазагеров, Г. Г. Риторика для делового человека : учеб. пособие [Текст] / Г. Г. Хазагеров, Е. Е. Корнилова. – 3-е изд. – М. : ФЛИНТА: МПСИ, 2008. –136 с.
12. Цицерон, М. Т. Три трактата об ораторском искусстве [Текст] / Пер. с лат. Ф. А. Петовкого, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова / под ред. М. Л. Гаспарова. – М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. – 475 с.

References

1. Aristotle (1952). *Analitiki pervaya i vtoraya: perevod s drevnegrecheskogo* [Aristotle. Prior and Posterior Analytics]. Translated from Ancient Greek into Russian by B. Fokht. Moscow : State and Politics Press.
2. Arnold, I. V. (2010). *Interpretatsiya khudozhestvennogo texta: tipy vydvizheniya i problema expressivnosti* [Literary interpretation: Types of highlighting and the problem of expressiveness]. Moscow : «LIBROKOM» Publishing House.
3. Gasparov, M. L. (1997). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow : Languages of Russian Culture.
4. Kopnina, G. A. (2012). *Ritoricheskiye priyomy sovremennogo russkogo yazyka: opyt sistemnogo opisaniya* [Rhetorical devices of modern Russian literary language: System description]. Moscow : FLINTA.
5. Quintilian, M. F. (1998). *Ritoricheskiye nastavleniya* [Institutes of Oratory]. Retrieved February, 13, 2017 from <http://ancientrome.ru/antlitr/quintilianus/index.htm>.
6. Lebedev-Polyanskiy, P .I. (1929–1939). *Literaturnaya entciklopediya: v 11 tomah* [Literary encyclopedia (11 volumes)]. Moscow : Fine Literature.
7. Orlov, E. N. (2010). *Tsitseron: ego zhizn i deyatelnost* [Cicero: Life and Activity]. Retrieved February, 13, 2017 from <http://www.litmir.me/br/ciceron>.
8. Takho-Godi, A. A. (1978). *Antichnye ritoriki* [Antique rhetorics]. Moscow : Moscow University Press.
9. Freidenberg, O. M. (1996). *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Ancient theories of language and style]. Moscow : Sots-Econom. Press.
10 Khazagerov, G. G. (2011). *Ritoricheskiy slovar'* [Rhetorical dictionary]. Moscow : FLINTA.
11. Khazagerov, G. G., Kornilova, E. E. (2008). Ritorika dlya delovogo cheloveka [Rhetoric for a business person]. Moscow : FLINTA.
12. Cicero, M. T. (1994). *Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [On the Orator, three books for his brother Quintus]. Translated from Latin into Russian by F. A. Petovskiy, I. P. Strelnikova, M. L. Gasparov. Moscow : Scientific Publishing Center «Ladomir».

УДК 811.512.2
UDC 811.512.2

Мэн Шусянь
Бывший глава Департамента
по национальным вопросам этнических меньшинств
Провинция Хэйлунцзян, Китайская Народная Республика
Meng Shuxian
Retired Head of the National Affairs of Ethnic Minorities Department
Heilongjiang Province, China
e-mail: mahayer_111@sina.com

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ОРОЧОНСКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ*
GENERAL DESCRIPTION OF THE OROCHON LANGUAGE IN CHINA

Аннотация
В настоящей статье рассматриваются вопросы исчезающего орочонского языка на территории Китайской Народной Республики. Поднимается проблема резкого сокращения орочонского населения, связанного с его ассимиляцией с другими народами Китая и приводящего к потере национального языка и традиционной культуры. В статье приводится краткий обзор этногенеза орочонов, их образа жизни и миграций, а также рассматривается этимология слова «орочоны». Предлагается общее описание орочонского языка, систем его гласных и согласных, даются их артикуляционное описание и сравнение со звуковыми единицами доминирующего китайского языка. Также затрагивается проблема документации орочонского языка, обусловленная отсутствием у него письменной формы, в связи с чем предлагается система транскрипции, основанная на 29 символах МФА. Описываются меры по сохранению орочонского языка и орочонской культуры, предпринимаемые правительством КНР в сферах экономической и языковой политики, образования, сохранения традиционного бытового уклада и формирования семейных традиций, способствующих более активному использованию данного языка для межличностного общения.

Abstract
The current article brings forward the issues of the endangered Orochon language in China. It addresses the problem of critical degradation of the Orochon population due to assimilation with other peoples that results in the Orochon language and culture degradation. The paper gives a concise outline of the history of the Orochon people, their lifestyle and migrations and touches upon the etymology of the word «orochon». It presents findings concerning general features of Orochon and its vowel and consonant systems, describes the vowel and consonant articulatory features and compares them to the ones of the dominating Chinese language. The paper also addresses problem of documentation of Orochon emerging from the

---

* Перевод с китайского Тэн Хай, Е. В. Кравченко, литературное редактирование С. В. Андросовой, консультирование О. Н. Морозовой.

absence of its written form and offers a set of 29 transcription symbols based on IPA. The article reports on the measures undertaken by the Chinese Government to save the Orochon language and culture. Those include the ones in the spheres of economy, language policy, education, traditional lifestyle preservation, and family traditions that would encourage the use of Orochon for active communication.

Ключевые слова: исчезающий язык, ассимиляция, этимология, транскрипция, подсистемы гласных и согласных, сингармонизм, сохранение языка.

Keywords: endangered language, assimilation, etymology, transcription, vowel and consonant subsystems, vowel harmony, language preservation.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_67_86

1. География и этимология

Орочоны – одна из 56 национальностей, проживающих на территории Китая, – являются одной из малочисленных национальностей данного государства. По результатам Шестой Всекитайской переписи населения, проведённой в 2010 году, в Китае проживают 8659 орочонов, основная часть которых сконцентрирована в Автономном районе Внутренняя Монголия, в городе Хулунбуир – 3147 орочонов, в том числе, 2675 носителей данного языка в Орочонском национальном автономном хошуне в 8 поселках и 2 сёлах, 5 из которых являются охотничьими (посёлок Даяншу, посёлок Улубуте, поселок Номинь, село Точжаминь, орочонская волость Гули), а также в 82 административных деревнях, среди которых 7 орочонских охотничьих деревень. В городе Чжаланьтунь в орочонской национальной волости Наньму (Наму) проживают 472 орочона, а в провинции Хэйлунцзян – 3943 орочона. В районе Большой Хинган (округ Да Хинган Лин) зарегистрированы 1098 орочонов в уезде Тахэ – орочонская национальная волость Шибачжань и в уезде Хума – Орочонская национальная волость Байиньна. В городском округе Хэйхэ зарегистрированы 1894 человека в районе Айхой (Айгунь) – Орочонская национальная волость Синьшэн и в уезде Сюнькэ – орочонская национальная волость Синьэ и Синьсин. В городском округе Ичунь зарегистрированы 131 орочона в уезде Цзяинь (орочонская национальная деревня Шэнли поселка Улага). Орочоны ведут активную деятельность в районах Большого и Малого Хингана – районе высочайших гор Хингана и безбрежных вод реки Хэйлунцзян. Большой Хинган диагонально проходит в их границах, простирается с севера на юг; западные склоны пологие, восточные склоны обрывистые. Большие реки и ручейки протекают в глубине гор; реки Добулуэр, Гань, То, Али, Куйлэ, Номинь, Чоэр и другие берут начало в Большом Хингане. Малый Хинган, наоборот, простирается вдоль извилистой реки Хэйлунцзян, протекающей с севера на юго-восток, реки с очень сильным течение Хума, рек Та, Фабела, Циэрбинь, Чжань, Сюньбила, Удиэр, Куэрбинь, Улага и других больших и малых рек, протекающих с юга на север.

Обширные леса Большого и Малого Хингана являются природными естественными охотничьими угодьями орочонов. В лесах водятся амурский тигр, черный медведь, дикий кабан, благородный олень, пятнистый олень, лось, волки, косули, барсуки, норки; в лесу и водоёмах много перелётных и водоплавающих птиц; в водоёмах имеется в изобилии рыба (таймень, лосось и т. д.). В лесах произрастают различные виды деревьев (сосна, лиственница, тополь, дуб, липа, вяз и т. д., а также столь любимые орочонами берёзы). Горы, поросшие лесом, тянутся на тысячи миль, заслоняя солнце; реки и озера, горы и равнины полны диких ягод. В этих краях обосновались храбрые и трудолюбивые охотники-орочоны. Богатые природные ресурсы предоставляют орочонам неисчерпаемые возможности для того, чтобы добывать пищу, изготавливать одежду, охотничьи и рыболовные инструменты.

Орочоны являются потомками древнего народа, жившего по реке Хэйлунцзян. Орочоны прошли очень длительный путь исторического развития с многочисленными периодами спада, процветания и постоянных миграций. На сегодняшний день существуют немало версий относительно этнического происхождения орочонов. По одной версии, они пришли из древней земли Сушэнь, по другой – орочоны являлись частью племён Шивэй. Это две основные версии, помимо которых существуют и менее распространённые, согласно которым предками орочонов были племена Сяньби союза племён Дунху. Проведённый автором настоящего исследования обобщённый анализ лингвистических особенностей, экономического уклада и традиций позволяет считать сушэньскую версию наиболее правдоподобной – от племён Сушэнь, Илоу, Уцзи, Мохэ, Нюйчжэнь, которые проживали в районе среднего и нижнего течения реки Хэйлунцзян. С самых древних времён они постоянно контактировали, производили торговые обмены, занимались охотой и рыболовством и, таким образом, постепенно формировали орочонские сообщества, говорящие на одном национальном языке и придерживающиеся одних и тех же обычаев.

Название племени «орочоны» придумано другими народами. Ему предлагают два этимологических объяснения.

1. Люди, живущие в горах. В орочонском языке слово *аояо* означает «гора», а слово *чунь*, произошедшее в результате звуковых изменений от слова *цянь*, значит «люди». После слова [ɔjɔn] *аояо* «гора», поставив словообразовательный суффикс [ʧen] *цянь* «люди», получаем слово [ɔrɔʧen] «орочоны» – «люди, живушие в горах».

2. Люди, которые разводят северных оленей. В орочонском языке, северный олень назывался либо как *аожаоэнь*, либо как *э лунь*. Поставив после слова *э лунь* [ɔrɔn] словообразовательный суффикс [ʧɔn] *чунь*, получается – люди, использующие северных оленей. Это народное название пришло с древних времён. Известно, что орочоны кочевали повсюду, а олени полностью обеспечивали их потребности в пище. В процессе кочевания из Сибири и Дальнего Востока орочоны мигрировали на северо-восток Китая в район вулканического горного хребта Хинган в автономный

район Внутренняя Монголия. С течением времени пастбища пришли в негодность и орочоны были вынуждены отказаться от оленеводства и занялись охотой.

Из двух объяснений первое – «люди, живущие в горах» – до сих пор является более распространенным и принятым большинством орочонов.

Название «орочоны» впервые встретилось в литературных источниках на двадцать втором году правления цинского императора Канси (1683), в его «Императорском повелении» и в «Воспоминаниях императора» в формах *э лочунь* [ɔlɔʧɔn], *э лэчунь* [ələʧən], э реализовалось вторым тоном, а в *лунь чунь* [ələʧɔn] – четвёртым тоном, *лунь чунь* [ɔrɔʧɔn] и так далее. Однако правительство Чинь называет орочонами только тех людей, которые живут в *э эр гу* в верхнем течении реки Хэйлунцзян, и не включает в эту группу такие народы, как *ма не и эр* [maŋejir], *ку ма эр цянь* [k´umaʧeen], *би ла эр цянь* [piraʧeen], *цзи лэ эр* [ʧilər] (или *ци лэн* [ʧilər], *си линь* [ʧilin]), *мань хуэй* [manxun] и другие, которые также фактически принадлежат к орочонам. До образования Китайской Народной Республики, после этнической идентификации, эти народы, роды и народности получили общее название «орочоны».

Орочоны – самый типичный китайский народ, который в течении многих веков кочевал, занимаясь рыбной ловлей и охотой – главными видами деятельности, обеспечивающими выживание (см. рис. 1). Однако по прошествии времени орочоны осели в горах.

Рисунок 1. **Орочоны на охоте (фото Ян Гуанхай, лето 1962 г.)**

Примечание к рисунку 1: Изображение показывает, что орочоны часто мигрируют; их образ жизни зависит от особенностей охоты в разные сезоны.

Орочоны также являются одним из народов, которые жили в горах без определённых адресов вплоть до образования Китайской Народной Республики. После образования Китайской Народной Республики, при помощи Китайской Коммунистической Партии и Народного Правительства,

с 1953 г. до 1958 г. орочоны начали переходить на оседлый образ жизни в поселениях в условиях стабильности и комфорта (рис. 2).

Р и с у н о к 2. **Орочонская национальная волость, село Синьэ (фото Мэн Шусянь)**

После того, как орочоны «спустились с гор», они, при всесторонней помощи правительства и всех братских национальностей, стали заниматься мелиоративным земледелием и животноводством. Национальная экономика начала двигаться в сторону отраслевой диверсификации и всестороннего развития. С подъёмом в экономике, уровень жизни орочонов был значительно повышен (см. рис. 3). Для достижения политического равенства в региональных национальных волостях были созданы местные органы власти и самоуправления, избраны руководители. Всё это способствовало эффективному управлению внутренними делами и обеспечивало равенство прав. В целях достижения должного уровня культурного развития и здоровья орочонского народа, при помощи и поддержке правительства, постепенно строились школы и больницы. Благодаря этим усилиям, за несколько десятилетий удалось не только устранить неграмотность среди молодежи, но и воспитать студентов, аспирантов и докторантов. С развитием стандартов в области здравоохранения и улучшением бытовых условий, уровень здоровья орочонов значительно повысился, увеличилась численность населения. Если в начале образования Китайской Народной Республики численность орочонов составляла 2256 человек, то в 2010 году она увеличилась в 3,84 раза до 8659 человек.

Р и с у н о к 3. **Орочонский автономный хошун, новая деревня Добукуэр (фото Гуань Хунин)**

2. Общие сведения об орочонском языке

Орочонский язык на данный момент существует только в устной форме. Он принадлежит к тунгусо-маньчжурской подгруппе алтайской семьи языков. К этой языковой ветви также принадлежат эвенкийский, хэджэ, сибинский и маньчжурский языки. Фонетическая структура орочонского языка очень проста. Она включает гласные и согласные звуки, образующие две фонологические подсистемы. Звуковая система характеризуется сингармонизмом, то есть в многосложном слове могут встречаться только определенные гласные звуки. В соответствии с законом гармонии гласных, их можно разделить на гласные твёрдого, мягкого и нейтральные рядов. В орочонском языке много монофтонгов, которые подразделяются на долгие и краткие; количество дифтонгов весьма ограничено. Система согласных звуков довольно проста; в речи они часто подвергаются ассимиляции.

Доминирующим типом словоизменения в орочонском языке является агглютинация. В орочонском языке много слов, связанных с природой – природными явлениями, видами растений и животных, экологическими терминами, словами, описывающими умеренно-холодный климатический пояс и лесной пояс на территории Китайской Народной Республики. Богатейшим источником живописных, романтичных и красивых слов стали Большой и малый Хинганы. Орочонский язык имеет длинную историю. Он ритмичен, полон экспрессивных средств, с его помощью прекрасно выражается чувство юмора. Носители данного языка – вольные, честные, добрые, щедрые, трудолюбивые и храбрые люди, неуклонно стремящиеся вперёд, к своему будущему. Большинство лексических единиц описывают жизнь на природе и тесно связаны с охотой и бытом орочонов.

Как уже упоминалось, для орочонского языка не создано письменности, поэтому о своей истории и культуре орочоны узнавали из устных рассказов и преданий, в которых отражалась народная жизнь, воспроизводился национальный исторический путь. Внутри орочонского языка имеются диалекты (говоры), которые пользуются единой для орочонского

языка системой, но, вместе с тем, характеризуются определёнными различиями. Однако количество этих говоров сокращается, а некоторые из них находятся на грани исчезновения. В прошлом орочоны всегда проживали изолировано от других народов, да и в настоящее время эта изоляция сохраняется в местах компактного проживания орочонов. Это, в определённой степени, помогает сохранять язык.

Язык является носителем человеческой культуры, её важным компонентом. Каждый язык способен выразить мировоззрение, образ мышления, социальные характеристики, культуру и историю данного народа и считается драгоценным нематериальным наследием. Когда исчезает язык, исчезает, соответственно, и вся культура. Поэтому важно сохранять культурное наследие языка. Язык является важной частью конкретной этнической культуры, он отражает основные способы познания мира, характерные для данного этноса, и содержит в себе информацию о целой этнической группе, накопленную в процессе длительного исторического развития. В Китае способом выживания всех языков малых народов признано сохранение культурного наследия этих народов.

Орочонский язык относится к исчезающим языкам, претерпевая сильное влияние доминирующего китайского языка. Сохранение орочонского языка обеспечит этническое единство и социальную стабильность, а также будет способствовать сохранению наследия всей человеческой цивилизации. Кроме того, сохранение орочонского языка имеет важное научное значение для изучения других языков тунгусо-маньчжурской группы и традиционных культур соответствующих народов.

В настоящее время языковая ситуация вокруг орочонского языка складывается таким образом, что в районах массового проживания орочонов, несмотря на большие возможности использования орочонского языка для общения, он сохранился хуже, чем в тех местах, где орочоны проживают разрозненно. Это особенно справедливо в отношении молодого поколения. С тех пор, как орочоны спустились с гор и стали вести оседлый образ жизни, орочонские дети поступают в школу, где изучают, в основном, китайский язык и китайские иероглифы. Кроме этого, поскольку орочоны проживают бок о бок с другими национальностями, постоянно растёт количество смешанных браков, что не может не оказывать сильного влияния на языковую ситуацию.

Наши исследования показывают, что полностью сохранить культурное наследие и язык орочонов для передачи будущим поколениям весьма непросто, поскольку очень мало орочонов знают национальную культуру и национальный язык (в основном, это орочоны старше 50 лет). Среди орочонской молодёжи, всё меньше и меньше юношей и девушек по-настоящему знают свой национальный язык и свою культуру. И если двадцатилетние молодые орочоны всё ещё в состоянии понять национальную речь на слух, но говорить на орочонском языке уже не могут, то 10-летние дети не могут ни говорить на этом языке, ни понимать его. С учётом сложившейся ситуации, с начала 1990-х годов, все местные орга-

ны власти приняли активное участие в мероприятиях по сохранению орочонского языка. В соответствии с политикой партии и правительства, всемерно пропагандируется положение о национальных языках и проводится агитация для того, чтобы побудить орочонов изучать свой родной язык и использовать его как средство межличностного общения (рис. 4).

Р и с у н о к 4. **Орочонская национальная волость Шибачжань. Занятие на орочонском языке в специально оборудованной аудитории в центральной школе (фото Хань Юфэня)**

Таким образом, во-первых, к орочонскому языку уважительно относятся в китайском обществе, что способствует повышению мотивации орочонов к дальнейшему изучению своего родного языка и активному его использованию как средства межличностного общения. Во-вторых, в местах компактного проживания орочонов с большей плотностью населения в средствах массовой информации – по радио и телевидению – на орочонском языке в прямом эфире передают новости, рассказы и песни (рис. 5). Созданы также некоторые специальные программы, например, «Беседы на орочонском языке» для информирования орочонов о языковой политике государства для дальнейшего укрепления статуса родного языка и повышения мотивации к его изучению.

В-третьих, при поддержке Министерства образования, подготовлен единый набор учебных материалов для преподавания орочонского языка. Орочонский язык во всех созданных учебниках полностью снабжён международной транскрипцией. Обращение к ней связано с необходимостью унифицировать фонетические знаки, которые до этого в течение длительного времени были весьма разрозненными, зачастую не соответствовали действительности или были неполными. Орочонский язык имеет свои произносительные особенности, элементы его звуковой системы отличаются от языков других народов. Так, в орочонском языке имеются звуки, отсутствующие в китайском языке. Поэтому, если пытаться зафиксировать орочонское произношение при помощи китайской транскрипции или иероглифов, то она потеряет точность.

Р и с у н о к 5. **Орочонские певцы-любители поют орочонские народные песни (фото Мэн Шусянь)**

Знаки международной фонетической транскрипции (IPA) более универсальны; с их помощью можно достичь требуемой точности фиксации произношения для более эффективного изучения орочонского языка. В соответствии с необходимостью, продиктованной произносительными особенностями орочонского языка, из международного фонетического алфавита были выбраны 29 фонетических символов, при помощи которых можно точно зафиксировать особенности разных орочонских говоров, а также отразить произношение заимствованных слов. Таблица 1 показывает соотношение между 29 фонетическими буквами, китайскими иероглифами и китайской транскрипцией.

Т а б л и ц а 1. **Международная транскрипция для орочонского языка**

IPA	Пиньинь	Иероглифы	IPA	Пиньинь	Иероглифы
a	ɑ	啊	n	n	讷
ɔ	--	奥	l	l	勒
o	--	欧	k	g	哥
i	i	衣	k′	k	科
u	w	乌	x	h	喝
y	ü	迂	r	r	日
ə	e	鹅	ʤ	j	基

Окончание таблицы 1

IPA	Пиньинь	Иероглифы	IPA	Пиньинь	Иероглифы
e	ɔ	也	ʧ	q	欺
ʌ	--	阿格	f	f	佛
p	b	玻	s	s	思
p′	p	坡	ɕ	x	希
m	m	摸	ɳ	--	尼啊
t	d	得	j	y	依
t′	t	特	w	o	窝
			ŋ	--	额啊

3. Гласные звуки

3.1. Фонологическая классификация

В орочонском языке гласные противопоставлены по четырём признакам: долгота, подъём, ряд и огубленность. Артикуляционная классификация орочонских гласных фонем представлена в таблице 2.

Таблица 2. **Артикуляционная классификация орочонских гласных фонем**

Ряд	**Передний**		**Центральный**		**Задний**	
Подъём	неогубл.	огубл.	неогубл.	огубл.	неогубл.	огубл.
Высокий (закрытые гласные)	ii, i	y				uu, u
Полувысокий (среднезакрытые гласные)	ee, e		əə, ə			oo, o
Полунизкий (среднеоткрытые гласные)						ɔɔ, ɔ
Низкий (открытые гласные)			aa, a		ʌ	

Примечание к таблице 2: удвоенный символ – ii – означает долгий гласный.

В орочонском вокализме долгота является дифференциальным признаком. Система насчитывает 9 кратких /a/, /ɔ/, /o/, /i/, /u/, /y/, /ə/, /e/, /ʌ/ и 7 долгих /aa, ɔɔ, oo, ii, uu, əə, ee/ гласных. В орочонском языке имеются па-

ры квазиомонимов, различающихся только долготой входящих в их состав гласных, например: axin «старший брат» и aaxin «печень», unən «говорить» и uunən «растаять», ilan «три» и ilaan «блеск».

По подъёму в различают закрытые, среднезакрытые, среднеоткрытые и открытые гласные, по ряду – передние, центральные и задние (см. табл. 2). По работе губ гласные звуки делятся на неогубленные (нелабиализованные) и огубленные (лабиализованные). К неогубленным относятся: /a/, /ə/, /e/, /i/, /ʌ/, огубленными являются: /ɔ/, /o/, /u/, /y/.

3.2. Артикуляционное описание гласных звуков

/a/ – неогубленный гласный средне-низкого подъёма. При его произнесении рекомендуется ниже опускать челюсть и язык. Пример: слово /aja/ «хорошо» (здесь и далее подчёркиванием обозначен рассматриваемый гласный). Похож на китайский звук [a].

/ɔ/ – огубленный гласный заднего продвинутого вперёд ряда, низкого подъёма. Также, как и для предыдущего звука, необходимо сделать широкий раствор ротовой полости. Кроме того, следует округлить губы и вытянуть их вперёд, а корень языка – оттянуть назад. Пример: слово /ɔlɔ/ «рыба». Данный звук напоминает китайский гласный [ao].

/o/ – огубленный гласный заднего ряда, полувысокого подъёма. Как и при произнесении предыдущего звука, следует округлить губы и вытянуть их вперёд, при этом, корень языка необходимо расположить ровно. Пример: /woon/ «пампушка». Данный звук имеет сходство с китайским гласным [o].

/i/ – неогубленный гласный переднего ряда, верхнего подъёма. При его произнесении губы слегка открыты, кончик языка находится у нижних зубов, передняя часть языка поднята. Пример: /inəŋ/ «днём». Данный звук похож на китайский гласный [y].

/u/ – огубленный гласный заднего ряда, высокого подъёма. При его произнесении губы сильно округлены вытянуты вперёд, корень языка оттянут назад. Пример: /urə/ «гора». Данный гласный имеет схожесть с китайским звуком [w].

/y/ – огубленный гласный переднего ряда, верхнего подъёма. При произнесении губы вытянуты вперёд, раствор в ротовой полости очень узкий, кончик языка продвинут вперёд. В качестве примера можно привести слово /ʧyji/ «племянник». Указанный гласный напоминает китайский [ü].

/ə/ – неогубленный гласный центрального ряда, полувысокого подъёма. При его произнесении губы слегка открыты, средняя часть языка слегка поднята, тело языка расслаблено. Примером может послужить слово /əlu/ «лук». Схож с китайским гласным [e].

/e/ – неогубленный гласный переднего ряда, полувысокого подъёма. При его произнесении губы растянуты в стороны, кончик языка находится у нижних зубов, передняя часть языка слегка поднята. Пример: /jeelu/ «уголёк». Этот гласный напоминает китайский [ye].

/ʌ/ – неогубленный гласный заднего ряда, низкого подъёма. При его произнесении губы слегка растянуты по обеим сторонам и раскрыты, кончик языка слегка направлен к нижним зубы, корень языка слегка поднят. Гласный следует произносить кратко. В качестве примера можно привести слово /ʌk´iran/ «колоть».

4. Согласные звуки

4.1. Фонологическая классификация

Орочонский консонантизм представлен 20 согласными фонемами: /p/, /p´/, /m/, /f/, /t/, /t´/, /n/, /l, /k/, /k´/, /x/, /r/, /ʤ/, /ʧ/, /s/, /ɕ/, /ɳ /, /j/, /w/, /ŋ/. Артикуляционная классификация согласных фонем представлена в таблице 3.

Т а б л и ц а 3. **Артикуляционная классификация орочонских согласных фонем**

Способ образования / Локус	Глухие взрывные		Звонкие аффрикаты		Носовые сонанты	Глухие щелевые	Плавные сонорные	Дрожащие
	непри-дых.	при-дых.	непри-дых.	при-дых.				
Губно-губной	p	p´			m		w	
Губно-зубной						f		
апикальный	t	t´			n		l	
заднеязычный	k	k´			ŋ	x		
среднеязычный					ɳ	ɕ	j	
Передний апикальный			ʤ	ʧ		s		r

4.2. Артикуляционное описание согласных звуков

/p/ – губно-губной непридыхательный глухой звук. Его произнесение начинается с губной смычки, за которой следует взрыв; голосовые связки полностью раскрыты. Пример: слово /pəjə/ «человек» (здесь и далее подчёркиванием обозначен рассматриваемый согласный). Похож на китайский звук [b].

/p´/ – губно-губной придыхательный глухой взрывной согласный звук. Артикуляция схожа с предыдущим звуком за тем исключением, что здесь появляется гортанный шум – придыхание. Похож на китайский звук [p]. Пример: слово /p´əɕirən/ «шуметь».

/m/ – губно-губной носовой сонант. При его произнесении губы смыкаются, тело языка расположено ровно, поток воздуха выходит из по-

лости носа, голосовые связки вибрируют. Пример: слово /murin/ «лошадь». Похож на китайский звук [m].

/f/ – губно-зубной глухой щелевой согласный звук. При его произнесении верхние зубы касаются нижней губы, воздух проходит через щель, образуя фрикативный шум. Похож на китайский звук [f]. Этот звук в орочонском языке встречается очень редко – только в заимствованиях из китайского языка, например /fəjʧi/ «самолёт».

/t/ – переднеязычный глухой взрывной согласный. При произнесении кончик языка смыкается с верхними зубами, затем смычка раскрывается и реализуется взрыв, при этом голосовые связки не вибрируют. Пример: слово /taatun/ «рядом». Напоминает китайский звук [d].

/t´/ – переднеязычный придыхательный глухой взрывной согласный звук. Его артикуляция аналогична предыдущему звуку. Дополнительно добавляется гортанный шум. Пример: /t´ur/ «земля». Похож на китайский звук [t].

/n/ – переднеязычный носовой сонант. При его произнесении губы приоткрыты, кончик языка прижат к нёбу, воздух выходит через носовую полость. Похож на соответствующий китайский звук, однако, следует отметить, что данный звук произносится по-разному в неконечной и конечной позициях в слове: как в слоге /na/ в начале и в середине слова, например, /nana/ «кожа»; как в слоге /en/ в конце слова, например, /tijin/ «четыре».

/l/ – переднеязычный боковой плавный латеральный. Похож на китайский звук [l] как в слоге /le/, например, /lak´iran/ «махать».

/k/ – заднеязычный непридыхательный глухой взрывной звук. При его произнесении задняя часть языка поднята к мягкому нёбу, за смычкой следует взрыв, голосовые связки не вибрируют. Похож на китайский звук [g]. Пример: слово /kərpi/ «имя».

/k´/ – заднеязычный придыхательный глухой взрывной звук. Его артикуляция схожа с предыдущим звуком, однако имеется дополнительный гортанный шум. Похож на китайский звук [k], Пример: слово /k´uʧun/ «сила».

/x/ – заднеязычный глухой щелевой согласный. При его произнесении губы приоткрыты, язык немного отодвинут назад, поток воздуха выходит через образовавшуюся щель. Пример: слово /ajixə/ «молодец». Схож с китайским звуком [h].

/r/ – дрожащий согласный звук. При его произнесении кончик языка направлен кверху, но не касается зубов и нёба, губы слегка вытянуты, голосовые связки вибрируют. Пример: слово /piraxan/ «река». Имеет схожесть с китайским звуком [r].

/ʧ/ – непридыхательная глухая переднеязычная аффриката. При её произнесении губы приоткрыты и выступают вперёд, кончик языка образует смычку у верхних зубов, за смычкой следует слабый выдох, голосовые связки не активны. Похож на китайский звук [j], Пример: слово /ʧiirən/ «резать».

/ʧ˘/ – переднеязычная придыхательная глухая аффриката. Артикуляция схожа с предыдущим звуком, имеется значительный гортанный шум. Пример: слово /ʧ˘iʧ˘ɔɔr/ «очень прямой». Похож на китайский звук [q].

/s/ – переднеязычный глухой фрикативный звук. При его произнесении губы слегка округлые и незначительно вступают вперёд, язык, сближаясь с верхними зубами, образует круглую щель. Похож на китайский звук [s], Пример: слово /saran/ «знать».

/ɕ/ – среднеязычный глухой щелевой согласный звук. При его произнесении губы округлые и выступают незначительно вперёд, поверхность языка слегка приближается к верхним зубам, образуя круглую щель. Пример: слово /ɕixsə/ «вечером». Похож на китайский звук [x].

/ɳ / – среднеязычный носовой сонант. При его произнесении губы приоткрыты, кончик языка находится у верхних зубов, поток воздуха выходит через носовую полость. Пример: слово /ɳama/ «тепло». Напоминает китайский звук [n] как в слоге /nia/.

/j/ – среднеязычный сонорный. При его произнесении губы приоткрыты, кончик языка направлен к нижним зубам, средняя часть языка приближена к твёрдому нёбу. Пример: слово /jiirən/ «заходи». Похож на китайский звук [y].

/w/ – губно-губной плавный сонорный. При его произнесении губы сильно округлены, сближены и вытянуты вперёд, корень языка поднят, голосовые связки вибрируют. Пример: слово /waa/ «запах». Похож на китайский звук [w] в слоге /wo/.

/ŋ/ – заднеязычный носовой сонант. При его произнесении губы приоткрыты, кончик языка находится у нижних зубов, задняя часть языка поднята к мягкому нёбу, поток воздуха проходит через полость носа, голосовые связки вибрируют. Реализуется по-разному в начале и в конце слова. Если данный сонант начинает слово, то он похож на китайский [e a]. Пример: орочонское слово /ŋaala/ «рука». В конце слова сонант произносится как в китайской финали слова heng. Пример: орочонское слово /inəŋ/ «днём».

Большинство из указанных международных фонетических символов аналогичны тем, что используются в китайской транскрипции. Вместе с тем, имеются отличия. Так, фонетических символов ɔ, ɳ, ʌ, используемых для отражения орочонской системы сегментных единиц, нет в транскрипции для китайского языка. В таких случаях нами использовались похожие китайские иероглифы.

5. Структура слога и сингармонизм

5.1. Типы слоговой структуры слов

Слова орочонского языка состоят из слогов, вершинами которых являются гласные (Г), а согласные (С) – периферией. В орочонском слове столько слогов, сколько в нём гласных. Начальная консонантная периферия слога может состоять только из одного согласного, на конечной периферии максимально разрешается два согласных. По указанным правилам образуются несколько типов слоговой структуры слов.

1) ГС: əə+m→əəm «лекарство»;
2) Г-СГ: u+r+ə→u-rə «гора»;
3) ГС-СГ: ə+r+t+ə→ər-tə «утро»;
4) Г-СГС: a+ʧ+a+n→a-ʧan «пиала из берёсты»;
5) СГ: m+uu→muu «вода»;
6) СГС: t´+u+r→t´ur «земля»;
7) СГ-СГ: n+a+n+a→nana «кожа»;
8) СГСС: n+ə+l+k→nəlk «корень дерева».

Обычно слог стоит из гласного и согласного, но существует и особая структура, когда слог состоит только из одного гласного, например, междометия /a/ (啊), /ɔ/ (奥), /ə/ (哦) и так далее.

5.2. Редуцированные[1] согласные

Некоторые поствокальные согласные, а именно /p/, /m/, /n/, /l/, /x/ в данной позиции являются практически непроизносимыми: фиксируется начало артикуляции, когда активный орган принимает необходимое положение, но затем артикуляция прерывается. Так происходит, например, в словах «облако» /t´uxsu/, «иней» /ixsaan/, «туман» /t´amnaxsa/, «белая берёза» /ʧ˝alpan/, «черная берёза» /t´ipkura/.

5.3. Сингармонизм

В орочонском языке присутствует явление сингармонизма. Это важнейшая особенность тунгусо-маньчжурских языков. В орочонском языке сингармонизм очень развит, поэтому большинство орочонских слов благозвучны и легко произносятся. Сингармонизм является отличительной чертой гласных. Орочонские гласные делятся на три группы: сильные / твёрдорядные («мужские») /a/, /ɔ/, /ʌ/, слабые / мягкорядные («женские») /ə/, /o/ и нейтральные /i/, /u/, /e/, /y/. В словах слоги характеризуются гармонией гласных: сильные гласные сочетаются с сильными либо нейтральными, но не со слабыми. Например: /amaa/ «отец», /anɔɔr/ «много», /aaxin/ «печень», /awur/ «газ», /ɔɔtan/ «можно», /ɔlɔ/ «рыба», /ɔɔxi/ «сколько», /k´ɔɔxun/ «пусто», /məleen/ «пуля», /ujyrən/ «довести до кипения», /ʌxk´i/ «алкоголь». Слабый гласный гармонично сочетается со слабым и нейтральными гласными, но не с сильными. Например: /əŋəə/ «мать», /əmool/ «седло», /wotərən/ «стрелять», /əri/ «этот», /əwurən/ «спускаться», /ropoo/ «пампушка», /pəjyn/ «лось».

Нейтральные гласные могут гармонично сочетаться с любыми гласными, например: /irki/ «хвост», /ilan/ «три», /iləə/ «где», /ulaa/ «одеяло», /unən/ «говорить», /uloorən/ «готовить еду», /jeŋa/ «пляж», /jeelu/ «зола».

В орочонских селах, где компактно проживают орочоны, почти по всех школах введена обязательная учебная дисциплина «орочонский язык» (см. обложки учебников на рис. 6).

---

[1] Термин ‘редукция’ употребляется в более общем смысле как ослабление артикуляции.

Р и с у н о к 6. **Обложки учебников, составленных Хань Юфэн и Мэн Шусянь (фото Мэн Шусянь)**

В результате, эта мера способствовала созданию благоприятной атмосферы для самостоятельного изучения орочонского языка и его активного использования большим количеством орочонов.

6. Влияние языка окружающих национальностей на орочонский язык

Хотя орочоны с древних времён жили в Большом и Малом Хиганах, из-за торговых потребностей они очень давно уже развили контакты с народами, живущими по соседству. Например, зерном, тканями и солью торговали с китайцами, маньчжурами, даурами, проживавшими в Хэйлунцзян, Нэнцзян, Сунгли и занимающимися земледелием; в горных районах на западе Большого Хингана, граничащих со степными районами, торговали лошадьми, сёдлами с монголами и эвенками, которые занимались животноводством; у русских, живших на севере Хэйлунцзян, часто выменивали ружья и пули и прочие вещи. В конце правления династии Цин и в период Китайской республики (1912–1949 гг.), в связи со «снятием запрета», наложенным на северо-восточные районы, значительное число ханьцев и других национальностей массово переселялись в районы Большого и Малого Хингана. Орочоны, контактируя с этими народами, начали заниматься земледелием, скотоводством и прочими оседлыми видами деятельности. После образования Китайской Народной Республики, особенно в связи с развитием Большого и Малого Хинганов, многие орочоны вместе с другими народами приняли участие в развитии этих регионов. Проживая рядом друг с другом, они совместно трудились и создавали смешанные семьи.

В связи с увлечением контактов с другими народами и быстрым развитием экономики страны, каждый из соседних народов оказал заметное влияние на развитие орочонского языка. Появилось немало слов-неологизмов и некоторое количество заимствований. Это обогатило лексический состав орочонского языка и сделало его более выразительным.

7. Сохранение орочонского языка для его передачи будущим поколениям

Китай является единой многонациональной страной, в которой каждый народ характеризуется особой языковой культурой, отражающей дух этого народа. Как уже упоминалось, исчезновение языка приводит к исчезновению народной культуры и, затем, и самого народа, поскольку язык и культура являются отражением сознания народа. Дальнейшая судьба народа зависит от тех мер, которые предпринимаются для сохранения и развития национального языка и национальной культуры, что, в свою очередь, является гарантией развития и процветания данного народа. Большинство стран мира делают всё возможное для проведения исследований в целях сохранения национальных языков и культур для их передачи будущим поколениям. Отечественные и зарубежные учёные проявляют большой интерес к орочонскому языку; на его материале проводится целый ряд исследований, предлагаются разработки. С начала 50-х годов 20 века, государство направляет соответствующих учёных-специалистов в места проживания орочонов для проведения исследований, сбора и систематизации данных. В ходе проведённых исследований были получены значимые результаты, которые после 80-х годов 20 века нашли отражение в публикациях. Среди них имеются «Краткое описание орочонского языка», составленное Ху Цзэни, а также другие его работы: «Исследование орочонского языка», «Сборник диалогов на орочонском языке», «Сборник основных лексических единиц орочонского языка». Автору настоящей статьи в соавторстве с орочонским коллегой-учёным Хань Юфэнем с 1992 года удалось выпустить в печать целый ряд трудов: «Сопоставление орочонского и китайского языков», «Орочонский язык» (в двух томах), «Исследование диалектов орочонского языка в Китае», «Краткое описание орочонского языка» (учебник); к выпуску готовится «Словарь орочонского и китайского языков». Учёные Хэ Цинхуа и Можигэнбуку из орочонского автономного хошуна в соавторстве опубликовали «Описание орочонского языка». Кроме того, уже создана в качестве обучающей интернет программы с аудиовизуальным сопровождением «Система защиты орочонского языка», которая была организована комитетом по вопросам национальности провинции Хэйлунцзян, проводилась провинциальным образовательным центром под юрисдикцией уезда Тахэ. Орочонский автономный хошун в настоящее время также разрабатывает и создает программы для изучения орочонского языка в сети интернет.

Иностранные эксперты и учёные начали исследовать орочонский язык в нашей стране в начале 20 века. В частности, известный антрополог

Сергей Михайлович Широкогоров в начале 20-х годов написал «Словарь орочонского языка», который не был официально опубликован из-за II Мировой войны. В 1944 году в Японии была обнаружена копия данной рукописи. В 1997 году профессор Токийского университета Чишан Эрлян в университет о. Хоккайдо опубликовал «Словарь орочонского языка», который был опубликован в университете Хоккайдо. В последние 20 лет, Хань Юфэн и Мэн Шусянь многократно обменивались опытом и результатами исследования орочонского языка с лингвистами из Финляндии, США, Японии, Южной Кореи, Канады и других стран, которые специально приезжали в Хэйлунцзян с целью исследования орочонского языка. Так, например, доктор филологических наук Линь Сай из университета Калифорнии в США, находясь в Калифорнии, в книжном магазине увидел книгу «Сопоставление орочонского и китайского языков», написанную Хань Юфэнем и Мэн Шусянь. Он сразу же приехал в Харбин и, в течение трёх лет подряд, на каникулах, продолжал приезжать обмениваться опытом и общаться на орочонском языке, которым он владел на удивление свободно.

В связи с бурными процессами экономического и социального развития, модернизации, орочонский язык столкнулся с такими серьёзными проблемами, с которыми не никогда до этого не сталкивался. Подвергаясь влиянию доминирующих языков, он практически находится на грани исчезновения.

Автор настоящей статьи – носитель и исследователь орочонского языка, испытывающий неподдельную любовь к своей национальной культуре и уже много лет принимающий участие в документировании и сохранении орочонского языка. Эти усилия подчинены общей цели сохранения национальной речевой культуры малочисленных народов, таких как орочоны. Мы получили существенную поддержку соответствующих местных органов власти. Во всех местах компактного проживания орочонов соответствующие ведомства поощряют молодёжь, подростков и детей изучать свой национальный язык: в начальной и средней школе обучение ведётся на двух языках – китайском и орочонском; соответствующие департаменты правительства организуют курсы орочонского языка для разных возрастов. Так, комитет по национальным делам города Хэйхэ уже 6 лет подряд проводит учебные курсы на орочонском языке (в основном, это курс традиционной культуры). Ежегодно проводятся конкурсы по орочонскому языку, которые охватывают разные возрастные группы (молодежь, средневозрастную категорию и пожилых людей). В конкурсные задания входят следующие: рассказать орочонскую сказку на родном языке, поддержать разговор на орочонском языке (это соревнование разделяется по возрасту: младшие, средние и старшие); рассказать историю, ответить на вопросы. Кроме того, организуется творческое эстрадное представления «Мосукунь». Все эти меры направлены на сохранение орочонской речевой культуры и эффективно мотивируют орочонов к активному самостоятельному изучению родного языка.

Недавно Хань Юфэн и Мэн Шусянь провели предварительное исследование родственного орочонскому эвенкийского языка в России. Мы

побывали в Хабаровском крае, Советской Гавани, на Камчатке, в Амурской области, Якутии. У нас создалось впечатление, что эвенкийский и орочонский языки похожи и оба находятся на грани исчезновения. Нам удалось получить немало полезной информации. Мы увидели, что и в России эффективно проводится работа по сохранению национальной речевой культуры эвенков. Правительство России на всех уровнях обращает большое внимание на то, чтобы в местах компактного проживания эвенков обучение осуществлялось на двух языках – русском и эвенкийском. Имеются учебники по развитию речевых навыков, созданные самими эвенками. Проведённая работа привела, на наш взгляд, к хорошим результатам.

8. Выводы

Проведённое исследование позволило прийти к следующим выводам.

1. Сохранение языка напрямую связано с количеством населения и его плотностью. Достаточная плотность населения – основное условие для успешного сохранения языка. Имеется разница по частотности использования родного языка в местах, где орочоны «разбросаны» и смешаны с другими национальностями Китая, и в местах компактного проживания орочонов. Поэтому необходимо создавать условия для повышения компактности орочонского населения.

2. Сохранение и развитие языка также связанны с традиционным образом жизни народа. Поэтому следует всячески развивать традиционный вид экономической деятельности орочонов – охоту. В истории орочонов охота является главным видом деятельности – с ней тесно связано возникновение традиционной речевой культуры и её развитие. Потерять традиционный образ жизни означает потерять традиционную культуру, поэтому сохранение традиционного производства, связанного с охотой, помогает сохранить национальную речевую культуру.

3. Сохранение и развитие языка связаны с семейным укладом. В семье должны активно поощрять и поддерживать изучение родного языка. У орочонов принята экзогамия, построение брачных уз и семейные отношения подчиняются строгим правилам. Поскольку население малочисленно, для того, чтобы обеспечить здоровье населения и повысить уровень воспитания детей, всячески поощряются браки с другими народами – так возникает много межнациональных семей. Такая межнациональность создает объективные предпосылки для изменения статуса орочонского языка, который перестаёт быть основным в семье и быстро регрессирует, поскольку теряется основная среда для его сохранения. Брак в жизни взрослых людей имеет очень важное значение. Выбирать межнациональный брак часто означает, что одна сторона должна принять язык и культуру другой стороны, ущемив при этом свой родной язык и свою культуру. Поэтому необходимо мотивировать такие семьи уважать языки и культуры обоих супругов и использовать их в равной степени. Такие меры помогут сохранить исчезающий орочонский язык.

4. Правительство Китайской Народной Республики должно проводить соответствующую политику и продолжать предпринимать активные шаги для сохранения языков всех малых народов, проживающих на территории данной страны.

5. Широкое сотрудничество с Россией в сфере исследования эвенкийского и орочонского языков, совместное обсуждение мер по сохранению этих языков и культур и обмен опытом будут способствовать достижению поставленной цели.

Список литературы

1. 胡增益《鄂伦春语研究》民族出版社 2001年 [Ху Цзэни. Исследование орочонского языка [Текст] / Ху Цзэни. – Изд-во Миньцзу, 2001. С. 293].
2. 丁石庆《内蒙古 “四小民族 ” 母语保持现状综析》 [Дин Шицин. Общий анализ текущей ситуации сохранения родного языка «четырёх малых народов» Внутренней Монголии [Электронный ресурс] / Дин Шицин. – Режим доступа : http://old.elc.gov.cn/zjelc5/html/3584.html].
3. 何清花、莫日根布库《鄂伦春语释译》紫禁城出版社 2011年，序五朝克 [Хэ Цинхуа. Разъяснение орочонского языка [Текст] / Хэ Цинхуа, Можигэнбуку. – Изд-во Цзиньцзычэн, 2011].
4. 韩有峰孟淑贤《中国鄂伦春语方言研究》日本国立民族学博物馆 2014 [Хань Юфэн. Исследование диалектов орочонского языка в Китае [Текст] / Хань Юфэн, Мэн Шусянь. – Японский государственный музей этнологии, 2014].

References

1. 胡增益《鄂伦春语研究》民族出版社 2001年 [Hu Zengyi, Meng Shuxian. (2001). *Studies in the Orochon Language*. – Minzu Press].
2. 丁石庆《内蒙古 “四小民族 ” 母语保持现状综析》 [Ding Shiqing. *General analysis of the current situation with preserving the native language of «The four minorities» of the Inner Mongolia*]. Retrieved from <http://old.elc.gov.cn/zjelc5/html/3584.html>.
3. 何清花、莫日根布库《鄂伦春语释译》紫禁城出版社 2011年，序五朝克 [He Qinghua, Morigenbuku. (2011). *Explaining the Orochon Language*. – Zijincheng Press].
4. 韩有峰孟淑贤《中国鄂伦春语方言研究》日本国立民族学博物馆 2014 [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2014). *Studies in the dialects of the Orochon language*. Japanese State Museum of Ethnology].

UDC 81’34; 81’42
УДК 81’34; 81’42

Elena G. Musaeva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
Мусаева Елена Георгиевна
Амурский Государственный Университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
e-mail: blagmeg@yandex.ru

PHONETIC MEANS TO INFLUENCE THE LISTENER USED IN BRITISH PUBLIC SPEECH
ЗВУКОВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В БРИТАНСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Abstract
The paper deals with the issue of influencing the listener when delivering public speech. Special attention is paid to the phonetic means of affecting the public used in British political discourse. Also the problem of meaning-sound correlation of lexical units is touched upon. The phonetic experiment of British political discourse revealed the phonaesthetic characteristics of lexical units and helped compile the matrix of phonaesthetic syllabic and segmental features of this type of discourse.

Аннотация
Статья посвящена проблемам речевого воздействия в британской политической речи и его реализации на фонетическом уровне. Рассматривается вопрос о соотнесении значения и звуковой оболочки лексических единиц. По результатам проведённого экспериментально-фонетического исследования выявлены и проанализированы фоноэстетические критерии слов в британском политическом дискурсе, также составлена матрица фоноэстетически привлекательных слоговых и сегментных маркеров данного типа дискурса.

Keywords: oral speech, public speech, British political discourse, phonaesthetics, segmental features of discourse.

Ключевые слова: устная речь, публичная речь, британский политический дискурс, фоноэстетика, сегментные характеристики дискурса.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_87_97

1. Introduction

One of the potent means of social power is undoubtedly the language. All the global languages act as tools to coordinate combined human activity. In this way any speech act is a peculiar form to influence its recipient. There are some fields of activity where speech effect is practiced most often and plays a very

important role. One of them is politics. Communication in this area is generally implemented within the political institutions and is characterized by certain social rules, rituals, as well as formulas and standards related to language and speech.

The major function of political communication, as well as any kind of speech activity is to influence, to make an impact. Speech effect involves changing the behavior of the recipient, his emotional state, views or attitudes. Speech is a means to achieve any non speech aims such as persuading recipients in performing certain actions or changing their political views [Плахотная, 2011, p. 123]. Thus, the purpose of speech effect in political discourse is a certain organization of recipients' activity which may result in a change of political views.

To fulfill all the tasks of influence and related communicative effect there is a wide range of means – linguistic and extralinguistic. The major, well-studied mechanisms of influence are abundant. These factors are able to impact the shaping of values, attitudes, motivation to take action. For example, the speaker's sex, the timbre of his / her voice, speaking rate, the color of clothing or the surrounding interior; age, social status, image; corporate characteristics (reputation, reliability, etc.) [Чернявская, 2006, p. 17].

Among the important linguistic levels that help politicians in reaching their communicative aims are rhetoric, stylistic, lexical, semantic, and of course phonetic including both prosodic and segmental ones.

Verbal effect takes place with the direct participation of linguistic units, that have the potential pragmatic sense. All the language levels, either individually or combined, have a high potential to identify different meanings and bring them to the forefront.

Concerning lexical-semantic and grammatical levels, it is worth mentioning those units with positive connotation or evaluation in their semantics: e.g, *progress, democracy, tolerance, liberty; remarkable, common, unifying, effectively,* etc. Intensification of positive meaning is promoted by adverbs, adjectives, and emphatic constructions: e.g. *fairly, even-handedly, much, key, surest, far beyond, what is more,* etc. [Филатова, 2004, p. 44].

In the speech of politicians the impact function is also realized by a mix of functional styles, when, for example, the elements of conversational style are inserted into political style. Introducing conversational formulas into public speech reaches a rhetoric purpose to create the impression of more casual speech, and thus, enables the speaker to get closer to the mass audience, to build trust and credibility. Moreover, this conversational element is almost always well-thought-out, deliberate and intended [Филатова, 2004, p. 44].

Political speech is almost always of public nature. Public speech requires certain training effort and preliminary planning that is originally performed in writing form. Effective political speech in public is unimaginable without a prepared text including both general features and details. There is a complex combination of verbal and nonverbal means. The speaker finalizes the speech only when he / she pronounces it. Political speech demands expressiveness, audibility, clarity, focus, and more importantly, compliance with the standard language [Мельникова, 1999, p. 59].

Sometimes while planning a speech politicians and speechwriters address the means of sound symbolism and phonaesthetics to make their statements more expressive and pleasant-sounding [Мельникова, 1999, p. 59].

Particular sounds can correlate with a specific emotional value. Excessive use of some sounds make them shape stable association with a particular emotional aspect – this is what is called sound symbolism. Words with «soft» sounds such as lateral approximant /l/, nasals /m/ and /n/ and long vowels or diphthongs, reinforced by a gentle polysyllabic rhythm, are interpreted as «nicer» than words with hard sounds such as velar plosives /g/ and /k/, short vowels and an abrupt rhythm. Words beginning with fl-, such as *fly, flee, flow, flimsy, flicker,* and *fluid*, are often suggestive of lightness and quickness. There are also many words in English that begin with gl- and refer to brightness (such as *gleam, glisten, glory, glint, and glitter*) [Crystal, 2009].

The expressive properties of sound are studied by phonaesthetics. It is a subject that is still in its infancy, but its potential for explaining what we feel about words is enormous. What makes words sound pleasant? Is there anything about their phonetics that makes them so attractive? Which sound do listeners like most?

Thereupon a very interesting research dealing with phonaesthetic properties of words and sounds was carried out by professor David Crystal. Having analyzed the distribution of sounds in different words that had been considered pleasant / unpleasant-sounding in the course of preliminary selection professor D. Crystal presented the list of vowels and consonants and the frequency of their occurrence. This profile enables the analyst to see at a glance which sounds are used, and how often, and which sounds are not used at all [Crystal, 1995].

The consonants clearly divide into 2 types (see Tables 1, 2 in the Appendix): high frequency and low frequency ones. Just 8 items account for 73% of all consonants: /l/ is top, with 59 instances, followed by /m/ (40), /s/ (35), /n/ (33), /r/ (29), /k/ (28), /t/ (26) and /d/ (24).

Of the 172 vowels, the unstressed vowel /ə/ is commonest (61), showing that words of more than one syllable are preferred. Of the 114 words, only 25 are monosyllabic, in fact; the largest category (45) are the words of three or more syllables. Of these, 29 (65%) have the primary stress on the first syllable.

Thus, according to prof. D. Crystal [Crystal, 2007, p. 169] it would seem that a word that has the following characteristics is likely to be perceived as beautiful (see Appendix, Table 3):

1) it contains at least one lateral approximant (/l/);
2) it contains a nasal sound, especially /m/;
3) it contains other inherently long sounds, such as /r/ and /s/, and sometimes /k/, /t/, /d/.
4) it consists of 2 or 3 syllables (3+ syllable pattern is more preferable);
5) the vowels and consonants vary from syllable to syllable, as in melody;
6) it has the first stressed syllable;
7) it has 3 or more different manners of articulation.

2. Material and methods

2.1. Current study

The current study attempts to define pleasant-sounding words and sounds in the speech of British politicians, to jot down the sound effects that strike a listener as being particularly important and influential following prof. D. Crystal's matrix of criteria. The task is to notice which sounds and sound patterns are frequently used and whether their sound frames coincide with their meanings and speakers' messages.

2.2. Material and corpus

The speech samples present the official statements of British Prime Ministers Tony Blair and David Cameron. They were taken from the free website http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ and the official website of British government www.pm.gov.uk in mp3 format and then converted into wav format. The speeches of the Prime Ministers follow the pronunciation standard of British English and cover political topics. The total duration of audio speeches was 2 hours. The speeches were provided with scripts that were used to rank all the words there according to the frequency of their occurrence. 50 most frequent words (25 from each of the two speakers) were picked out, arranged alphabetically and recorded into text file (the words are listed in Table 4 in the Appendix). They were segmented using PRAAT [Boersma, Weenink, 2014] together with the neighboring words and recorded into wav files that formed the corpus for the perceptual study.

2.3. Subjects

10 subjects participated in the perceptual study. They were non-native English speakers (native language – Russian) with no linguistic training (5 males and 5 females), aged 20–43. All the subjects live in the Far East of Russia (8 in Blagoveshchensk, 1 male in Khabarovsk, 1 male in Vladivostok). 8 of them have university education, the other 2 were university undergraduates. Their level of English was evaluated as intermediary. None of them reported of any vision, speech or hearing disorders.

2.4. Procedure

Following the idea of professor D. Crystal on a certain phonaesthetic effect of words and sounds, the same experiment was carried out to identify whether this method works for political speeches. The list of 50 words (1 text file and 50 wav files) was given to the 10 subjects who were contacted either directly (face to face) or by e-mail. The subjects were informed in advance about the type of discourse they were going to deal with. The task was formulated in the following way: «Which of the 50 listed words seem to be phonetically attractive to you? Please follow the list in the text file and listen to the corresponding wav files to rank the words in the list 1–50, with 1 being the most attractive, 50 – the least attractive». No time limitation was given to the subjects while performing the task.

The total of 500 responses were obtained during the ranking task. The most phonetically attractive words (ranks 1–10) were picked out for further analysis following D. Crystal's method of defining phonaesthetic sounds.

3. Results and discussion

The top 10 were the following words (from the most frequent to the least frequent): *liberty, believe, values, alliance, nation, democracy, commitment, powerful, interdependence,* and *security* (see Table 5 in the Appendix).

The results of applying the matrix of 7 criteria (7 criteria across the top and candidate words down the side) enable to conclude that all the words have 2 or more syllables (4 words – 3 syllables, 3 words – 2 syllables, 2 words – 4 and 1 word – 5 syllables). As for the first syllable being stressed, only 4 words out of 10 had this characteristic. As far as the sound context, the total majority of words has at least one sound mentioned in the matrix: 9 nasals ([m], [n] – *nation, democracy, commitment, interdependence*); 5 lateral approximants ([l] – *liberty, believe, values, alliance, powerful*); 4 alveolar fricatives [s] (*alliance, democracy, security*) and 1 post-alveolar approximant [r] (*security*). The criterion of consonants and vowels variation from syllable to syllable is consistently observed. More than a half of the analyzed lexical units (6) use other high frequency consonants ([k], [t], [d], [s]). Only 3 words do not use the low frequency consonants (*alliance, democracy, commitment*). And 6 units out of 10 meet the 3+ different manner of articulation criterion (*believe, alliance, democracy, powerful, interdependence, security*).

The leader of the top 10 is the word democracy (6 out of 8 points) matching the majority of criteria, 3 words – *alliance, commitment, interdependence* score 5 out of 8. The sound of those units and their meaning complement each other to the best giving the listener not only phonaesthetic pleasure but the positive meaning as well.

On the other hand, several words in these listings have only 2 – *believe, values, nation*. These words identified by the respondents as phonaesthetically pleasant might have appeared in the list of the top 10 mainly because of their meaning rather than their phonetic shape.

4. Conclusion

An analysis of the most popular words does show some patterns, though there would certainly be differences between native English speakers and those who learn or speak it as a foreign language. In this type of analysis two kinds of criteria should not be mixed up: words that have beautiful sounds and words that have beautiful meanings. Using this approach, the list of phonetically pleasant or even «ugly» words that appear in different types of speech and discourse can be extended quite substantially. However, one should remember that it is impossible to separate sound and meaning totally. On the whole, certain pleasant-sounding words have positive meanings, or represent favored semantic domains and have the potential to influence listeners. Apparently, the sound component is of a great importance in public speech especially when it comes to politics. Awareness of

phonaesthetic properties of sounds and words can provide significant assistance to politicians in terms of speech writing and speaking on public.

References

1. Mel'nikova, S. V. (1999). *Delovaya ritorika (rechevaya kul'tura delovogo obshheniya)* [Business rhetorics (The culture of business communication)]. A handbook. Ulyanovsk : Ulyanovsk State Technical University Press.
2. Plakhotnaya, U. I. (2011). Rechevoe vozdejstvie v dialogicheskom politicheskom diskurse [Speech effect in political dialog discourse]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics], 4 (38), 121–124.
3. Filatova, E. A. (2004). *Leksiko-stilisticheskie i foneticheskie sredstva organizatsii ang-loyazychnogo politicheskogo diskursa: na materiale rechej britanskikh i amerikanskikh politikov* [Lexical, stylistic and phonetic means of arranging English political discourse (Based on speeches of British and American politicians)]. PhD in Philological sci. dis. Ivanovo : Ivanovo State University.
4. Chernyavskaya, V. E. (2006). *Diskurs vlasti i vlast' diskursa* [The discourse of power and the power of discourse]. Moscow : Flinta ; Nauka.
5. Boersma, P., Weenink, D. (2014). *Praat: Doing phonetics by computer* (Version 5.4.15) [Computer Program]. Retrieved from <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>.
6. Crystal, D. (1995). Phonaesthetically speaking. *English Today 42*, 11 (2), 8–12.
7. Crystal, D. (2007). *Words, words, words*. Oxford University Press. 2007.
8. Crystal, D. (2009). The Ugliest Words. *The Guardian* [Electronic resource]. Retrieved February 19, 2013 from <http://ww.davidcrystal.com/DC_articles/English126.pdf>.

Список литературы

1. Мельникова, С. В. Деловая риторика (речевая культура делового общения) : учеб. пособие [Текст] / С. В. Мельникова. – Ульяновск : УлГТУ, 1999. – 106 с.
2. Плахотная, Ю. И. Речевое воздействие в диалогическом политическом дискурсе. [Текст] / Ю. И. Плахотная // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 121–124.
3. Филатова, Е. А. Лексико-стилистические и фонетические средства организации англоязычного политического дискурса: на материале речей британских и американских политиков [Текст] : дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Филатова Елена Анатольевна ; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2004. – 197 с.
4. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса [Текст] : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 136 с.
5. Boersma, P. Praat: Doing phonetics by computer (Version 5.4.15) [Computer Program] / P. Boersma, D. Weenink. – 2014. – Retrieved from <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>.
6. Crystal, D. Phonaesthetically speaking [Text] / D. Crystal // English Today 42. – 1995. – Vol. 11. – N 2. – P. 8–12.
7. Crystal, D. Words, words, words [Text] / D. Crystal. – Oxford University Press, 2007. – 216 p.
8. Crystal, D. The Ugliest Words [Electronic resource] / D. Crystal // The Guardian. – 2009. – URL: http://ww.davidcrystal.com/DC_articles/English126.pdf (Retrieved 19.02.2013).

APPENDIX

Table 1. **Distribution of consonants in phonaesthetic words**

Phonaesthetic words	N / % of all segments (625)	% of all consonants (377)
l	59/9.44	15.65
m	40/6	10.61
s	35/40	9.28
n	33/5.60	8.75
r	29/5.28	7.69
k	28/4.64	7.43
t	26/4.16	6.90
d	24/3.84	6.37
f	12/1.92	3.18
b	11/1.76	2.92
p	10/1.60	2.65
v	8/1.28	2.12
ŋ	8/1.28	2.12
w	8/1.28	2.12
g	7/1.12	1.86
z	7/1.12	1.86
ʃ	7/1.12	1.86
h	6/0.96	1.59
ʧ	5/0.80	1.33
ʤ	5/0.80	1.33
j	5/0.80	1.33
θ	3/0.48	0.80
ʒ	1/0.16	0.26
ð	0	0

T a b l e 2. **Distribution of vowels in phonaesthetic words**

Phonaesthetic words	**N/% of all segments (625)**	**% of all vowels (248)**
ə	61/9.76	24.60
ɪ	49/7.84	19.76
æ	24/3.84	9.68
e	14/2.24	5.65
iː	14/2.24	5.65
aɪ	13/2.08	5.24
əʊ	13/2.08	5.24
ʌ	12/1.92	4.84
ɒ	10/1.60	4.03
eɪ	8/1.28	3.23
uː	7/1.12	2.82
ɔː	7/1.12	2.82
aː	7/1.12	2.82
ɜː	4/0.64	1.61
ɪə	2/0.32	0.81
aɪə	1/0.16	0.40
aʊ	1/0.16	0.40
ʊə	1/0.16	0.40

T a b l e 3. **Matrix of criteria (D.Crystal)**

	3+ sylls	Stress on the 1st syll	Uses /m/	Uses /l/	Uses of other high freq Cs	No use of low freq Cs	3+ diff manner of artic	Only short Vs	Front> Centre/ Back	Low> Mid/ High
Tremulous	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Alyssum	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
Alumnus	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+
Ramelon	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Drematol	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Pimlico	+	+	+	+	+	-	+	-	+	-
Wapping	-	+	-	-	-	-	+	+	-	+
Phlegmatic	+	-	+	+	+	-	+	+	+	-
Flatulent	+	+	-	+	+	-	+	+	-	-
Gripe	-	n.a.	-	-	+	-	-	-	n.a.	n.a.
Jazz	-	n.a.	-	-	-	-	-	+	n.a.	n.a.
Tart	-	n.a.	-	-	+	+	-	-	n.a.	n.a.
Zoo	-	n.a.	-	-	-	-	-	-	n.a.	n.a.
n.a.= not applicable										

T a b l e 4. **Ranking task**

Rank (1-50)	**Word**	**Rank (1-50)**	**Word**
	Achieve		Incredible
	Agenda		Interdependence
	Agreement		International
	Alliance		Issue
	Believe		Justice
	Catastrophe		Liberty
	Celebration		Military
	Challenges		Modern
	Change		Nation
	Common		Partners
	Commitment		Poverty
	Community		Powerful
	Considerable		Priorities
	Control		Progress
	Courage		Prosperity
	Crisis		Remarkable
	Danger		Security
	Democracy		Strategy
	Development		Struggle
	Effective		Territory
	Fight		Terrorism
	Freedom		Tolerance
	Global		Unifying
	Government		Unite
	Guarantee		Values

T a b l e 5. **A matrix of criteria (current study)**

	3+ syllables	Stress on the 1st syllable	Uses [m]/[n]	Uses [l]	Use of other high frequency Cs ([r], [s]; [k], [t], [d])	No use of low frequency Cs	3+ different manner of articulation	Only short vowels	Total
Liberty	-	+	-	+	+	-	-	+	4
Believe	-	-	-	+	-	-	+	-	2
Values	-	+	-	+	-	-	-	-	2
Alliance	+	-	-	+	+	+	+	-	5
Nation	-	+	+	-	-	-	-	-	2
Democracy	+	-	+	-	+	+	+	+	**6**
Commitment	+	-	+	-	+	+	-	+	5
Powerful	+	+	-	+	-	-	+	-	4
Interdepen-dence	+	-	+	-	+	-	+	+	5
Security	+	-	-	-	+	-	+	-	3

УДК 81'27
UDC 81'27

Наумов Владимир Викторович
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Vladimir V. Naumov
St Petersburg State Polytechnic University
St Petersburg, Russian Federation
e-mail: vladimir_naumov@mail.ru

ЧУВСТВО ЮМОРА В ВЕРБАЛЬНОМ И ПАРАЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ
SENSE OF HUMOR MANIFESTATION: VERBAL AND PARAVERBAL MEANS

Аннотация
В статье анализируются вербальные и параязыковые средства выражения чувства юмора в диахроническом аспекте. Полученные результаты дают возможность утверждать, что, отсутствие чувства юмора в средневековую эпоху связано с характерными для того времени близостью формы и содержания языкового знака и высоким уровнем стереотипизации мышления. Рассматриваются внешние и внутренние факторы появления и реализации чувства юмора в различных лингвокультурах. Показаны разные градации и формы чувства юмора. Анализируются параязыковые средства выражения чувства юмора в разных лингвокультурах. Подчёркивается прескриптивность социальных и этнических правил речевого и параязыкового поведения носителей языка.

Abstract
The paper reports on the analysis of the evolution of verbal and paraverbal means of expressing the sense of humor. The results indicate that the absence of the sense of humor in medieval times can be explained by the symmetry of form and meaning of the linguistic sign and high degree of mentality stereotypization. The article views internal and external factors of the sense of humor emerging and its manifestation in different lingual cultures. It is shown that it has different gradations and forms. Paraverbal means of expressing the sense of humor in different lingual cultures are analyzed. It is stressed that social and ethnic rules of speech and paraverbal behavior prescribe certain reactions of the interlocutor.

Ключевые слова: чувство юмора, вербальные и параязыковые средства, языковой знак, социология языка, норма, система, речевая деятельность.

Keywords: sense of humor, verbal and paraverbal means, linguistic sign, language sociology, standard, system, speech activity.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_98_105

1. Введение

Чувство юмора в процессе эволюции homo sapiens занимает особое место. В социо- и психолингвистических исследованиях, имеющих отношение к заявленной проблеме, в основном констатируется факт той или иной степени участия чувства юмора и форм его проявления в национальной лингвоментальности. Диахронический аспект анализа до сих пор не привлекал внимание специалистов. Попытаемся восполнить этот пробел и представить читателю динамику становления чувства юмора на материале анализа некоторых лингвокультур.

2. Стереотипность мышления как основа семиотики

Созидательное начало трудовой деятельности первобытных людей способствовало развитию мышления, стимулировало необходимость создания первых коммуникационных систем, позволявших кодировать и передавать простейшую, но жизненно важную информацию. Сначала параязык, затем первые звуковые сигналы сопутствовали поступательной социализации homo sapiens, его движения вверх по эволюционной лестнице. Чувственная основа бытия на протяжении нескольких тысячелетий определяла виды и формы человеческой деятельности посредством первой сигнальной системы. Языковой знак ещё не обладал такой характеристикой, как ассиметричность, присущей абстрактному мышлению, способности человека взаимодействовать с себе подобными особями посредством выбора вербальных средств. Паратаксис с его скудным семиотическим инвентарем, исчерпывающимся знаками – индексами и знаками – копиями (иконами) и присущей им относительной близостью означаемого и означающего, соответствовал чувственному восприятию окружающего мира средневековым человеком.

Высокий уровень стереотипизации мышления людей того времени обусловливал доминирование относительно простых схем человеческого речевого поведения, укладывающихся в рамки бихевиористского представления о механизме взаимодействия индивида с окружающей средой. Поведенческие инстинкты вырабатывали соответствующие формы социализации, не допускавшие существенных индивидуальных отступлений от принятых обществом стандартов. Речевые образцы следовали за мыслительными клише, определявшими инвентарь синтагматических и парадигматических единиц языка. Синонимические и антонимические ряды европейских языков, по данным исследователей этого периода, обладали сравнительно скудной наполняемостью. Синтаксис был представлен в основном простыми и сложносочиненными предложениями с союзами «и», «а», «но».

Одной из иллюстраций данного факта может послужить диахронический срез формирования немецкого национального литературного языка. Тексты 12–13 веков Хайнриха фон Морунгена (H. von Morungen), Фридриха фон Хаузена (F. von Hausen), Хартмана фон Ауэ (H. von Aue), первые тексты Священного Писания в переводах М. Лютера, представляли ра-

курсное видение окружающей действительности средневековым человеком. Сохранившиеся произведения художественной литературы средне-верхненемецкого периода (сказки братьев Гримм, Песнь о Нибелунгах, сказки В. Гауфа.) также свидетельствуют о том, что в то время люди не владели законами перспективы, предполагающими возможность хронологической совместимости событий, их представления в парадигме. Именно этими обстоятельствами можно объяснить многочисленные примеры из сохранившихся литературных источников тех лет, в которых внешность героя напрямую коррелировала с его личностными характеристиками: хороший человек – красавец с нормативным дискурсом, плохой – урод с корявой непрезентабельной речью.

Первыми европейскими писателями, разрушившими этот стереотип сопряженности формы и содержания, были Ч. Диккенс и В. Гюго. Горбун Квазимодо (В. Гюго), Крошка Цахес и Карлик Нос (В. Гауф), Сирано де Бержерак (Э. Ростан) обладали притягательными личностными качествами, свидетельствующими о сдвиге приоритетов в оценке человека от формы к содержанию. Менялась и семиотическая структура языка. Знаки – символы как проявление чистой условности – появились тогда, когда имеющийся потенциал языковых средств перестал удовлетворять мышление людей, не ощущавших в сугубо прагматичное время феодализма потребности в абстрактном мышлении. Асимметрия языкового знака, в свою очередь, порождала новые формы материализации мысли, стимулировала появление разных способов выражения сходных или одних и тех же значений, и, как следствие, возможность варьирования чувственного и вербального поведения человека, выбора той или иной формы выражения отношения к окружающему миру. Базисные (антропологические, ментальные, интеллектуальные, культурные) характеристики европейских этносов сформировались ко второй фазе средневековья (11–14 в.в.).

3. Чувство юмора: генезис

Чувство юмора следует, вероятно, относить к надстроечным категориям homo sapiens как высшего социального представителя земной фауны. Более или менее точной датой рождения европейского чувства юмора можно считать период позднего средневековья (14–16 в.в). Именно в это время сознанием человека начинает руководить вторая сигнальная система, изменившая так называемое «формульное мышление» с клишированной речью на более сложный в линейном и структурном отношениях речевой дискурс. Эстетика чувств постепенно выходила из плоскостного пространства с бинарной шкалой измерения. По данным А. С. Либермана [Либерман, 2016], средневековому человеку было не присуще чувство юмора, хотя смех, улыбка, как таковые, имели место. Но они были адекватными реакциями на такие стимулы, которые невозможны или крайне редки сейчас. Смеялись акушерки (имитация смеха) во время родов, дабы отвлечь роженицу от физических страданий, смеялись над упавшим во время ходьбы человеком, смеялись на похоронах, демонстрируя превос-

ходство жизни над смертью. То есть, поводом для смеха было то, что не соответствовало действующим в то время нормам поведения и чувственного восприятия окружающего мира. Единственное, пожалуй, что было ещё недоступно средневековому человеку, это способность реагировать смехом на слово. С большой степенью уверенности можно предположить, что анекдоты средневековые люди друг другу не рассказывали. Остроумие, как одна из форм материализации интеллекта посредством второй сигнальной системы, пришло позже. Но данный факт ни в коей мере не делает языковой код средневековья ущербным или менее функциональным, чем современный язык. У Э. Сепира есть на этот счет весьма красочное сравнение: «Когда дело доходит до языковых форм, Платон идет рука об руку с македонским свинопасом, а Конфуций с дикарем и охотником за головами из Ассама» (цит. по: [Пинкер, 1994, с. 18]). Остроумие и сейчас далеко не всегда находит своё выражение в смехе, хотя в большинстве случаев вызывает улыбку или один из аналогов этой реакции в виде сокращения определённых мышц лица (гримаса, ухмылка и т. п.), свидетельствующих о том, что вербальный посыл достиг адресата, и теперь следует ожидать ту или иную реакцию. Выбор формы и средств ответной реакции собеседника в равной степени зависит и от отношения социума к языку в целом, и от личностных качеств его носителя. Известны экзотические лингвокультуры (Южная Америка), в которых чувство юмора отсутствует вообще. Объяснить это можно, на наш взгляд, двумя причинами: 1) недостаточно развитым абстрактным мышлением вследствие стабильно примитивных условий бытия; 2) самим отношением к языку, социально закреплёнными нормами взаимодействия с ним, отсутствием каких-либо вариантных проявлений в речевом поведении. Ещё одним общим условием проявления чувства юмора является та или иная степень словоохотливости социума (индивида). Фатичность можно считать основным механизмом функционального разнообразия узуса, порождающего двойственность языковой системы и вариантность нормы. Для носителя русского языка, например, сам факт общения является самоценным. Предмет и цель коммуникации вторичны. При этом народная мудрость периодически порождает фразеологизмы, призывающие к ограничению словоохотливости русскоязычного социума: «Молчание – золото», «Молчи, дурак, за умного сойдешь», «Слово – не воробей, вылетит, не поймаешь» и так далее. Приведём другой пример. Американский исследователь Д. Хаймс описывает коммуникативное поведение индейцев, носителей чинукского языка, социальные нормы которого предписывают ожидание нежелательных последствий от неосторожного употребления языка. У Хаймса это называется «серьёзным отношением к языку» (цит. по [Швейцер, 1976, с. 30]). Шутки-прибаутки вследствие их потенциальной амбивалентности там вряд ли возможны. Но и возможности рекурсии языковой системы, стимулирующей её развитие, крайне ограничены, поскольку потребности в коммуникации исчерпываются имеющимся инвентарем языковых знаков. Вероятно, многим известна скандальная история с языком патриархального племени «пираха» в Бразилии и неуклюжей попыткой американского миссионера Дж. Эверетта,

прожившего с индейцами этого племени более 20 лет, опровергнуть теорию генеративной грамматики Н. Хомского. Именно дискретная комбинаторика языковых единиц является основой конформности дискурса и способности человека, в отличие от животных, вуализировать посредством языка свои чувства (см. подр. мою статью «Язык чувств (из жизни животных и людей)» [Наумов, 2015]).

Противостояние добра и зла находит своё выражение во всех без исключения лингволультурах. Душам положительных героев, присущи чистые помыслы, им не нужно вуализировать свои чувства и намерения. Поэтому их вербализация, как правило, однозначна, прямолинейна и эксплицитна. Инвентарь языковых средств, используемых для признания в любви, например, ограничивается 3–5 лексемами, а выражение таких чувств, как неприязнь, зависть, ненависть может иметь в своём арсенале несравненно больший объём вербальных и параязыковых средств, используемых для реализации коммуникативной задачи и создания соответствующего текста, способного привести его автора к цели.

Чувство юмора следует считать одним из имплицитных средств дискурса, которое может участвовать в реализации любой коммуникативной задачи. Остроумие обеспечивает говорящего арсеналом точных и действенных мер, нередко замещающих нейтральные, семантически избыточные структуры, которые отягощают коммуникативную тактику и размывают пресуппозицию высказывания. Выбор соответствующих языковых структур, используемых говорящим, определяется коммуникативной ситуацией, уровнем интеллекта и образования говорящего, другими экстралингвистическими факторами, сопутствующими речевой деятельности.

Следует подчеркнуть, что любые вербальные проявления чувства юмора (остроумия) в речи это всегда п р о в о к а ц и я, поскольку один из участников коммуникации оказывается перед выбором той или иной реакции на стимул. Возможны несколько вариантов развития событий: а) реакция соответствует речевому ожиданию партнёра; б) реакция не адекватна стимулу; в) реакция, по тем или иным причинам, не имеет вербального выражения, но обозначена посредством параязыка. Все три исхода предполагают предварительную «вкусовую» оценку стимула, имеющего, как правило, имплицитное содержание (импликатуру) или соответствующую трактовку жестов, мимического движения губ, глаз и так далее. Следовательно, распознавание вербальных и невербальных средств чувства юмора в большинстве случаев сопряжено с двойственностью между значимостью и значением, с одной стороны, и неоднозначной интерпретацией кинетических движений, с другой.

Наиболее распространённым маркером успешной идентификации остроумного посыла, как уже отмечалось, является улыбка или смех. В каждой лингвокультуре существуют свои нормы восприятия чувства юмора. Не менее значимы индивидуальные формы реакции. То, что вызывает смех у одного, может не вызвать даже улыбки у другого индивида. И данный факт вовсе не свидетельствует о наличии (отсутствии) чувства юмора, скорее он показывает способность индивида к вуализации своей

внешней реакции по тем или иным причинам. Например, неприязненные отношения к собеседнику могут стать поводом для сдержанной или вовсе непроницаемой позиции собеседника. Вторая причина отсутствия ожидаемой реакции может быть обусловлена разными нормативными установками речевого этикета, имеющего национальные, индивидуальные, возрастные и гендерные отличия. В этом случае приходится, в частности, говорить о том, что чувство юмора и остроумие, как способ его реализации, могут иметь градуальную шкалу измерения, соответствующую разным уровням развития интеллекта социума. Отсюда такие характеристики юмора, как «тонкий», «плоский», «топорный». Другая плоскость градаций обусловлена нравственными параметрами собеседников. Юмор может быть «добродушным», «циничным», «ядовитым», «чёрным». Так или иначе, все перечисленные формы проявления чувства юмора обычно сопровождаются параязыковыми знаками, призванными усилить интенциональный эффект, вызвать у собеседника (аудитории) ожидаемую реакцию.

Любая национальная параязыковая система по своему функционалу, диапазону вариантности невербальных средств, их комбинаторике уступает звуковому языку. Именно поэтому выбор того или иного параязыкового знака должен быть максимально точным, рассчитанным на его однозначную интерпретацию партнером (-ми) по коммуникации. Однако рациональное начало параязыка нередко «разжижается» его эмотивной составляющей, также характеризующейся различной интенсивностью в национальных лингвокультурах. Для носителей русского языка, например, типичен повышенный уровень эмоциональности, что обусловило формирование разветвленной системы параязыковых средств и их вербальных коррелятов. Иллюстрацией данного свойства может послужить самый длинный лексический ряд русского языка, отражающий такое явление параязыка, как улыбка, имеющей во всех лингвокультурах общий биологический коррелят – сокращение соответствующих мышц лица. Однако единый план выражения имеет множество значений и различную интерпретацию у представителей разных наций. Японская улыбка «miko niko», например, имеет охранную функцию и не всегда является самопроизвольным выражением удовольствия или маркером симпатии к партнеру по коммуникации. Она подчинена нормам японского национального этикета. Детей в Японии учат улыбаться как некой социальной обязанности. Miko niko составляет основу национальной японской ментальности, она оберегает собеседника от всякого рода неадекватных реакций в процессе коммуникации. Экстравертная сущность японской улыбки может быть противопоставлена её американскому аналогу, имеющему другой план содержания. Улыбка-маска, как демонстрация социального статуса, душевного и материального благосостояния. Улыбка-маска, с которой американцы, не расстаются ни при каких обстоятельствах. Маска, которая позволяет вуализировать своё ego.

Но длительное сокрытие чувств никогда не проходит бесследно для огранизма. Если отрицательная психическая энергия не находит выхода, того или иного способа материализации, она разрушает человека изнутри.

Другое дело, когда демонстрация чувства представляет собой некий ритуал, сложившийся в социуме веками и представляющий собой неписанные правила поведения. В европейской и американской культурах, например, во время брачной церемонии молодожёнам принято улыбаться, выглядеть счастливыми. Корейским брачующимся парам улыбаться не положено. Согласно народной примете, если невеста улыбается, то первой у неё родится девочка, что в корейском этносе считается нежелательным явлением. Таким образом, улыбка – это, прежде всего, маркер эмоционального состояния человека. Сокращение мышц губ и щёк без соответствующего выражения глаз может означать механическую (кинесическую) реакцию на реплику собеседника, возможно ожидающего реализацию именно такого параязыкового средства.

Следует, однако, иметь в виду, что социальные и этнические правила речевого и параязыкового поведения представляют собой прескрептивную норму, предписывающую ту или иную реакцию среднестатистического представителя социума, носителя национальной лингвокультуры, но не принуждающую его к единственно возможной реакции. Единообразие кода, используемого языковым коллективом, даже в первом приближении, оказывается фикцией. Социолекты, диалекты, сексолекты, идиомы, говоры, наречия, койне представляют неполный перечень способов реализации языковой и паравербальной систем национального языка. И в каждом из перечисленных субкодов существуют свои дескриптивные нормы поведения, определяемые речевой деятельностью каждого индивида в отдельности и всей совокупностью представителей субкода. Так реализуется механизм взаимодействия общего и единичного, порождающего всё новые формы речевых и параязыковых реакций, опосредованных чувством юмора.

4. Выводы

1. В средневековье языковой знак не обладал асимметричностью вследствие стереотипности человеческого мышления, однако, это не делало языковой код того времени ущербным или менее функциональным, чем современный язык.

2. Появление чувства юмора обусловлено дестереотипизациией мышления, появлением второй сигнальной системы, абстрактного мышления и, как следствие, изменением семиотической структуры языка.

3. В настоящее время не все лингвокультуры обладают чувством юмора. Выбор формы и средств вербальной подачи чувства юмора и ответной реакции собеседника в равной степени зависит от отношения социума к языку в целом и от личностных качеств его носителя. Идиоматика рассматривается как основной способ национального проявления чувства юмора.

4. Чувство юмора обычно сопровождается параязыковыми явлениями, прежде всего, улыбкой и смехом, выполняющими в разных лингвокультурах соответствующие функции.

Список литературы

1. Либерман, А. С. Средневековый человек и мы [видеозапись доклада]. – Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 19 мая 2016 г. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=C-mulLjT2SA .
2. Наумов, В. В. Язык чувств (из жизни животных и людей) [Текст] / В. В. Наумов // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 71–84.
3. Пинкер, С. Язык как инстинкт [Текст] / С. Пинкер / пер. с англ. Е. В. Кайдаловой. – 3-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с. – [1-е изд. 1994].
4. Швейцер, А. Д. Современная социолингвистика [Текст] / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1976. – 174 с.

References

1. Liberman, A. S. (2016). *Srednevekovyj chelovek i my* [Medieval person and we] (video recording of the report made in Russian State University for the Humanities, May 19, 2016). Moscow. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=C-mulLjT2SA>
2. Naumov, V. V. (2015). Jazyk chuvstv (iz zhizni zhivotnyh i ljudej) [The language of feelings (from animal and people lives)]. *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (2), 71–84.
3. Pinker, S. (2013). *The language instinct*. 3d ed. Translated into Russian by E. V. Kaidalova. Moscow. (1st ed. 1994).
4. Shvejcer, A. D. (1976). *Sovremennaja sociolingvistika* [Modern sociolinguistics]. Moscow : Nauka.

UDC 81'33
УДК 81'33

Marina A. Pirogova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
Пирогова Марина Андреевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
e-mail: pirogova_marina@mail.ru

ESP COURSE DESIGN: EOP TOUR GUIDE
КУРС «АНГЛИЙСКИЙ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ»: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА «ТУРИЗМ»

Abstract
This paper examines the English language needs in an ESP course at Amur State University, Russia. The course designed was based on a Target Situation Analysis (TSA), Present Situation Analysis (PSA) and Context Analysis taking into accounts some basic concepts forwarded by Kay Westerfield and Jennifer Rice through online teacher training course with University of Oregon, Linguistics Department, American English Institute (UO AEI) «English for Specific purposes, Best Practices».
The author of the article completed the course administered by the United States Department of State, Bureau of Educational and Cultural Affairs. Final project «ESP Course Design: EOP Tour Guide» now is a part of the curriculum of the target professional group of students. Feedback from the ESP group (EOP: Tour Guide) indicated that the course content was tailored to suit their professional needs and wants and contributed to a positive EL experience for these learners who are adult students from a non-native English speaking background.

Аннотация
В статье анализируются цели языкового курса «Английский для специальных целей», разработанного сотрудниками Амурского государственного университета. Курс составлен на основе трех видов анализа: анализ цели (TSA), анализ ситуации (PSA), анализ условий для реализации курса (Context Analysis). Указанные виды анализа отражены в он-лайн курсе для преподавателей английского языка как иностранного, организованного факультетом лингвистики университета Орегона «English for Specific purposes, Best Practices». Авторами курса являются профессор Университета Орегона Кей Уестерфилд и Дженнифер Райс, координатор и инструктор курсов по методике преподавания английского языка как иностранного.
Автор статьи прошел обучение в рамках указанного курса, организованного Государственным Департаментом США (Бюро образовательных и культурных программ). Проект «ESP Course Design: EOP Tour Guide» в настоящий момент апробирован и используется в практике преподавания языковых дисциплин учебного плана студентов бакалавриата, обучающихся по направлению подготовки «Туризм». Результаты внедрения полученных в ходе работы над проектом результатов показывают, что содержание курса было спланировано, исходя из профессиональных потребностей студентов, что

положительно сказалось на изучении английского языка данной группой студентов, не являющихся носителями английского языка.

Keywords: ESP, EOP, Target Situation Analysis (TSA), Present Situation Analysis (PSA), Context Analysis.

Ключевые слова: английский для специальных целей, английский для профессиональных целей, анализ цели, анализ ситуации, анализ условий для реализации курса.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_106_114

1. Introduction

English for Specific Purposes (ESP) is a needs based concept to determine which language skills should be profitably developed for academic and professional success of students. It takes into account certain basic questions like: «who the learners are, what their linguistic background or level of competence is, what their view to language learning is, what their purpose and expectations are, what particular skill they will need in their actual, on- the-job situation etc.» [Singh, 2005].

The ESP approach provides opportunities to the learners to acquire English naturally, by working with language in a context that they comprehend and find interesting. However, designing an ESP course is always challenging for the instructor. There are several reasons for that. Firstly, designing a relevant ESP course is often seen as a short-range activity as most institutions provide very limited planning time before instructors teach courses. Secondly, some teachers' abilities to provide conducive, engaging and relevant lessons for their students are limited due to the lack of a professional (not in ELT!) background. Finally, the classroom environment sometimes doesn't meet the required standards (the lack of Internet access, etc.). What steps should be taken to overcome these problems in order to make an ESP course productive and beneficial for both the learners and instructors?

2. Issues in ESP Course design

Traditionally, any ESP Course is aimed at developing language skills of a particular group of learners. Obviously, an ESP course should be considered as something specific for a particular group of students for their future job environment – EOP (English for Occupational Purposes). A study conducted by Martinez indicates that most EOP programs incorporate basic job skills such as «…job search, interviewing, preparing resumes, letters and filling out work-related forms» [Martinez, 2001]. In EOP an instructor (teacher) is more interested in exposing the learners to workplace skills so that they will manage to succeed in that workplace.

The central issue of any ESP course is the starting point in materials and course design. This is important because practitioners have to be selective at specific content-based materials and in order to achieve their goal. A reliable

Needs analysis (NA, examining various forms of methods and teaching tools have to be identified to provide information about learners, educational environment, materials, etc. Course design refers to the planning and structuring of a course to achieve the needed goals. It includes the following elements: Target Situation Analysis (TSA), Present Situation Analysis (PSA), Context Analysis. Moreover the course designer's approach to syllabus and methodology is also an important part of the process. In this article the target group of learners the ESP Course was designed is EOP Tour Guide.

3. Procedures

The first step was the Target Situation Analysis (TSA). According to the definition provided by Kay Westerfield and her colleagues Target Situation Analysis (TSA) means «…what does the learner need to be able to do with the language in the future» [Friedenberg, Westerfield, 2003].

T a b l e 1. **Target Situation Analysis (TSA)**

Target Learner Goals: ***Now?*** to be able to tell the customer about the type of the holiday he (she) has chosen to be able to give suggestions about different types of tours and be good at describing places (preferred destinations) to be good at giving directions (speaking skills) to respond appropriately to travelers' complaints to make an effective oral presentation about the sights (touring a city (place) ***In the near future (delayed needs)?*** being aware of culture clash (knowing the culture of the country he (she) is working inside out) so that he (she) will give the instructions about how to behave in another country	**Sources of Information:** 1. Focus Group (four-year-students/seniors) who have gained some professional experience through internships (experience related to one of their majors (English for Tourism)). 2. Employers (Travel Agencies). 1. Content experts (people working in the field, who are familiar with the tasks the learners need to perform).
Information still needed: Communication Activities and related «micro functions» [Munby, 1998] Language forms appropriate in the field (linguistic context). That might depend on whether a Tour Guide works in his (her) own country or abroad.	**Sources of Information?** ESP Textbooks. Informal consultations with sponsors, learners.

Through the Present Situation Analysis (PSA) we described the group of potential learners. What are the language strengths and weaknesses of a target group? What is their language experience? In other word PSA is «what can the learner do with the language now» [Friedenberg, Westerfield, 2003].

T a b l e 2. **Present Situation Analysis (PSA)**

1. What is their current level of English? (Reading, Writing, Listening, Speaking) pre-intermediate level of English past language learning experience differs	**Sources of Information:** 1. Needs Assessment: EAP Learner Sample Questionnaire. 2. Incoming tests to estimate the current level of language. 3. Sample written or oral texts relevant to the field[1]
2. What is their current level of knowledge about the content area? absence of language practice in professional field their objective is to become proficient in «English for Tourism» to get a good job position	**Sources of Information:** 1. The current target learners.
3. What are their "wants" in regard to language learning? Tour Guide inside the country of residence Tour Guide outside the country of residence	**Sources of Information:** 1. Former students who have knowledge of the skills needed.
Information still needed: how to design a curriculum for such learners to teach effectively (what are possible approaches to course design) what materials should be used and on what stages of the Course (syllabus and materials design)	**Sources of Information?** 1. ESP research in the field.

Context Analysis is «what is the environment in which the learning will take place» [Friedenberg,Westerfield, 2003].

T a b l e 3. **People in Context Analysis**

Who are the stakeholders in the proposed course? Russia, Amur Region, Blagoveshchensk Amur State University (AmSU) The Department of International Business and Tourism (EL teachers and students) Tour Agencies of Blagoveshchensk **Why do they want this course to be developed?** They want this course to be developed, because they need graduates:	**Information still needed:** 1) what skills are required (preferred) for the learners? 2) what tasks are they expected to perform (language, communicative, etc.)?

[1] Short abstracts from authentic text (oral or written). Each learner is given the task to read (or listen to) the text and do some Post-Reading Exercises (e.g. Fill in the blanks using information from the text) or Post-Listening Exercises (Over to You Activity e.g. Give directions according to the pattern).

Continuation of Table 3

with excellent command in English in the professional field with ability to act confidently in different situations to help the clients (tourists) Moreover, the course goes far beyond General English, which distinguishes the graduates among other learners and can contribute to their successful application process.	**Information still needed:** 1) what skills are required (preferred) for the learners? 2) what tasks are they expected to perform (language, communicative, etc.)?

T a b l e 4. **Physical setting of the course**

How will the training be delivered –traditional face-to-face instruction, online, computer-based, or a combination? Traditional face-to-face instruction (3 times a week; 1.30 class each). **Where is the school/company located? And where will the course be held?** The company (ies) is (are) located in the city where Tourism is a fast developing and growing industry. The course will be held in the State University, The Department of International Business and Tourism. **Does this have an impact on the learners?** It definitely does, since the learners are highly motivated. They are competing in applying for the suggested vacancies and have a desire to go through the application process successfully. The language plays a vital role here. **Describe the room used for the course: size, furniture, light, noise.** The room is big enough for the group of 10-12 students, with necessary equipment (DVD, MP3), except for computers. Unfortunately, it is still a problem to have as many rooms with free access to the Internet as necessary, but there is the way out from this problem: room exchange for some classes when I need to use computers. **Will the course always be held in the same room?** No (*See Question above*)	**Information still needed:** 1) what equipment is necessary (optional) for the course

A number of questions should have been answered while designing the course. These concern the nature of the course and teaching resources (see Tables 5–6).

The last but not the least, it is advisable to conduct a preliminary survey that can show the real needs of the learners, their language awareness and readiness to start the course. The following sample questions could be helpful for such a survey (see Table 7).

T a b l e 5. **Nature of the course**

Is this a new course or one to be revised?	A new one (learners had a Course of General English)
Is learner attendance mandatory or optional?	Mandatory
Will the course be open to all qualified applicants or will enrollment be restricted to a certain group of people, e.g. students who have completed a certain series of classes at the university?	To all qualified applicants (their qualification is checked at the entrance exam, when they have to pass RSA (Russian State Exam) in English)
Are tests required? Who develops them?	Some tests are required: as a form of control at the end of each term (it consists of four parts: Listening, Vocabulary (Idioms, Phrasal Verbs, Active Vocabulary from the Units), Grammar, Writing/Reading). The instructor is responsible for developing the tests.
How many total hours will the course be offered? Over what period of time?	Two terms (fall & spring) – 144 hours total (36 weeks; 2 times a week; 1.30 class each).
How often will the class meet face to face and for how many minutes per class?	Traditional face-to-face instruction (2 times a week; 1.30 class each).

T a b l e 6. **Teaching resources**

What potential materials are already available to use or adapt for the course? Dubick I, O'Keeffe M. English for International Tourism (Pearson Education Limited ((Longman)) Strutt P. English for International Tourism (Pearson Education Limited ((Longman)) Stott T., Revell R. Highly Recommended (Oxford) Wood N. Tourism and Catering. Workshop (Oxford) Walker R., Harding K. Tourism (Oxford University Press) English Course for Tourism Management (Higher Education Press) Duckworth M. High Season. English for the Hotel and Tourist Industry (Oxford) Harding K. Going International. English for Tourism (Oxford University Press) Brochures and Catalogs for Travelers (in English) Podcasts and Internet Sites **What is your online learning management system? Is it already in place and being used for other courses?** Online learning management system is not yet in place. **List the equipment available: black/whiteboard, overhead projector, CD/audio cassette player, DVD/videotape player, photocopy machine, computers (how many?), Internet access (What kind: high speed direct connection or dial-up modem), printer.** Whiteboard CD player DVD player Computers (5 (1 for two students, at least)) Internet access (high speed direct connection) Printer	Information still needed: 1) how to get access to authentic materials (e.g. E-Libraries); 2) how to interact with native speakers (how to invite native speakers to teach the course).

T a b l e 7. Sample Questionnaire

1. Define your language ability Elementary Intermediate Upper-Intermediate Advanced
2. What learning preferences do you have? Listening (watching videos, listening to broadcasts, etc,) Reading Writing
3. Which skills will be the most important in your future job? Listening Speaking Reading Writing
4. Please specify your language learning needs in details. **Listening:** What do you want (need) to learn to listen? 1. ___ lectures 2. ___ instructions 3. ___ videos 4. ___ other listening activity **Speaking:** What do you want (need) to learn to speak? 1. ___ asking questions 2. ___ answering questions 3. ___ group discussion 4. ___ presentations at work **Reading:** What do you want (need) to learn to read? 1. ___ journal articles 2. ___ magazines or newspaper articles 3. ___ laboratory or computer manuals 4. ___ any sources to get information specifically required for your working place **Writing:** What do you want (need) to learn to write? 1. ___ essay-type assignments 2. ___ research papers 3. ___ reports of experiments, etc. 4. ___ other writing activity

4. Conclusion

Several conclusions can be drawn from the present study.

Firstly, it has been proved that designing any ESP (EOP) course needs clear goals and preliminary actions (TSA, PSA, Context Analysis). Providing such important information as learners' professional needs and wants, assessing their language proficiency and eliminating time-consuming steps in EFL practice can definitely contribute to a successful ESP course.

Secondly, having both theoretical and practical approach to ESP course design can help EFL instructors avoid mismatch between the courses they develop and real needs of the students in their professional environment.

Finally, making ESP teaching learner-centered helps to provide positive experiences even though some students demonstrate «passive learning models» in some classes. This study has attempted to identify and explain some issues for ESP course design and explain how effective planning contributes to

positive results. By involving students in some elements of course design, ESP instructors can enhance their students English literacy development as an essential part of language acquisition.

References

1. Singh, R. K. (2005). *Teaching English for Specific Purposes: An Evolving Experience*. Jaipur: Book Enclave.
2. Black, P., Harrison, C., Lee, C., Marshall, B., Wiliam, D. (2003). *Assessment for Learning: Putting it into Practice*. Berkshire, England: Open University Press.
3. Butler, D.L., Winnie, P. H. (1995). Feedback and self-regulated learning: a theoretical synthesis. *Review of Educational Research*, 65 (3), 245–281.
4. Sadler, D. R. (1998). Formative assessment: revisiting the territory. *Assessment in Education*, 5 (1), 77–84.
5. Dudley-Evans, T., St. John, M. J. (2000). *Developments in English for Specific Purposes: A multidisciplinary approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Munby, J. (1998). *Communicative Syllabus Design*. Cambridge University Press.
7. Martinez, K. (2001). *Great expectations: setting targets for students*. Learning and Skills Development Agency.
8. Phillips, M. K., Shettlesworth, C. C. (1998). How to arm your students: a consideration of two approaches to providing materials for ESP [Electronic resource]. *English for Specific Purposes: Milestones in ELT*, 35, 23–35. Retrieved from <https://www.teachingenglish.org.uk>.

УДК 81'33, 372.881.1
UDC 81'33, 372.881.1

Сивухин Андрей Александрович
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Andrei A. Sivukhin
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: avonblag@yandex.ru

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ КОНТРОЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗЕ
FORMATIVE ASSESSMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FUTURE BACHELORS IN LEARNING FOREIGN LANGUAGES AT UNIVERSITY

Аннотация
С вступлением РФ в Болонский процесс изучение иностранного языка стало необходимым элементом в образовании. Иностранный язык – это не только средство коммуникации с представителем иной культуры, но и инструмент обмена профессиональным опытом и знаниями на международном уровне. Следовательно, вопрос формирования и контроля коммуникативной компетентности в процессе изучения иностранных языков актуален. В данной статье автором рассматривается коммуникативная компетентность и её структурные компоненты, как цель обучения и контроля в процессе изучения иностранного языка. В качестве промежуточного контроля автор предлагает использовать лингводидактический тест.

Abstract
With Russia joining the Bologna process, learning a foreign language has become an essential element of education. A foreign language is not only the means of communication with a representative of another culture, it is a tool to facilitate professional experience and knowledge exchange at the international level. Therefore, forming L2 communicative competence and controlling the result of that process is a relevant and urgent issue. This paper examines communicative competence and its structural components, as the target for L2-training and L2 skills assessment. For formative assessment of communicative competence, linguodidactic test is offered.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, промежуточный контроль, лингводидактический тест, иностранный язык.

Keywords: communicative competence, formative assessment, linguo-didactic test, foreign language.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_115_123

1. Введение

После того, как Российская Федерация стала участником Болонского процесса, система российского образования нацелена на создание единого европейского образовательного пространства. Это позволит увеличить мобильность студентов для обмена профессиональными знаниями и опытом на международном уровне [Карпенко, Бершадская, 2016 ; Лейфа, Лейфа, 2012, с. 345–346]. Вследствие чего меняется требования к обучению, и как следствие, к знанию иностранного языка. Сегодня уже недостаточно научить студента читать, писать и переводить тексты на иностранном языке. Будущие бакалавры должны быть готовы к решению коммуникативных задач как в повседневно-бытовой, так и в профессиональной сфере деятельности в условиях межкультурной коммуникации. Следовательно, вопрос формирования коммуникативной компетентности в процессе изучения иностранных языков в вузе актуален.

Ранее, изучив существующие подходы к пониманию коммуникативной компетентности, мы пришли к выводу, что данная компетентность представляет собой «совокупность языковых компетенций формирующих готовность и способность будущего специалиста …. к решению коммуникативных задач в рамках осуществления профессиональной деятельности, как на родном, так и на иностранном языках» [Сивухин, 2015, с. 113]. Следовательно, коммуникативная компетентность представляет собой совокупность компетенций, которые и позволяет будущему бакалавру осуществлять общение на иностранном языке: понимать иноязычное высказывание на слух, читать и писать иноязычные тексты, самостоятельно грамматически верно строить предложения с учетом подходящей лексики и стиля и так далее.

Анализ последних публикаций по данной проблеме, показал, что исследователи выделяют разные структурные компоненты данной компетентности, однако можно выделить ключевые: языковая (лингвистическая) компетенция, речевая компетенция, прагматическая компетенция и социокультурная компетенция. Рассмотрим содержание данных компонентов.

Языковая компетенция (лингвистическая) является синтезом знаний лексических, фонетических, грамматических явлений языковой системы, и умений применять данные знания на практике, то есть непосредственно в процессе коммуникации [Оглуздина, 2011, с. 92–93]. На практике данная компетенция проявляется в способности будущего бакалавра формулировать и воспроизводить грамматически верно фразы, использовать лексические единицы в правильном контексте, в понимании и реагировании на полученную информацию в устной или письменной форме с учётом знаний правил морфологии, синтаксиса, семантики.

В понимании речевой компетенции мы идём вслед за Н. В. Боровковой, которая под данной компетенцией понимает «знания, умения, навыки, необходимые для порождения своих собственных программ речевого поведения, адекватных целям, сферам, ситуациям общения» [Боровкова, 2009,

с. 93]. Таким образом, речевая компетенция отражается в способности формировать и формулировать свои мысли при помощи языковых средств.

Прагматическая компетенция, в свою очередь, помогает будущему бакалавру ориентироваться в контексте коммуникации, выбирая нужный стиль общения, лексику, в соответствии с намерениями собеседника и его способностями [Щукин, 2007, с. 78].

Социокультурная компетенция проявляется в знаниях лингвострановедческой лексики (фоновая лексика, фразеологизмы, безэквивалентная лексика, афоризмы) и умении её применять в процессе межкультурной коммуникации, в знаниях специфики невербальной коммуникации и, конечно, в знаниях особенностей страны изучаемого языка (культура, образ жизни, общественные ценности, нормы поведения и т. д.) [Яцевич, 2010, с. 20–23]. Таким образом, социокультурная компетенция помогает будущему бакалавру избежать межкультурного конфликта, который очень часто происходят из-за незнания социокультурной составляющей изучаемого языка.

2. Лингводидактический тест как вид контроля

Зная ключевые составляющие коммуникативной компетентности, мы понимаем, что мы должны формировать у обучаемого в процессе обучения иностранному языку. Следовательно, понимаем и предмет контроля.

2.1. Виды контроля

Традиционно в системе образования выделяют следующие виды контроля:

- текущий контроль, который осуществляется в процессе повседневной учебной деятельности;
- промежуточный (периодический), проводимый после изучения тематического блока, раздела;
- итоговый – в конце учёного семестра, года или по окончанию курса обучения [Педагогика, 2003, с. 406].

В данной работе особый интерес вызывает промежуточный контроль коммуникативной компетентности будущих бакалавров в процессе изучения иностранных языков в вузе. В качестве средства контроля предлагаем рассмотреть лингводидактический тест, что обосновано популярностью данной формы проверки знаний, умений и навыков у будущих бакалавров в учебном процессе.

В научной литературе под лингводидактическим тестом понимается специальный комплекс заданий, который приготовлен с учётом требований к тестам, имеющий предварительную апробацию, и направленный на определение степени сформированности коммуникативной компетентности [Балыхина, 200, с. 93].

Разработка лингводидактического теста включает в себя постановку цели, формулирование задач, определение объекта и предмета тестирова-

ния, подбор соответствующего языкового и речевого материала, апробацию теста, разбор процедуры проведения и непосредственно само тестирование. Следует отметить, что традиционно лингводидактический тест содержит информационную часть и операционную. Где отражены задания, рекомендации по их выполнению, оценки (балы) за выполнение, интерпретацию результатов теста [Новикова, 2017].

Лингводидактический тест, как средство контроля, выполняет следующие функции [Костиневич, 2014, с. 237 ; Фоломкина, 1986, с. 17]:

- контролирующую – установление самого факта знания (незнания), владения (невладения) будущими бакалаврами информации по пройденному материалу в текущем, промежуточном или итоговом контроле;
- обучающую – овладение будущими бакалаврами необходимыми знаниями, умениями и навыками;
- воспитательную – преодоление различных трудностей (мыслительных, психолингвистических), путём воспитания силы воли, добросовестности, целеустремленности;
- общедидактическую – функции: прогноза успешности обучения, определения готовности к учёбе, диагноза пробелов; определения общего владения иностранным языком.

Сегодня в тестировании применяются разные виды заданий, что способствует достижению большей достоверности полученных результатов. Из них можно выделить два наиболее популярных: задания закрытого и открытого типов. Первые включают в себя задания с несколькими вариантами ответов и задания на соотнесение; вторые являются более сложными для будущих бакалавров и подразумевают краткий либо развернутый ответ на заданную тему [Веретенникова, 2017].

2.2. Содержание лингво-дидактического теста

Выше мы определили, что сегодня целью обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетентности будущего бакалавра, а так же выделили ключевые составляющие данной компетентности. Знание структурных компонентов коммуникативной компетентности позволило нам определить структурные блоки (части) и наполнение лингводидактического теста (см. табл. 1).

Рассмотрим возможности практического применения имеющихся знаний о коммуникативной компетентности и её структурных компонентов при составлении лингводидактического теста в процессе обучении будущих бакалавров английскому языку на неязыковых факультетах в вузе. Лингводидактический тест как средство осуществления промежуточного контроля коммуникативной компетентности может использоваться после тематического блока (модуля) и / или в конце учебного семестра.

Т а б л и ц а 1. **Соотнесение структурных компонентов коммуникативной компетентности с возможными блоками теста**

Структурный компонент коммуникативной компетентности	Содержание структурного компонента	Блок лингводидактического теста
Языковая компетенция	Владение лексическими едини цами, позволяющими граммати чески верно самостоятельно осу ществлять коммуникацию в пов седневно-бытовой и профессио нальной сфере деятельности	Лексико-грамматический
Речевая компетенция	Совокупность знаний, умений и навыков применения лексических единиц для устной и письменной коммуникации	Слушание, письмо
Прагматическая компетенция	Совокупность знаний, умений навыков выбора стратегии комму никации в соответствии с контек стом общения и возможностями собеседника.	Письмо
Социокультурная компетенция	Совокупность межпредметных зна ний, отражающих особенности страны изучаемого языка (культу ра, экономика, политика, история и т. д.)	Социокультурный, лексико-грамматический, письмо

3. Пример разработанного лингводидактического теста

В данной работе, рассмотрим лингводидактический тест, используемый после обучения английскому языку на начальном этапе (конец 1 семестра). Цель данного тестирования – диагностика качества усвоенного материала, в течение семестра. Следовательно, наполнение теста отражает материал, пройденный за данный период обучения. Структура теста представлена несколькими блоками, отражающими основные компоненты коммуникативной компетентности.

Первый блок направлен на проверку навыков аудирования – речевая компетенция. Перед первым прослушиванием студентам предлагается ознакомиться с заданием. После второго воспроизведения студенты вносят необходимые коррективы в лист ответов (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2. **Пример задания для аудирования**

Task: Listen to people talking about their work. Check the correct information about each person.

	has the same job	has a new job	isn't working now
Sonia			
Bob			
Marie			
Suzanne			
Ted			
Martha			
Fred			
Sue			

Во втором блоке будущим бакалаврам предлагается выполнение лексико-грамматических заданий. В данном блоке мы можем проверить знание грамматических явлений, владение лексическими единицами – языковая и социокультурная компетенция. Задания представляют собой мини-диалог или предложение, в котором студентам необходимо заполнить пропуски, выбрав правильный вариант ответа из ряда предложенных – задания закрытого типа, например:

Janet _____ in an office. She _____ on a computer.
A. work; types
B. works; type
C. works; types
D. work; type

В данном блоке также используются задания на установление соответствия: будущим бакалаврам необходимо связать между собой значения лексических единиц. Главное условие в подобных заданиях – неодинаковое число элементов правой и левой колонок (см. табл. 3).

Целью третьего блока является проверка навыков письменной речи и выбора стиля письма – речевая и прагматическая компетенция. Данный блок представлен в виде открытого задания: студентам необходимо написать небольшое эссе на одну из пройденных тем. Например: Many people visit museums when they travel to new places. Why do you think people visit museums? Use specific reasons and examples to support your answer. Следует отметить, что в данном блоке мы также можем проверить и владение социокультурной компетенцией – всё зависит от формулировки задания.

Т а б л и ц а 3. **Пример задания закрытого типа на установление соответствия**

Task: Match the activity on the left with the correct place on the right.

1.	freshen up after a flight	a.	arrivals area
2.	board a flight	b.	baggage-claim area
3.	meet a friend arriving on a flight	c.	newsstand
4.	get flight information	d.	arrival and departure board
5.	change money	e.	shuttle bus stop
6.	pick up suitcases after a flight	f.	departure gate
7.	buy a magazine	g.	currency exchange
8.	take a bus to a different terminal		

4. Выводы

Проанализировав выше представленный материал, приходим к выводу, что знание структурных компонентов коммуникативной компетентности позволяет нам грамотно организовать не только процесс обучения иностранному языку, но и контроль сформированности данной компетентности, например, при составлении лингводидактического теста.

В качестве преимуществ лингводидактического тестирования можно выделить следующее:

- одновременный контроль всей группы учащихся;
- высокое качество заданий, что обоснованно предварительной проверкой;
- экономия аудиторного времени;
- вероятность стандартизации самой процедуры тестирования;
- отсутствие субъективности оценки:
- облегчённый переход на компьютерное и дистанционное тестирование.

Таким образом, лингводидактический тест является одним из инструментов проверки коммуникативной компетентности будущих бакалавров в процессе изучения иностранных языков. Знания структурных компонентов позволяют преподавателю грамотно структурировать тестовые задания и подобрать его наполнения. Однако, следует отметить, что данная форма контроля не является единственной и универсальной, а может использоваться в совокупности с другими формами и средствами.

Список литературы

1. Балыхина, Т. М. Словарь терминов и понятий тестологии: словарь [Текст] / Т. М. Балыхина. – Москва : МГУП, 2000. – 161 с.
2. Боровкова, Н. В. Педагогические условия формирования речевой компетенции студентов технического вуза [Текст] / Н. В. Боровкова // Педагогическое образование и наука. – 2009. – № 10. – С. 92–95.

3. Веретенникова, В. П. Лингводидактическое тестирование в обучении иностранному языку [Электронный ресурс] / В. П. Веретенникова // Publishing house Education and Science s.r.o. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/13_NBG_2015/Philologia/1_191342.doc.htm (дата обращения: 13.01.2017 г.).
4. Карпенко, О. М. Болонский процесс в России. [Электронный ресурс] / О. М. Карпенко, М. Д. Бершадская // Современная гуманитарная академия. – Режим доступа : http://www.muh.ru/content/niipo/081201_statya_bershadskaya.pdf (дата обращения: 25.12.2016 г.).
5. Костиневич, В. В. К вопросу о лингводидактическом тестировании [Текст] / В. В. Костиневич // Педагогическое мастерство : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – М. : Буки-Веди, 2014. – С. 236–238.
6. Лейфа, А. В. Развитие системы высшего профессионального образования в Российской Федерации [Текст] / А. В. Лейфа, И. И. Лефа // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Серия «Педагогика, психология». – 2012. – № 1. – С. 345–347.
7. Новикова, Э. Б. Лингводидактический тест как инновационная форма методики преподавания иностранного языка [Электронный ресурс] / Э. Б. Новикова, Н. М. Шленская, Н. И. Мерзликина // Современные гуманитарные исследования. – Режим доступа : http://naukarus.com/lingvodidakticheskiy-test-kak-innovatsionnaya-forma-metodiki-prepodavaniya-inostrannogo-yazyka (дата обращения: 19.01.2017).
8. Оглуздина, Т. П. Развитие содержания понятия «языковая компетенция» в истории лингвистики и теории обучения иностранным языкам [Текст] / Т. П. Оглуздина // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 91–94.
9. Педагогика [Текст] : учеб. пособие / под ред. П. И. Пидкасистого. – М. : Педагогическое общество России, 2003. – 609 с.
10. Сивухин, А. А. Сущность и структура коммуникативной компетентности будущих бакалавров туриндустрии в вузе [Текст] / А. А. Сивухин // Вестник Амур. гос. ун-та. Серия: «Гуманитарные науки». – 2015. – № 68. – С. 111–114.
11. Фоломкина, С. К. Тестирование в обучении иностранному языку [Текст] / С. К. Фоломкина // Иностранные языки в школе. – 1986. – № 2. – С. 16–20.
12. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика [Текст] / А. Н. Щукин. – М. : Филоматис, 2007. – 480 с.
13. Яцевич, Л. П. Формирование коммуникативной толерантности у будущих специалистов социальной работы [Текст] : дис…. канд. пед. наук: 13.00.08 / Яцевич Любовь Павловна ; Амурский государственный университет. – Чита, 2010. – 199 с.

References

1. Balyhina, T. M. (2000). *Slovar' terminov i ponyatij testologii: slovar'* [The glossary of terms and concepts of testology: A dictionary]. Moscow.
2. Borovkova, N. V. (2009). Pedagogicheskie usloviya formirovaniya rechevoj kompetencii studentov tekhnicheskogo vuza [Pedagogical conditions of formation of speech competence of the technical university students]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 10, 92–95.

3. Veretennikova, V. P. (2017). *Lingvodidakticheskoe testirovanie v obuchenii inostrannomu yazyku* [Lingo-didactic testing in foreign language teaching]. Publishing house Education and Science s.r.o. from <http://www.rusnauka.com/13_NBG_2015/Philologia/1_191342.doc.htm>
4. Karpenko, O. M., Bershadskaya, M. D. (2016). Bolonskij process v Rossii. [Bologna process in Russia]. *Modern University for the Humanities*. Retrieved from <http://www.muh.ru/content/niipo/081201_statya_bershadskaya.pdf>
5. Kostinevich, V. V. (2014). K voprosu o lingvodidakticheskom testirovanii [On the issue of linguo-didactic testing]. *Pedagogicheskoe masterstvo: materialy V Mezhdunar. nauch. konf.* [Proc. of the V International Scientific Conference «Pedagogical skills»] (pp. 236–238).
6. Lejfa, A. V., Lejfa, I. I. (2012). Razvitie sistemy vysshego professional'nogo obrazovaniya v Rossijskoj Federacii [The development of higher education system in the Russian Federation]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gos. un-ta. Seriya «Pedagogika, psihologiya»* [Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology], 1, 345–347.
7. Novikova, E. B. (2017). Lingvodidakticheskij test kak innovacionnaya forma metodiki prepodavaniya inostrannogo yazyka [Linguo-didactic test as an innovative method of teaching a foreign language]. *Sovremennye gumanitarnye issledovaniya* [Modern Humanities Research]. Retrieved from <http://naukarus.com/lingvodidakticheskiy-test-kak-innovatsionnaya-forma-metodiki-prepodavaniya-inostrannogo-yazyka>.
8. Ogluzdina, T. P. (2011). Razvitie soderzhaniya ponyatiya «yazykovaya kompetenciya» v istorii lingvistiki i teorii obucheniya inostrannym yazykam [The development of the concept of «linguistic competence» in the history of linguistics and theory of learning foreign languages]. *Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta* [Vestnik of Tomsk State Pedagogical University], 2, 91–94.
9. Pidkasistyi P. I. (2003). *Pedagogika: ucheb. posobie* [Pedagogy: A handbook for students of pedagogical universities and teacher training colleges]. Moscow.
10. Sivuhin, A. A. (2015). Sushchnost' i struktura kommunikativnoj kompetentnosti budushchih bakalavrov turindustrii v vuze [Notion and essence of communicative competence of bachelors of the tourism industry]. *Vestnik Amurskogo gos. un-ta. Seriya: «Gumanitarnye nauki»* [Vestnik of Amur State University. Series «The Humanities»], 68, 111–114.
11. Folomkina, S. K. (1986). Testirovanie v obuchenii inostrannomu yazyku [Testing in foreign language teaching]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign Languages at School], 2, 16–20.
12. Shukin, A. N. (2007) *Obuchenie inostrannym yazykam: teoriya i praktika* [Foreign Language Teaching: Theory and Practice]. Moscow.
13. Yacevich, L. P. (2010). *Formirovanie kommunikativnoj tolerantnosti u budushchih specialistov social'noj raboty* [Formation of communicative tolerance among future specialists in social work]. PhD in Pedagogical sci. dis. Amur State University.

УДК 81'34, 81'161.1
UDC 81'34, 81'161.1

Шуйская Татьяна Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatiana V. Shuiskaya
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: T.Shuiskaya@mail.ru

СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВ В РЕЧИ ТРЁХЛЕТНИХ ДЕТЕЙ
SYLLABLE STRUCTURE OF WORDS IN THE SPEECH OF 3-YEAR-OLDS

Аннотация
Усвоение слоговой структуры слов детьми характеризует уровень их речевого развития. Считается, что трёхлетние дети без отклонений в развитии не имеют трудностей с построением слога. В настоящей статье представлены результаты акустического анализа слоговой структуры слов в речи двадцати детей в возрасте трёх лет. У 75% детей встречались от трех до семи изменений слоговой структуры слов. Максимально 13,2% из 53 слов были реализованы с изменением слоговой структуры. Зафиксированы случаи эллиптирования согласных в начале слов, выпадения слогов, перестановки слогов, перестановки звуков соседних слогов, вставки твёрдого и мягкого переднеязычных /l/ and /lʲ/, и антиципации. Также отмечена редукция согласных кластеров, которая не приводила к изменению числа слогов в слове. Выявлены кластеры, устойчивые и неустойчивые к редукции.

Abstract
The way children acquire syllable structure of words characterizes the level of their speech development. It is assumed that 3-year-olds without any disorders do not have any difficulties with constructing syllables. The current paper describes the results of an acoustic study of word syllable structure in the speech of twenty Russian 3-year-old subjects. 75% of them demonstrated from 3 to 7 syllable structure changes. The maximum of 13,2% of the total of 53 words were characterized by those changes. There were examples of word-initial single-consonant elision, syllable elision, syllable transposition, sounds transposition, insertions of hard and soft forelingual /l/ and /lʲ/ into a syllable, and anticipation. Consonant cluster reduction was also noticed; it did not change the number of syllables in words. Clusters that were more and less resistant to reduction were determined.

Ключевые слова: слог, согласный, эллиптирование, редукция, детская речь, акустический анализ.

Keywords: syllable, consonant, elision, reduction, child speech, acoustic analysis.

doi: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_124_135

1. Введение

Изучение фонетических характеристик речи нормально развивающихся детей без обращения к слогу является неполным, поскольку степень усвоения слоговой структуры свидетельствует об уровне развития речи. Проблема слога в онтогенезе ранее изучалась многими исследователями: Н. Х. Швачкиным [Швачкин, 1948], Н. И. Жинкиным [Жинкин, 1958], А. А. Леонтьевым [Леонтьев, 1965], А. Н. Гвоздевым [Гвоздев, 1964], А. К. Марковой [Маркова, 1969] Е. Н. Винарской [Винарской, 1970], А. Д. Салаховой [Салахова, 1972], В. И. Бельтюковым [Бельтюков, 1977], С. М. Носиковым [Носиков, 1985], Е. И. Исениной [Исенина, 1986], И. А. Сикорским [Сикорский,1977] и другими. Однако эта тема не перестаёт быть актуальной до сих пор.

И. А. Сикорский [Сикорский, 1977] приводит интересные данные, которые свидетельствуют о том, что одни дети больше сосредоточены на звуках, а другие – на слогах. При этом дети, предпочитающие правильно произносить звуки, пренебрегают слоговой структурой слова, а дети, которые правильно воспроизводят слоговую структуру слова, могут неверно произнести звуки в слоге. Сложно не согласится с выводом, который следует из данных наблюдений: процесс усвоения слоговой структуры детьми не менее сложен, чем умение правильно произносить звуки родного языка.

А. К. Маркова [Маркова, 1961], изучая речь детей, страдающих алалией, пришла к выводу, что усвоение слогового состава слова не находится в прямой зависимости от овладения отдельными звуками: при наличии правильного произнесения отдельных звуков слоговая структура слова, состоящая из этих звуков, может неправильно произносится ребёнком. По мнению Марковой, усвоение слоговой структуры более сложный процесс, чем усвоение артикуляции звуков. При этом автор справедливо отмечает, что «под овладением слоговой структурой слова понимается овладение нужным (адекватным) количеством слогов в нём… Большое влияние на уровень адекватной слоговой структуры оказывает звуковой состав слов. Слоговая структура слов, включающая трудные … звуки (свистящие, шипящие р, л) усваивается медленнее, чем структура, в которой они не встречаются» [Маркова, 1969].

Очевидно, что для детей с нормальным речевым развитием именно возраст влияет на усвоение артикуляции звуков и слоговую структуру слова. Первые слова, как правило, уже имеют слоговую структуру, при этом произнесение отдельных звуков представляет сложность. По нашему мнению, даже научившись произносить отдельные слова с сохранением слоговой структуры слова, большинство детей сталкивается с трудностями при произнесении целого ряда звуков. В данной статье под слоговой структурой слова понимается «характеристика слова (высказывания) с точки зрения количества, последовательности и видов составляющих его слогов» [Понятийно-терминологический словарь логопеда, 1997].

Е. Н. Винарская и Г. М. Богомазов указывают на то, что, в зависимости от степени созревания кинестетической или слуховой чувствительно-

сти, у одних детей раньше формируется ритмическая структура слова, а у других сначала появляются слоги (слова-корни): при преобладании кинестетической чувствительности раньше усваивается ритмическая структура слова, а у детей со слуховой чувствительностью раньше формируются слоговые контрасты [Винарская, Богомазов, 2005].

Важные факты, влияющие на выделение слога и пропуск слогов в слове, приводит А. Н. Гвоздев [Гвоздев, 1964]. Изучая усвоение слогового состава слова, он приходит к выводу, что сила безударных слогов в структуре русских слов неодинакова. При овладении слоговой структурой ребёнок учится воспроизводить слоги слова в порядке их сравнительной силы. По-мнению учёного, именно эта «сравнительная сила» определяет пропуск слогов в слове ребёнком: вначале передаётся только ударный слог, по мере взросления ребёнка появляется первый предударный и, наконец, слабые безударные слоги. Опускание слабых безударных слогов в свою очередь препятствует усвоению входящих в них звуков, поэтому усвоение звуков связано с усвоением слоговой структуры.

Согласно схеме системного развития нормальной детской речи, составленной Н. С. Жуковой [Жукова] по материалам книги А. Н. Гвоздева «Вопросы изучения детской речи», формирование слоговой структуры слов проходит ряд этапов, и в период с 2 лет 3 месяцев до 3 лет слоговая структура нарушается редко, главным образом в малознакомых словах.

Результаты анализа и систематизации материалов Фонда данных детской речи позволили М. В. Елисеевой составить таблицу, в которой нашли отражение основные закономерности развития речи от 0 до 7 лет. Среди «нормальных» ошибок («замены некоторых согласных, сложных для артикуляции (ч, ш, ж, щ, р, р`, л, л`), метатезис») автор не указывает нарушение слоговой структуры слова [Елисеева, 2004]. Следовательно, предполагается, что дети с нормальным развитием в возрасте трёх лет должны усвоить слоговую структуру.

Представляется интересным определить соотношение детей, которые полностью усвоили слоговую структуру слов в трёхлетнем возрасте и тех, кто всё ещё совершает ошибки. Кроме того, важно выяснить характер этих ошибок.

В настоящее время многие логопеды проводят свою работу по корректировке слоговой структуры на основе слов по классификации А. К. Марковой. Автор предлагает классификацию слов исходя из слоговой структуры слова, которая, по её мнению, характеризуется четырьмя параметрами: 1) ударностью, 2) количеством слогов, 3) линейной последовательностью слогов, 4) моделью самого слога. Слова расположены по степени их слоговой трудности, всего 14 типов слов: 1) двухсложные слова из двух открытых слогов (*мама*); 2) трёхсложные слова из открытых слогов (*панама*); 3) односложные слова (*мак*); 4) двухсложные слова с одним закрытым слогом (*каток*); 5) двухсложные слова со стечением согласных в середине слова (*тыква*); 6) двухсложные слова с закрытым слогом и стечением согласных (*компот*); 7) трёхсложные слова с закрытым слогом (*котёнок*); 8) трёхсложные слова со стечением согласных (*конфеты*); 9) трёхсложные слова со стечением согласных и закрытым слогом (*памятник*); 10) трёхсложные сло-

ва с двумя стечениями согласных (*винтовка*); 11) односложные слова со стечением согласных в начале и в конце слова (*кнут*); 12) односложные слова со стечением согласных в начале слова (*лифт*); 13) двухсложные слова с двумя стечениями согласных (*кнопка*), 14) четырёхсложные слова из открытых слогов (*паутина*) [Маркова, 1961].

Данная классификация помогает в работе логопеда, который, изучая речь детей, может определить то, что «сформировано» у ребёнка, а также то, над чем необходимо работать. Логопеду также важно определить тип нарушения слоговой структуры слова, который приводит к видоизменению слова. Как известно, слоговая структура слова может быть изменена по нескольким причинам:

1) изменение количества слогов: пропуск слога (*«моток» – молоток*), опускание слогообразующей гласной (*«пинино» – пианино*), увеличение числа слогов за счёт вставки гласных (*«команата» – комната*);

2) нарушение последовательности слогов в слове: перестановка слогов (*«деворе» – дерево*), перестановка звуков соседних слогов (*«гебемот» – бегемот*);

3) искажение структуры отдельного слога: редукция кластера (*«капута» – капуста*), вставка согласных в слог (*«лимонт» – лимон*);

4) персеверация – устойчивое повторение слога (*«пананама» – панама*);

5) антиципация – уподобление одного слога другому (*«пипитан» – капитан*);

6) контаминация – соединения частей двух слов (*«холодильница» – холодильник и хлебница*).

2. Материал и методика исследования

Настоящее исследование проводилось в двух государственных детских дошкольных учреждениях, расположенных в г. Благовещенске, Амурской области. В эксперименте принимало участие двадцать носителей русского языка в возрасте от трёх лет и одного месяца до трёх лет и трёх месяцев обоих полов (8 мальчиков и 12 девочек). Физическое здоровье детей было оценено врачами: педиатром, психиатром и неврологом, что отражалось в медицинской карте каждого ребёнка. Данные карты заполнялись специалистами до поступления воспитанника в детский сад. После консультации с медицинскими работниками детских групп (разумеется, без разглашения ими персональных данных) для эксперимента нами были отобраны дети без неврологических, психических и фонетических расстройств. Запись детей осуществлялась в группе, где, в отведённой комнате, интервьюер произносил слово и просил ребёнка повторить за ним. Если ребёнок произносил слово неправильно, то его просили повторить слово второй раз и, если ребёнок соглашался – третий раз. В результате было получено 1025 реализаций слов: 428 произнесённых один раз, 109 – два раза, 488 – три раза.

Образцы речи были записаны на диктофон Samsung YP-VP1AB. Во время записи, диктофон был помещён перед ребёнком. Акустический анализ был проведён в программе обработки речевого сигнала Praat [Boersma, 2016].

Для анализа усвоения слоговой структуры слова трёхлетними детьми была частично использована классификация слов, предложенная А. К. Марковой. Данная классификация представляется удобной и для работы с детьми с нормальным речевым развитием, поскольку максимально учитывает слоговое наполнение слов. При выборе слов для эксперимента было совершенно очевидно, что каждый нормально развивающийся ребёнок в возрасте трёх лет сможет правильно произнести такие слова, как мама, дай. Учитывая также данные об усвоении слоговой структуры детьми в возрасте трёх лет, было решено включить в эксперимент только слова пяти типов по классификации А. К. Марковой, которые могли представлять трудность для трёхлетних детей.

При составлении эксперимента и интерпретации результатов за основу была взята концепция Л. В. Бондарко, согласно которой в русском языке действует тенденция к образованию открытых слогов [Бондарко, 1977, с. 129–140], за исключением случаев со среднеязычным /j/, который вокализуется и стягивается с предыдущим гласным (напр., гай-ка); при этом конечные согласные в слове переходят в слог следующего слова, образуя начальную консонантную периферию разной сложности [Бондарко, 1977, с. 137–139], а конечные согласные в конечных слогах фраз образуют отдельный потенциально открытый слог [Бондарко, 1977, с. 137] (напр., *о-на-ва-слю-би-т*). Материал представлен в таблице 1.

Таблица 1. **Стимулы**

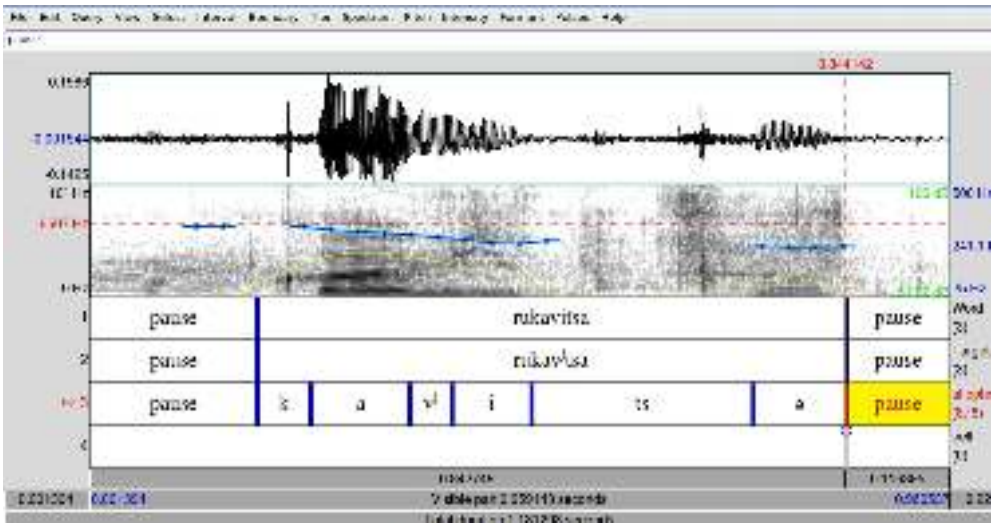
№	Слоговая структура	Примеры
1	Трёхсложные слова структуры + потенциально открытый слог из одного согласного	ко-ло-бо-к, пе-ту-шо-к, а-на-на-с, че-мо-да-н, бе-ге-мо-т, са-мо-лё-т, би-ле-ти-к, ло-ко-то-к, ле-со-че-к
2	Трёхсложные слова с одним стечением согласных	я-бло-ко, ко-лба-са, ка-пу-ста, ку-ку-шка, у-ли-тка, ва-ле-нки, ша-хма-ты, ко-нфе-ты, ля-гу-шка, па-на-мка, пу-го-вка, пи-пе-тка, се-лё-дка, не-знай-ка
3	Трёхсложные слова с одним стечением согласных + потенциально открытый слог из одного согласного	ку-па-льни-к, а-вто-бу-с, ку-зне-чи-к, са-до-вни-к, ви-но-гра-д
4	Трёхсложные слова с двумя стечениями согласных (с возможным конечным потенциально открытым слогом из одного или нескольких согласных)	ма-трё-шка, ви-нто-вка, ла-мпо-чка, та-бле-тка, са-лфе-тка, клу-бни-ка, шка-ту-лка, хло-пу-шка, пло-ща-дка, ква-ку-шка, сту-пе-нька, кла-до-вка, кре-ве-тка, фу-тбо-ли-ст
5	Четырёхсложные слова из открытых слогов с простой согласной периферией	пи-а-ни-но, ку-ку-ру-за, Бу-ра-ти-но, ви-та-ми-ны, е-же-ви-ка, пу-го-ви-ца, ма-ка-ро-ны, че-мо-да-ны, по-ми-до-ры, ру-ка-ви-ца, ба-ле-ри-на

2.1. Обсуждение результатов исследования

По результатам проведённого исследования только один ребёнок из двадцати, допуская замены согласных, не исказил слоговую структуру слов (5%). В ответах ещё четырёх детей отмечались единичные случаи (один-два) нарушения слоговой структуры (20%). Однако у пятнадцати из двадцати детей (75%) встречались от трех до семи изменений слоговой структуры слов. Таким образом, максимально 13,2 % слов из всего списка, состоящего из пятидесяти трех слов, были реализованы с нарушениями слоговой структуры. В ходе анализа не было выявлено случаев итерации и персеверации.

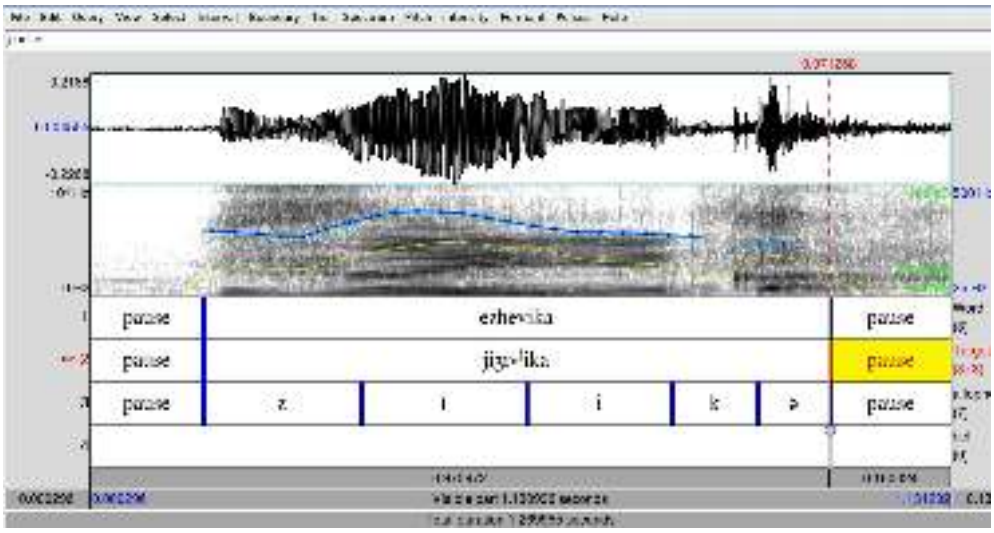
Изменение слоговой структуры происходило за счёт выпадения слогов или отдельных звуков: *рукавица* [kavʲitsa] (7 детей), *кукуруза* [kukuza] (5 детей), *балерина* [bavina] (1 ребёнок), *ежевика* [ʒɨvʲika] (5 детей), [zɨvika] (1 ребёнок), *локоток* [akatok] (3 детей), *лягушка* [iguʃka] (1 ребёнок), *витамины* [itaminɨ] (2 детей), *футболист* [utoplʲis] (1 ребёнок), *матрёшка* [atʲjoska] (1 ребёнок). На рисунке 1 представлено слово *рукавица*, в котором выпал слог [ru]; выпадение слога [ji] из слова *ежевика* продемонстрирована на рисунке 2.

Как видно из ряда приведённых выше примеров, эллиптирование одиночного согласного в начале слова приводило к изменению типа слога от прикрытого к неприкрытому. Эллиптированию подвергались переднеязычные /r/, /l/, /lʲ/ и среднеязычный /j/, а также губные /v/, /f/, /m/. Эллиптирования заднеязычных выявлено не было.

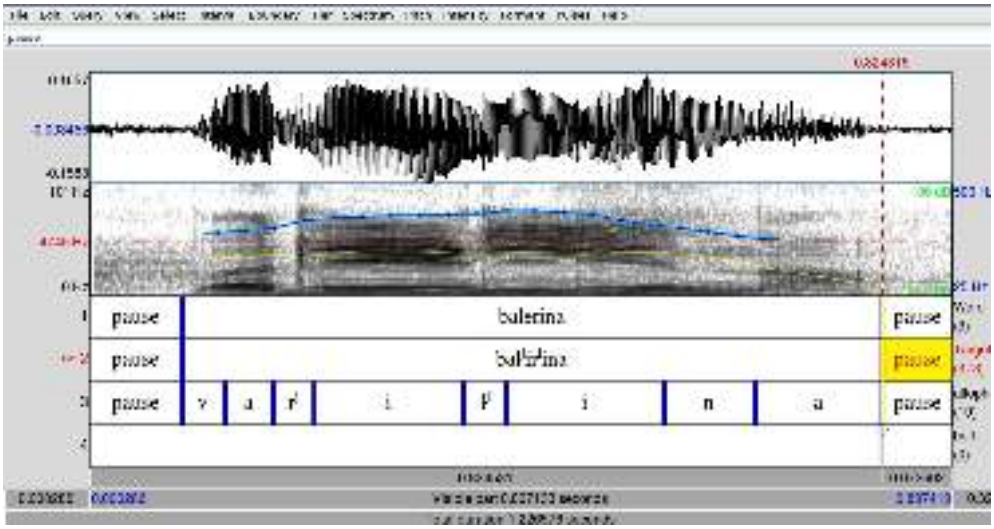


Р и с у н о к 1. **Выпадение [ru] из слова *рукавица***

Встречались немногочисленные случаи нарушения последовательности слогов в слове: 1) перестановка слогов (*балерина* [barʲilina] (3 детей), [varʲilʲina] (1 ребёнок)); 2) перестановка звуков (*бегемот* [tʲibʲegot], *виноград* [vʲigandat], *локоток* [latakok] (1 ребёнок на каждый пример)). На рисунке 3 представлена перестановка слогов в слове *балерина*.



Р и с у н о к 2. **Выпадение /ji/ из слова *ежевика***

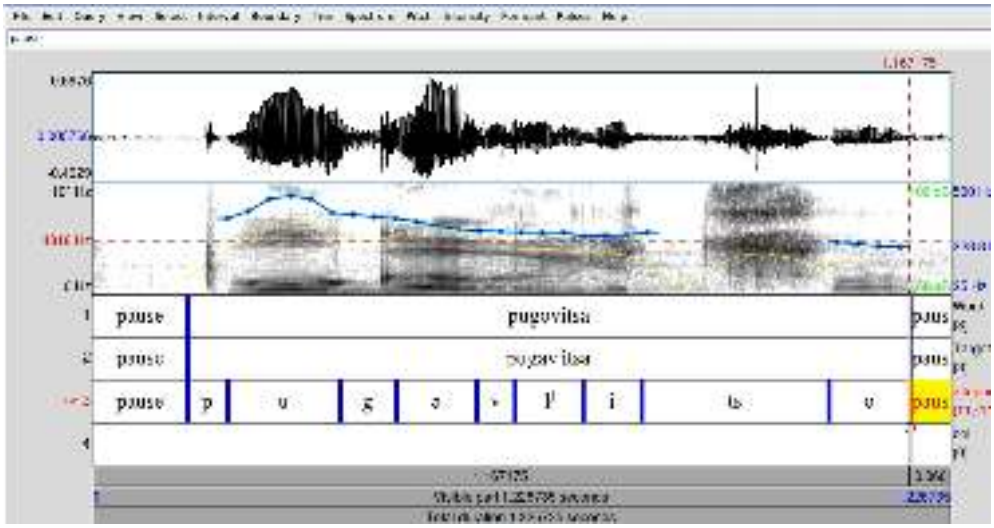


Р и с у н о к 3. **Перестановка слогов [rʲi]-[lʲi] в слове *балерина***

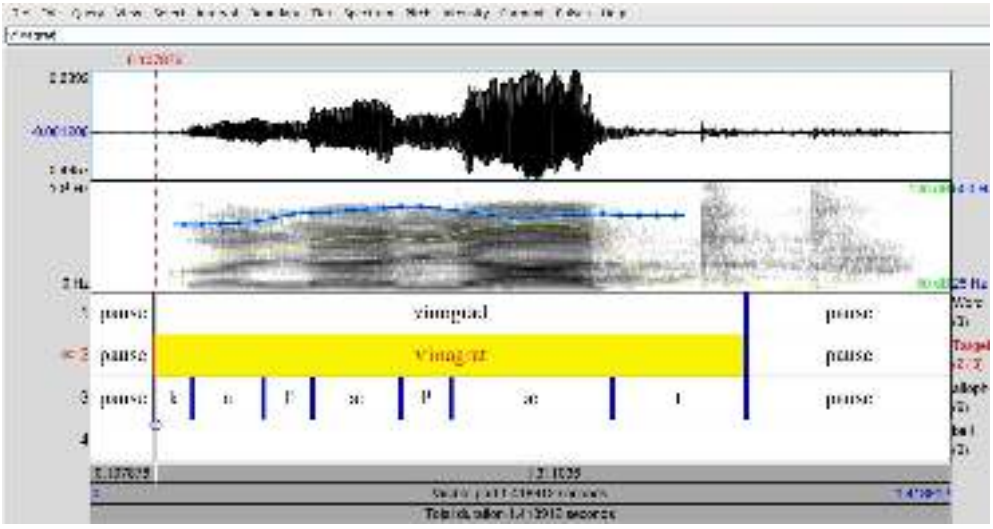
Кроме того, были выявлены единичные случаи вставки твёрдого и мягкого плавных латеральных /l/ и /lʲ/ в слог (*пианино* [pil̲aninə], *пуговица* [pugavl̲ʲitso]), и случаи антиципации (*пианино* [panininə], *виноград* [kalʲælʲæd]). Пример вставки согласного /lʲ/ приведён на рисунке 4 в слове *пуговица*. Случай антиципации представлен на рисунке 5 в слове *виноград*.

Большинство изменений слов происходило за счёт редукции кластера. При этом количество слогов, как правило, оставалось неизменным. Редукция, скорее всего, приводила к сокращению длительности слога, однако данное предположение нуждается в верификации. Всего в эксперименте представлено тридцать три кластера. Из них наиболее часто подвергались редуцированию кластеры с плавными латеральными /l/ и /lʲ/: [bl]→[b] и [blʲ]→[bʲ] в словах *яблоко* [jæbəkʌ] (12 детей), *таблетка* [tabʲetka]

(1 ребёнок); [lb]→[b] в слове *колбаса* [kʌbasa] (9 детей); [lʲnʲ]→[nʲ] в слове *купальник* [kupanʲik] (4 детей); [kl]→[k] в словах: *клубника* [kubnʲika] (4 детей), *кладовка* [kʌdofka] (4 детей); [lk]→[k] в слове *шкатулка* [ʃkatuka] (3 детей); [lf]→[f] в слове *салфетка* [sʌfʲetka] (5 детей); [pl]→[p] в слове *площадка* [pʌʃæt̪ka]]; [hl]→[h] в слове *хлопушка* [hapuʃka] (1 ребёнок).

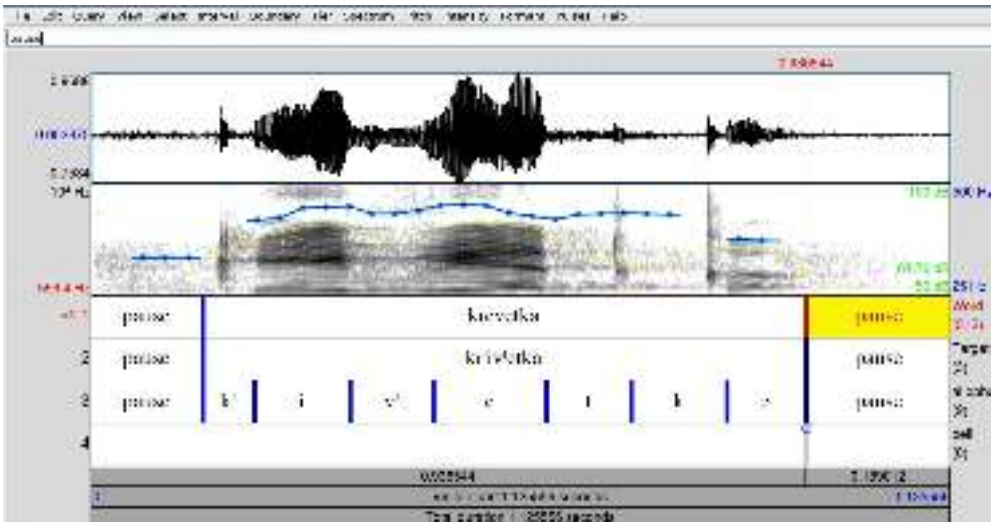


Р и с у н о к 4. **Вставка /lʲ/ в слове *пуговица***



Р и с у н о к 5. **Антиципация в слове *виноград***

Часто редуцировались кластеры с переднеязычным дрожащим /r/: [krʲ] →[kʲ] *креветка* [kʲivʲetka] (13 детей); [gr]→[g] *виноград* [vʲinagat] (9 детей); [trʲ] →[tʲ] *матрёшка* [matʲjoʃka] (8 детей). На рисунке 6 продемонстрирован случай выпадения согласного /r/ из кластера [krʲ] в слове *креветка*.



Р и с у н о к 6. **Выпадение /rʲ/ в слове *креветка***

Изменению также подвергались кластеры: [nfʲ]→[fʲ] в слове *конфеты* [kafʲetɨ] (8 детей); [ft] →[t] в слове *автобус* [atobus] (5 детей); [db] →[b] в слове *футболист* [fubəlʲist] (4 детей).

Следует отметить, что в кластерах, содержащих заднеязычный /k/, редукция отсутствовала: [ʃk] *кукушка, лягушка, матрёшка, шкатулка, хлопушка, квакушка*; [tk] *улитка, таблетка, салфетка, креветка, пипетка, селёдка, площадка*; [nk] *валенки*; [jk] *незнайка*; [nʲk] *ступенька*; [kv] *квакушка*; [fk] *пуговка, винтовка кладовка*; [ʧk] *лампочка*; [mk] *панамка*. Кроме того, не было выявлено редукции в кластерах: [st] *капуста, футболист, ступенька*; [zʲnʲ] *кузнечик*; [vnʲ] *садовник*; [nt] *винтовка*; [mp] *лампочка*; [bnʲ] *клубника*; [zn] *незнайка*.

3. Выводы

В трёхлетнем возрасте большинство детей без отклонений в речевом развитии совершают немногочисленные речевые ошибки, которые приводят к изменению слоговой структуры слова. В этом возрасте дети активно заменяют труднопроизносимые для них согласные, поэтому, в большинстве случаев количество слогов в слове сохраняется. Тем не менее, по полученным нами данным, различные изменения слоговой структуры были отмечены у 95% детей, принимавших участие в эксперименте. Среди них случаев итерации и персеверации выявлено не было. Изменения слоговой структуры происходили, в основном, за счёт выпадения слогов или отдельных звуков. Эллиптирование одиночного согласного в начале слова приводило к изменению типа слога от прикрытого к неприкрытому при сохранении количества слогов в слове.

Среди наиболее успешных в усвоении слогов были выявлены слоги, содержащие заднеязычные согласные, и, напротив, переднеязычные, губные и среднеязычный согласные порой представляли сложность при слогооформлении слов.

Замены фонем и редукция кластеров приводили к изменению облика слова, но не влияли на общее количество слогов в слове. Наименее устойчивыми оказались кластеры, в состав которых входили плавные латеральные и дрожащие, а также [nf], [ft], [db], а наиболее устойчивыми – кластеры, содержащие заднеязычные, а также кластеры, состоящие только из переднеязычных и только из губных согласных.

Список литературы

1. Бельтюков, В. И. Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и усвоения устной речи (в норме и патологии) [Текст] / В. И. Бельтюков. – М. : Педагогика, 1977. – 256 с.
2. Бондарко, Л. В. Звуковой строй современного русского языка [Текст] / Л. В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1977. – 175 с.
3. Винарская, Е. Н. Нейролингвистический анализ звуковой стороны речи [Текст] / Е. Н. Винарская // Язык и человек. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – С. 55–62.
4. Винарская, Е. Н. Возрастная фонетика [Текст] / Е. Н. Винарская, Г. М. Богомазов. – М. : АСТ, Астрель, 2005. – 208 с.
5. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи [Текст] / А. Н. Гвоздев. – СПб. : Детство-Пресс, 2007. – 470 с.
6. Елисеева, М. В. Развитие речи ребенка: взгляд лингвиста [Текст] / М. В. Елисеева // Логопед. – 2005. – № 4. – С. 18–28.
7. Жинкин, Н. И. Механизмы речи [Текст] / Н. И. Жинкин. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. – 369 с.
8. Жукова, Н. С. Схема системного развития нормальной детской речи [Электронный ресурс] / Н. С. Жукова. – Режим доступа : http://primdou80.ru/public/users/994/doc/051120151911.pdf.
9. Исенина, Е. И. Дословесный период развития речи у детей [Текст] / Е. И. Исенина. – Саратов : Изд-во СГУ, 1986. – 162 с.
10. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности [Текст] / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1965. – 245 с.
11. Маркова, А. К. Овладение слоговым составом слова в раннем возрасте [Текст] / А. К. Маркова // Вопросы психологии. – 1969. – № 5. – С. 22–34.
12. Маркова, А. К. Особенности усвоения слоговой структуры слова у детей, страдающих алалией языка [Текст] / А. К. Маркова // Школа для детей с тяжелыми нарушениями речи / под ред. Р. Е. Левиной. – М., 1961. – С. 59–70.
13. Носиков, С. М. Опыт фонетического описания лепета [Текст] / С. М. Носиков // Становление речи и усвоение языка ребёнком. – М. : Педагогика, 1985. – С. 36–64.
14. Понятийно-терминологический словарь логопеда [Электронный ресурс] / под ред. В. И. Селиверстова. – Режим доступа: http://pedlib.ru/Books/3/0439/3_0439-323.shtml#book_page_top.
15. Сикорский, И. А. О развитии речи у детей [Текст] / И. А. Сикорский // Оттиск из Еженедельной клинической газеты – СПб. : Изд-во Боткина, 1881.
16. Швачкин, Н. Х. Развитие речевых форм у младших дошкольников [Текст] / Н. Х. Швачкин // Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста / под

ред. А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1948. – С. 48–79.

17. Boersma, P. Praat: Doing phonetics by computer (Version 5.4.1 5) [Computer Program] / P. Boersma, D. Weenink. – Retrieved April 7, 2016 from <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>.

References

1. Bel'tyukov, V. I. (1977). *Vzaimodejstvie analizatorov v processe vospriyatiya i usvoeniya ustnoj rechi (v norme i patologii)* [The interaction of analyzers in the process of speech perception and acquisition (Norm and pathology)]. Moscow : Pedagogika.
2. Bondarko, L. V. (1977). *Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo yazyka* [Sound system of modern Russian]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Vinarskaya, E. N. (1970). Nejrolingvisticheskij analiz zvukovoj storony rechi [Neurolinguistic analysis of the external aspects of speech]. *Yazyk i chelovek* [Language and Human] : A collection of scientific papers (pp. 55–62). Moscow : Moscow State University.
4. Vinarskaya, E. N., Bogomazov, G. M. (2005). *Vozrastnaya fonetika* [Age phonetics]. Moscow : Astrel'.
5. Gvozdev, A. N. (2007). *Voprosy izucheniya detskoj rechi* [Issues of child speech]. St Petersburg : Detstvo Press.
6. Eliseeva, M. V. (2005). Razvitie rechi rebenka: vzglyad lingvista [The development of a child's speech: linguists view]. *Logoped* [Speech Therapist], 4, 18–28.
7. Zhinkin, N. I. (1958). *Mekhanizmy rechi* [Speech mechanisms]. Moscow: APN RSFSR.
8. Zhukova, N. S. *Skhema sistemnogo razvitiya normal'noj detskoj rechi* [Scheme of systematic development of normal children's speech]. Retrieved January 21, 2017 from http://primdou80.ru/public/users/994/doc/051120151911.pdf.
9. Isenina, E. I. (1986). *Doslovesnyj period razvitiya rechi u detej* [Babbling stage of children's language development]. Saratov : Saratov State University Press.
10. Leont'ev, A. A. (1965). *Slovo v rechevoj deyatel'nosti. Nekotorye problemy obshchej teorii rechevoj deyatel'nosti* [Word in speech activity. Some of the problems of the general theory of speech activity]. Moscow : Nauka.
11. Markova, A. K. (1961). Osobennosti usvoeniya slogovoj struktury slova u detej, stradayushchih alaliej yazyka [Pecularities of syllable structure acquisition in the speech of children with alalia]. *Shkola dlya detej s tyazhelymi narusheniyami rechi* [School for children with severe speech disorders]: A collection of scientific papers (pp. 59–70). Moscow.
12. Markova, A. K. (1969). Ovladenie slogovym sostavom slova v rannem vozraste [Syllable structure acquisition at an early age]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology], 5, 22–34.
13. Nosikov, S. M. (1985). Opyt foneticheskogo opisaniya lepeta [Experience of babble phonetic description]. *Stanovlenie rechi i usvoenie yazyka rebenkom* [Child speech and language acquisition]: A collection of scientific papers (pp. 36–64). Moscow : Pedagogika.

14. Sikorskij, I. A. (1881). *O razvitii rechi u detej* [About development of children's speech] A reprint from *Ezhenedel'naja klinicheskaja gazeta* [Weekly Clinical Newspaper]. SPb. : Botkina.
15. Ponyatijno-terminologicheskij slovar' logopeda [Conceptual terminological dictionary of speech therapist]. Ed. by V. I. Seliverstov. Retrieved January 21, 2017 from <http://pedlib.ru/Books/3/0439/3_0439-323.shtml#book_page_top>.
16. Shvachkin, N. H. (1948). Razvitie rechevyh form u mladshih doshkol'nikov [The development of younger preschoolers speech forms]. *Voprosy psihologii rebenka doshkol'nogo vozrasta* [Issues of younger preschooler's physiology]: A collection of scientific papers (pp. 48–79). Moscow : APN RSFSR.
17. Boersma, P., Weenink, D. (2016). *Praat: Doing phonetics by computer* (Version 5.4.15) [Computer Program]. Retrieved April 7, 2016 from <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>.

Информация об авторах

Гань Хайцюань, профессор кафедры русского страноведения и культуры Хэйхэского университета, г. Хэйхэ, КНР, e-mail: ghd8289072@163.com

Григорьев Алексей Сергеевич, аспирант кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии (группа по изучению детской речи) Биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: a.s.grigoriev89@gmail.com

Ляксо Елена Евгеньевна, доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии, руководитель группы по изучению детской речи Биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: lyakso@gmail.com

Кочеткова Ульяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: ukochetkova@phonetics.pu.ru

Ма Татьяна Юрьевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой перевода и межкультурной коммуникации Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: tdovnar@mail.ru

Матвеева Елена Владимировна, аспирант кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: matveeva_555@mail.ru

Мусаева Елена Георгиевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: blagmeg@yandex.ru

Мэн Шусянь, Бывший глава Департамента по национальным вопросам этнических меньшинств провинции Хэйлунцзян, Китайская Народная Республика, e-mail: mahayer_111@sina.com

Наумов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, e-mail: vladimir_naumov_@mail.ru

Остроухов Александр Викторович, научный сотрудник группы по изучению детской речи (работа по грантам) Биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: sasha_schoen@mail.ru

Пирогова Марина Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: pirogova_marina@mail.ru

Сивухин Андрей Александрович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: avonblag@yandex.ru

Фролова Ольга Владимировна, кандидат биологических наук, научный сотрудник кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии (группа по изучению детской речи) Биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: olchel@yandex.ru

Шуйская Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: T.Shuiskaya@mail.ru

Our authors

Gan Haiguan, Professor, Department of Russian Regional Geography and Culture, Heihe University, Heihe, China, e-mail: ghd8289072@163.com

Aleksey S. Grigorev, PhD student, Department of Higher Nervous Activity and Psychophysiology (child speech studies group), Faculty of Biology, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, e-mail: a.s.grigoriev89@gmail.com

Elena E. Lyakso, Doctor of Biology, Professor, Department of Higher Nervous Activity and Psychophysiology, the Head of child speech studies group, Faculty of Biology, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, e-mail: lyakso@gmail.com

Ulyana E. Kochetkova, PhD, senior teacher, Faculty of Philology, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, e-mail: ukochetkova@phonetics.pu.ru

Tatyana Yu. Ma, Doctor of Philology, Head of the Department of Translation Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: tdovnar@mail.ru

Elena V. Matveeva, PhD student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: matveeva_555@mail.ru

Elena G. Musaeva, senior teacher, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: blagmeg@yandex.ru

Man Shuxian, Retired Head of the National Affairs of Ethnic Minorities Department, Heilongjiang Province, China, e-mail: mahayer_111@sina.com

Vladimir V. Naumov, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, e-mail: vladimir_naumov_@mail.ru

Aleksandr V. Ostrouxov, researcher of child speech studies group, Faculty of Biology, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, e-mail: sasha_schoen@mail.ru

Marina A. Pirogova, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: pirogova_marina@mail.ru

Andrei A. Sivukhin, PhD in Pedagogical Sciences, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: avonblag@yandex.ru

Olga V. Frolova, PhD in Biology, researcher, Department of Higher Nervous Activity and Psychophysiology (child speech studies group), Faculty of Biology, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, e-mail: olchel@yandex.ru

Tatiana V. Shuiskaya, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: T.Shuiskaya@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

Гань Хайцюань	Смысл современных мифов о Петербурге в русской литературе XIX века	5
Кочеткова У. Е.	Влияние фонетического контекста на реализацию согласного /r/ во французской певческой речи	16
Ляксо Е. Е., Фролова О. В., Григорьев А. С., Остроухов А. В.	Корпуса детской речи «INFANT.RU», «INFANT.MAVS», «CHILD.RU», «EmoChildRu» на материале русского языка и их использование в исследованиях речевого онтогенеза	28
Матвеева Е. В., Ма Т. Ю.	Антитеза как приём риторического построения речи в античной риторике	59
Мэн Шусянь	Общее описание орочонского языка в Китае	67
Мусаева Е. Г.	Звуковые средства воздействия в британской публичной речи	87
Наумов В. В.	Чувство юмора в вербальном и параязыковом выражении	98
Пирогова М. А.	Курс «английский для специальных целей»: профессиональная группа «туризм»	106
Сивухин А. А.	Промежуточный контроль коммуникативной компетентности будущих бакалавров в процессе изучения иностранных языков в вузе	115
Шуйская Т. В.	Слоговая структура слов в речи трёхлетних детей	124
Информация об авторах		136

CONTENTS

Original Papers

Gan Haiguan	The implications of the modern myths of Petersburg in the 19th century Russian literature	5
Kochetkova U. E.	Phonetic environment effect on /r/ articulation in French sung speech	16
Lyakso E. E., Frolova O. V., Grigorev A. S., Ostrouxov A. V.	«INFANT.RU», «INFANT.MAVS», «CHILD.RU», «EmoChildRu» – RUSSIAN children speech corpora and their application in research of ontogenesis of speech	28
Matveeva E. V., Ma T. Yu.	Antithesis as a rhetorical device of speech composition in the antique discourse	59
Meng Shuxian	General description of the Orochon language in China	67
Musaeva E. G.	Phonetic means to influence the listener used in British public speech	87
Naumov V. V.	Sense of humor manifestation: Verbal and paraverbal means	98
Pirogova M. A.	ESP course design: EOP tour guide	106
Sivukhin A. A.	Formative assessment of communicative competence of future bachelors in learning foreign languages at university	115
Shuiskaya T. V.	Syllable structure of words in the speech of 3-year-olds	124
Our authors		136

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ФОНЕТИКА БЕЗ ГРАНИЦ» (PhwB)
***12–14 июня 2017 г.*, Благовещенск, Амурская область,**
Российская Федерация

PhwB проводится каждые три года. 2017 год объявлен годом международного туризма. Миссия конференции – способствовать развитию науки фонетики через развитие туризма и языковых контактов. 2017 год также объявлен годом экологии в России. PhwB способна внести вклад в экологию языка, изучая фонетический уровень, способствуя стандартизации, сохранению языковой идентичности и сохранению исчезающих языков.
Цель PhwB состоит в способствовании общению специалистов из разных стран в различных областях фонетики, что откроет новые возможности для обмена опытом, обогащения знаний. Мы надеемся, что конференция внесет вклад в разработку эффективных способов решения проблемных вопросов в обозначенных областях. На ряд вопросов удастся ответить, но еще больше – задать.

Организаторы: Амурский государственный университет, филологический факультет, кафедра иностранных языков, лаборатория экспериментально-фонетических исследований

Объявляем прием докладов
Принимаются 20-минутные секционные доклады по оригинальным неопубликованным ранее результатам исследований в различных областях фонетики.
Название доклада, аннотацию до 200 слов и статью просим отправлять по адресу androsova_s@mail.ru , в теме письма просьба указать «PhwB-2017».
Размер статьи – 4–10 страниц А4, возможные форматы .doc or .odt and PDF
Можно использовать следующие фонетические шрифты:
IPA-SAM phonetic fonts: http://www.phon.ucl.ac.uk/shop/fonts.php
SIL phonetic fonts: http://scripts.sil.org/encore-ipa-download

Научная область

Speech Production (sounds and prosody)
Speech Perception (sounds and prosody)
Speech Acoustics
Speech Modeling (Synthesis and Recognition)
Phonology
Cross-Language Studies
Sociophonetics
Sound Acquisition
Teaching Pronunciation
Field Methods in Phonetics

Контакты
Андросова Светлана Викторовна (председатель оргкомитета)
androsova_s@mail.ru

Пройдите он-лайн регистрацию на нашем веб-сайте: https://pwb.amursu.ru

An interdisciplinary forum for phonetic science research and theory

Phonetica

Editor
C.T. Best, Bankstown, N.S.W. (Australia)

Associate Editors
S. Frota, Lisbon (Portugal)
W. Gu, Nanjing (China)
S. Hawkins, Cambridge (United Kingdom)
R. Hayes-Harb, Salt Lake City, Utah (USA)
A. Jongman, Lawrence, Kans. (USA)
G. Khattab, Newcastle upon Tyne (United Kingdom)
I. Mennen, Graz (Austria)
R. Ogden, York (United Kingdom)
M. Pouplier, Munich (Germany)
R. Walker, Los Angeles, Calif. (USA)
P.C.M. Wong, Hong Kong (China)

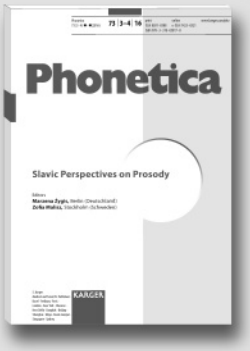
www.karger.com/pho

Prosodic phenomena in Slavic languages and their impact on additional linguistic areas

Slavic Perspectives on Prosody

Special Topic Issue

Editors
Marzena Żygis
Zofia Malisz



Contents

Introduction
- Special Issue: Slavic Perspectives on Prosody: **Malisz, Z.; Żygis, M.**

Original Papers
- Stability and Variability in Slovak Prosodic Boundaries: **Beňuš, Š.; Šimko, J.**
- How Truncating are 'Truncating Languages'? Evidence from Russian and German: **Rathcke, T.V.**
- Perspectives on Speech Timing: Coupled Oscillator: Modeling of Polish and Finnish: **Malisz, Z.; O'Dell, M.; Nieminen, T.; Wagner, P.**
- Local and Global Cues in the Prosodic Realization of Broad and Narrow Focus in Bulgarian: **Andreeva, B.; Barry, W.J.; Koreman, J.**
- Structural and Referent-Based Effects on Prosodic Expression in Russian: **Luchkina, T.; Cole, J.S.**
- The Prosody of the Czech Discourse Marker 'Jasně': An Analysis of Forms and Functions: **Volín, J.; Weingartová, L.; Niebuhr, O.**
- The Phonetics and Phonology of the Polish Calling Melodies: **Arvaniti, A.; Żygis, M.; Jaskuła, M.**

Author Index

Slavic Perspectives on Prosody
Editors: Żygis, M. (Berlin); Malisz, Z. (Stockholm)
212 p., 67 fig., 23 tab., 2016
CHF 52.00 / EUR 49.00 / USD 61.00 (soft cover)
CHF 62.00 / EUR 59.00 / USD 73.00 (online)
Online prices for institutional purchase
Prices subject to change, VAT not included
EUR price for eurozone countries,
USD price for USA and Latin America only
ISBN 978–3–318–05984–7 (soft cover)
e-ISBN 978–3–318–05985–4

Special Topic Issue
Phonetica
Vol. 73, No. 3–4 (2016)
Included in subscription

KI17265

KARGER

Karger – Medical and Scientific Publishers
CH–4009 Basel, Switzerland
orders@karger.com, f: +41 61 306 12 34
www.karger.com

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 3, No 1, 2017.
Издательство АмГУ.

Подписано к печати 24.03.17. Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 16,27. Тираж 500. Заказ 801.
Отпечатано в типографии АмГУ.